

ПРИЛОЖЕНИЕ

JULIANI IMPERATORIS
EPISTULAE

ИМПЕРАТОР ЮЛИАН
ПИСЬМА

*

ПЕРЕВОД *Д. Е. ФУРМАНА*

ПОД РЕДАКЦИЕЙ *А. Ч. КОЗАРЖЕВСКОГО*

Д. Е. Фурман

ИМПЕРАТОР ЮЛИАН И ЕГО ПИСЬМА

Целью настоящей статьи не являются ни сколь-нибудь полный анализ деятельности Юлиана, ни исчерпывающий анализ его писем, как исторического источника, ибо и первая и вторая задачи перерастают рамки отдельной статьи. Цель наша значительно более скромная — показать, как в данном источнике, письмах Юлиана, отражены обстоятельства его жизни, его личность и деятельность.

В настоящей статье мы сознательно избегали широких и спорных теоретических интерпретаций. Мы старались ограничиться лишь тем, что непосредственно и, на наш взгляд, бесспорно можно извлечь из данного источника, прибегая к материалу других источников лишь там, где, как нам казалось, это необходимо.

Из римских императоров только Марк Аврелий оставил после себя такой же глубоко личный и интимный документ, как «Письма» Юлиана. Но у Марка Аврелия — глубокая рефлексия мыслителя, он исследует, анализирует свою жизнь. Юлиана же в его письмах мы застаем как бы врасплох, таким, как он открывался разным людям, в разное время и при разных обстоятельствах — то ведущим переговоры со своим соперником, то грозящим религиозным противникам, то поверяющим свои сокровенные переживания другу. Одним словом, личность Юлиана предстает в его письмах перед нами непосредственно, не прошедшей ни через призму миросозерцания историка или писателя, как в сочинениях Либания, Евнапия или Зосима — его сторонников, или Феодорита, Сократа, Филосторгия, Григория Назианзина и Созомена — его христианских врагов, ни через призму его собственной философской рефлексии. Это делает его письма источником не просто интересным, но, пожалуй, и уникальным, единственным источником по истории Римской империи, на наш взгляд, действительно раскрывающим внутреннюю жизнь императора устами самого императора на протяжении всей его политической деятельности.

Каким же был этот человек, император, которого как ни какого другого римского правителя до небес возносили одни и так же рьяно ругали другие, император, которому христиане дали имя, оставшееся за ним во всей последующей, в том числе и нехристианской историографии,— «Отступника» [1]?

---

[1] Литература об Юлиане очень обширна. Ниже мы приводим лишь наиболее важные работы нового времени: I. Bidez, La vie de l'empereur Julien, P., 1929; G. Negri, L'Imperatore Giuliano l'Apostato, Milano, 1914; I. Geffcken, Kaiser Julianus, Lpz, 1914. Клерикальная католическая историография, очень тенденциозная по отношению к Юлиану, представлена в XX в. двумя крупными трудами: P. Allard, Julien L'Apostat, P., v. I—1900, v. II—III—1903; G. Ricciotti, Giuliano L'Apostato, «Mondatori», 1956. Подробному рассмотрению социальной политики Юлиана посвящена большая часть книги S. Mazzarino, Aspetti sociali del quarto secolo, Roma, 1951.

ВРЕМЯ ЮЛИАНА

Но прежде чем говорить о том, каким был этот человек, нужно хотя бы несколько слов сказать о том, каким было то время, когда он жил. Проблемы, связанные с гибелью Римской империи, с переходом от античности к средневековью, т. е. проблемы истории эпохи Юлиана, очень сложны и еще далеко не разрешены современной наукой. Поэтому мы ограничимся лишь перечислением некоторых самых общих черт и в то же время самых очевидных. IV век — эпоха дальнейшего кризиса рабовладельческого хозяйства, эпоха широкого распространения колоната, время постепенной натурализации хозяйства и упадка многих мелких и средних городских центров. Очевидно, именно следствием этих глубоких социально-экономических сдвигов была достигшая в IV в. чудовищных размеров бюрократизация всей общественной жизни. Призванная скрепить распадающиеся общественные связи, бюрократия растет, как раковая опухоль. Как писал замечательный русский историк Д. М. Петрушевский, рост и усиление влияния бюрократии «... мало-помалу превратили свободные общественные организации в мертвые, механически двигавшиеся колеса правительственной машины» [2].

Чудовищных размеров достигает коррупция — целые провинции разоряются из-за вымогательств императорских чиновников. Происходит прикрепление к земле колонов и свободных крестьян, куриалов — к куриям, ремесленников — к коллегиям и корпорациям.

Политический строй Империи, не утратив своих наиболее существенных черт основанной на военной диктатуре монархии, приобрел ряд новых. В IV в. императорская власть лишается последних следов староримских республиканских традиций и превращается в вариант восточной деспотии. Императоры в это время обычно уже не живут в Риме и лишь изредка навещают «вечный город». Постоянной резиденции императоры не имеют и вместе с двором и представителями центральной администрации передвигаются по стране. Императорскими резиденциями становятся несколько крупных и значительных в военном отношении провинциальных городов. Поэтому значение Рима и влияние его сената падают. Значение Рима падает еще и потому, что у него появляется быстро растущий соперник — построенная Константином вторая столица империи, Константинополь.

Армия продолжает оставаться силой, от которой прежде всего зависит прочность положения императора на престоле. Военная анархия III в.

Русские дореволюционные работы об Юлиане — в основном тенденциозные клерикальные работы, представляющие лишь историографической интерес. Необходимо отметить книгу Н. Н. Розенталя «Юлиан — Отступник (Трагедия религиозной личности)», Пг., 1923. Тот же Н. Н. Розенталь защитил позднее докторскую диссертацию «Социальные основы языческой реакции императора Юлиана» (Байрам-Али, 1943), к сожалению, оставшуюся неопубликованной. В этой работе Н. Н. Розенталь пытается представить Юлиана выразителем интересов консервативно настроенных средних землевладельцев, куриалов, а язычество — идеологией куриалов. Сравнительно недавно появилась статья, специально посвященная письмам Юлиана: Т. В. Попова, Письма императора Юлиана (в сб. «Античная эпистолография», М., 1967, стр. 226—259). Однако в этой работе есть ряд неточностей. Например, цитируя письма по изданию Биде, Т. В. Попова приводит свидетельства как подлинных писем, так и тех, которые Биде выделены как не принадлежащие Юлиану (стр. 239 — «К евреям», стр. 253— к Ямвлиху и Георгию и др.); 88-е (по нумерации Биде) письмо, почти несомненно адресованное к президу Карии, без аргументов объявляется письмом к жрецу (стр. 248); также без оснований утверждается, что Георгий был убит никейцами и Юлиан в письме к александрийцам (29-е) лишь делает вид, что это ему неизвестно и он будто бы думает, что убийцы — язычники и др.

[2] Д. М. Петрушевский, Очерки из истории средневекового общества и государства, М., 1917, стр. 196.

уже позади, но узурпация императорской власти и военные перевороты не прекращаются. Поэтому никакой прочной системы престолонаследия установить не удается. Сложная и хитроумная система тетрархии, установленная Диоклетианом, терпит крах из-за провозглашения армией августом Константина, после чего начинается недолгая, но бурная эпоха борьбы за единоличную власть. Приход к власти Константина связан с попыткой установления династии вторых Флавиев. Но династия крайне непрочна. После смерти Константина Империю наследуют три его сына — Констанций, Константин II и Констант. Разразившаяся вскоре борьба между Константом и Константином II заканчивается гибелью Константина II. Через некоторое время гибнет и Констант от руки узурпатора, и Констанцию приходится бороться с тремя претендентами — Магненцием, Непоцианом и Ветранионом. Констанций побеждает, но до конца своего правления он продолжает опасаться за свою власть.

В это время прочно входит в жизнь институт цезарей, как бы императоров второго ранга. Одному человеку уже не под силу управлять всей громадной и разваливающейся Империей, которая постоянно подвергается в IV в. нападениям варварских народов. В этих условиях императоры склонны делиться своей властью с родственниками или наследниками, которым они передают в управление часть территории, наделяя их титулом цезаря.

В условиях произвола абсолютной императорской власти, засилья бюрократии и жесткого финансового гнета правительства возникало ощущение бессилия человеческой личности. И люди стремятся вновь обрести ощущение ценности и значимости собственной личности в религии. Утративший уверенность в собственных силах разум ищет откровения и веры. IV век — век победы христианства, выработавшего к этому времени сложную и гибкую идеологическую структуру, способную удовлетворить стремления самых разных людей, сплотить их всех в рамках одной догматической идеологии.

В 313 г. император Константин, уверовавший в «благую весть об искуплении грехов человечества Иисусом Христом, сыном божиим», выпускает эдикт, прекращающий гонения на христиан и уравнивающий в правах христианство со староримской, языческой религией. Постепенно христианство из религии равноправной становится официальной, господствующей. Оно делает колоссальные успехи и завоевывает себе все новых приверженцев.

Старая религия отступает, но отступает не без сопротивления. Можно сказать, что чем больше она отступает, тем это сопротивление становится серьезнее. Приверженцев язычества все меньше, но вера тех, кто остается язычником, становится все более горячей и глубокой. Наряду с этим в язычестве происходят глубокие структурные изменения: создание догматической неоплатонической теологии, сближение ее с культом; зреет сознание необходимости новых организационных форм. Язычество подобно пружине, которая сжата, но у которой еще есть силы разжаться. Не хватало, пожалуй, одного — удобного момента и лица, способного взять на себя завершение реорганизации и перестройки.

Но вот нашелся и удобный момент и человек, причем появление того и другого совпало. Какой момент мог быть более удобен для перехода в контрнаступление, чем воцарение императора-язычника? И этот император сам выступает в роли религиозного реформатора. И что самое удивительное — этот император появляется в доме Констанция I Хлора, он племянник «равноапостольного» Константина и двоюродный брат злого врага язычников Констанция II.

ЮНОСТЬ ЮЛИАНА

Самые ранние из писем Юлиана относятся к тому времени, когда он носил титул цезаря и управлял Галлией. Но в ряде писем затрагиваются и события предшествующего периода его жизни. А поскольку события эти и впечатления, произведенные ими на душу Юлиана, были крайне важны для формирования его личности, мы вкратце напомним о них и посмотрим, какое отражение они находят в его переписке.

Юлиан родился в 331 г. в Константинополе от брака Юлия Констанция, сводного брата императора Константина [3], и Базилины, дочери видного чиновника императора Лициния, Юлия Юлиана. Детство и юность Юлиана были омрачены событиями страшными, хотя и обычными для поздней Империи. Отец Юлиана и его братья не очень-то ладили с Константином. Очевидно, император, сын женщины низкого происхождения, провозглашенный августом войсками, не доверял своим сводным братьям, у которых императорское происхождение было «чистое» и по отцу, и по матери. Отец Юлиана лишь к концу жизни был принят ко двору. Однако по завещанию Константина, умершего в 337 г., Империя была не только поделена между тремя его сыновьями, но были выделены особые области и племянникам Константина — двум сыновьям Далмация, брата Юлия Констанция. Но завещанию не суждено было осуществиться. В сентябре 337 г. вся линия рода Констанция I Хлора, идущая от его брака с Феодорой (отец Юлиана, его старший брат, дядя и шесть кузенов), была вырезана взбунтовавшимися солдатами. История этого бунта не очень ясна, но, скорее всего, к нему приложил руку единственный из бывших в то время в Константинополе сыновей Константина Констанций II, которому впоследствии перешло в руки управление всей Империей. От резни чудом спаслись только Юлиан и его сводный брат Галл. Хотя Галл и Юлиан уцелели, но жизнь их висела на волоске, ибо Констанций II, естественно, не доверял им и боялся их, как возможных мстителей.

Последующие годы жизни Юлиана — это годы полутюремного режима в замке Мацеллуме (в Каппадокии), куда он был помещен вместе с Галлом, годы постоянного страха перед подозрительным Констанцием, годы напряженных идейных поисков, приведших в конце концов Юлиана к тайному переходу из христианства, религии дома Константина, в старую веру — язычество.

Положение Юлиана резко изменилось после того как бездетный Констанций, не в силах один управлять всей громадной Империей, был вынужден сделать цезарем Галла (ибо, кроме Галла и Юлиана, других сородичей у него не осталось) и дать ему в управление Восток Империи со столицей в Антиохии. Как цезарь Галл отличался крайней жестокостью и вообще оказался ухудшенным вариантом Констанция. Напуганный его деспотическими замашками и заподозрив его в стремлении к единоличной власти, император заманил Галла к себе в Медиолан и казнил без суда и следствия.

Юлиана после казни Галла Констанций также вызвал в Медиолан и некоторое время было не ясно, оставит ли он его в живых или покончит и с ним. Но Констанций не казнил его, а оставил на свободе и отправил продолжать учение в Афины.

В это время положение Империи резко ухудшается. На Востоке усиливают натиск персы, а Галлию опустошает германское племя аламаннов. В этих условиях Констанцию ничего не остается, как провозгласить шестого ноября 355 г. Юлиана цезарем и дать ему в управление западные обла-

[3] Юлий Констанций — сын Констанция I Хлора не от его первой жены, Елены, а от второго брака, от падчерицы тетрарха императора Максимиана Феодоры.

сти Империи — раздираемую войной Галлию, а также территории совр. Испании, Португалии, Англии и Бельгии.

Такова общая канва событий жизни Юлиана, приведших его к титулу цезаря, как она нам известна из Аммиана Марцеллина, Либания и автобиографии Юлиана («Послание к афинянам»). Его письма, ни одно из которых, как это уже говорилось, не относится к этому периоду, могут играть роль лишь вспомогательного источника. Но все же они дают кое-какие дополнительные сведения. Каковы же эти сведения?

О родителях Юлиана и их отношениях с Константином мы узнаем из писем очень мало. В 11-м письме (фрагменте из недошедшего «Послания к коринфянам») говорится, что отлученный от двора Юлий Констанций странствовал по стране, как Одиссей, и одним из его временных местопребываний был Коринф. В том же фрагменте Елена называется «злодейкой-мачехой» его отца. Эти слова дополняют ряд известных из других источников (Julian., Caesar. 336 A—B; Amm. Marc., XXI, 10,7) резко отрицательных отзывов Юлиана о Константине и свидетельствуют о ненависти Юлиана ко всей «узурпировавшей» престол линии, идущей от Елены. Очевидно, это вполне понятная ненависть была одной из психологических причин отказа Юлиана от религии Константина и Елены — христианства.

Накопившаяся злоба к Констанцию прорывается у Юлиана в основном в его «Послании к афинянам». В письмах лишь в одном месте раскрывается это отношение — в письме к Гермогену (19) он красноречиво воздерживается от какой-либо оценки Констанция II: «Уж какой он был, такой и был».

О пребывании Юлиана в Мацеллуме в его письмах есть лишь два косвенных свидетельства. Из 52-го письма, к Экдикию, мы узнаем, что Юлиан занимался в Мацеллуме перепиской книг Георгия Каппадокийского, впоследствии арианского (омийского) епископа Александрии. Неизмеримо более важно другое свидетельство. В 55-м письме (к александийцам) Юлиан мимоходом говорит, что он — язычник, «эллин», уже двенадцатый год. Письмо написано в 362 г. Это — единственное свидетельство о дате «обращения» Юлиана, которое относится, следовательно, к 350 г.— концу пребывания в Мацеллуме. Косвенно это бросает свет на психологический процесс, приведший Юлиана к «обращению». В Мацеллуме он находился под неусыпным контролем, и его последовательно воспитывали в христианском духе. В этих условиях переход к язычеству мог быть лишь актом напряженной внутренней борьбы, итогом сложного и мучительного процесса идейных поисков. «Обращение» приходилось скрывать, и эта раздвоенность во многом способствовала формированию психического склада Юлиана.

Пребывание в Мацеллуме было прервано неожиданным возвышением Галла. Юлиан получил свободу, с головой окунулся в учение и вскоре нашел друзей и единомышленников [4]. Он сблизился с пергамским кружком языческих философов-неоплатоников, руководимым Эдессием, и особенно — с «тауматургом» Максимом Эфесским. Все это подробно описано в «Жизнеописаниях софистов» Евнапия и речах Либания. Но письма дают ряд дополнительных и немаловажных сведений. Восторженный дифирамб учениям Платона и Аристотеля во втором письме Юлиана к Эвмению и Фариану, его друзьям по учению в Афинах, раскрывает нам настроение Юлиана в это время, ту истинно религиозную страстность, с которой он относился к классическому культурному наследию и прежде всего — к фи-

[4] В хронологии и последовательности событий жизни Юлиана до его провозглашения цезарем есть неясности: был ли он в Константинополе до Мацеллума, последовательность его местопребываний после Мацеллума. Различные варианты разбираются в книге Дж. Риччотти (Ricciotti, ук. соч., стр. 22).

лософии, превращавшейся неоплатониками в своего рода языческую теологию. Целый ряд косвенных данных говорит о широких связях, установленных в это время Юлианом с языческой интеллигенцией. Многие его адресаты — интеллигенты-язычники, которых он называет своими друзьями. Такая дружба могла завязаться лишь до того, как он стал цезарем и отправился на войну в далекую Галлию. Это — ритор Евагрий (1), Эвмений и Фариан (2), Алипий (3, 4), Приск (5, 6, 7), Максим (13), Евтерий (15), Феодор (16, 44), Василий (18), Гермоген (19), философ Евстафий (20, 21, 22), Филипп (23), Евстохий (24), философ Аристоксен (33). Таким образом, Юлиан оказывается в центре еще не организованного, но все же существующего движения за реставрацию и возрождение язычества.

Из 44-го письма, к Феодору, мы узнаем, что Юлиан, очевидно в это время, был посвящен в языческие мистерии тем же человеком, который посвятил и Феодора, скорее всего, Максимом Эфесским.

Однако, как бы глубоко и искренне ни чувствовал себя Юлиан «эллином», приверженцем веры отцов, внешне он вынужден был оставаться христианином и вести себя так, чтобы не вызвать подозрений. И, кажется, ему это как-то удавалось. Есть только одно свидетельство Филосторгия (III, 27) о том, что какие-то тревожные слухи дошли до цезаря Галла и он послал к Юлиану для расследования главу аномиев, известного богослова Аэция, но Юлиан сумел усыпить его подозрения. Косвенно это подтверждается 25-м письмом (к Аэцию), в котором говорится о старой дружбе, связывающей его с Юлианом.

ЮЛИАН — ЦЕЗАРЬ

Следующий период жизни Юлиана, нашедший отражение в его письмах,— это время, когда провозглашенный цезарем Юлиан управляет Западом Империи и воюет с аламаннами. Как и события юности Юлиана, история этого периода его деятельности известна нам прежде всего не из писем, а из Либания и Аммиана Марцеллина. Послав Юлиана в Галлию, Констанций опутал его всякого рода ограничениями, окружил своими людьми и вообще попытался всячески обезопасить себя от возможного восстания. Но постепенно, по мере того как все больше и больше выяснялась абсолютная неспособность военачальников Констанция, реальное военное командование сосредоточилось в руках Юлиана. Он неожиданно оказался очень способным военачальником и администратором. Он разбил аламаннов, очистив от них территорию Империи, и сумел одновременно облегчить налоговое бремя Галлии. Между тем, отношения его с Констанцием все более ухудшаются вследствие подозрительности императора и козней придворных интриганов. Когда осложнилось положение на персидском фронте, Констанций велел Юлиану отправить туда свои лучшие части. Насколько это было вызвано действительно государственной необходимостью, насколько — стремлением обезоружить Юлиана, не ясно, но при тех отношениях Юлиана и Констанция, какие сложились у них к тому времени, приказ этот оказался искрой, которая вызвала пожар. Отправляющиеся на Восток войска подняли в мае 360 г. в Паризиях (совр. Париж) восстание и провозгласили Юлиана августом.

Как отражена деятельность Юлиана в этот период в его переписке?

В переписке этого времени продолжаются завязавшиеся ранее дружеские связи. Адресаты Юлиана — Евагрий (1), Эвмений и Фариан (2), Алипий (3, 4), Приск (5, 6, 7), Орибасий (8). Все это люди одного типа — интеллигенты-язычники. Как цезарь Юлиан уже может оказывать им какие-то ощутимые знаки внимания. Так, Евагрию он дарит имение, Приска приглашает в свою ставку. Тон его писем отнюдь не высокомерен

и не только дружествен, но даже восторжен. В нем сквозит горячность новообращенного, его уважение к старым приверженцам новой для него веры, ставшей смыслом его жизни. Он пишет Приску (7): «...я же клянусь, ...что хочу жить только для того, чтобы быть полезным вам. Когда я говорю „вам", я имею в виду истинных философов...».

Тем не менее Юлиану приходится скрывать свои убеждения. Поэтому все его упоминания о божестве носят какой-то двусмысленный характер. Он не хочет лгать, но и не хочет давать прямые улики, он не упоминает Иисуса Христа, но не упоминает и Гелиоса и Митру, выражаясь так, что адресату было понятно, а случайному читателю — нет: «промысел всевидящего Спасителя», «да хранит тебя всевидящий бог», «клянусь твоим и моим спасением», «клянусь всевидящим богом» (5), «клянусь тем, кто для меня податель всех благ и Спаситель» (7).

Самоцензуру приходится соблюдать не только в отношении религии. Так, Константина, которого он и презирал, и ненавидел, Юлиан называет в письме к Евагрию (1) «благородным царем» (Константинополь именуется «городом, соименным благородному царю»).

О чем же идет речь в письмах Юлиана?

В одном письме — к Орибасию (8) — косвенно отражается его административная деятельность и связанная с ней борьба с продажными и ненавидящими его чиновниками Констанция. Свой долг правителя Юлиан ставит необычайно высоко и относится к своим обязанностям очень идеалистически. Борьба с коррупцией, с притеснением местного населения мыслится им чуть ли не религиозным долгом. Чиновники Констанция в этом письме именуются «бандитами», один из них здесь же называется «грязным евнухом», а все они вместе — «безбожной шайкой». Выражения, как мы видим, сильные и свидетельствуют о серьезности столкновения с ними Юлиана, о том, что борьба велась не на жизнь, а на смерть. Придворная клика Констанция, как это описано Аммианом Марцеллином, делала все возможное, чтобы погубить Юлиана. В одном из более поздних писем (19, к Гермогену) Юлиан называет чиновников Констанция «окружавшими его чудовищами, смотревшими на каждого с вожделением» и «трехголовой гидрой».

Военная деятельность Юлиана практически в письмах этого периода не отражена. Скорее всего, это не случайно, но объясняется тем, что адресаты Юлиана — языческие интеллигенты, с которыми ему хотелось поговорить прежде всего о том, что ему было наиболее дорого и интересно и о чем в Галлии поговорить было не с кем,— о философии или даже просто о пустяках, например позабавиться описанием каппадокийского имения, но поговорить так, как могли говорить между собой только представители высшей эллинской образованности.

Несколько раз Юлиан пишет о своей тоске по греческой культуре, о том, как трудно ему вдали от «центров цивилизации», в «варварской» Галлии. «Я бы с радостью посмотрел, какие вы за это время сделали успехи,— обращается он к Эвмению и Фариану.— Что до меня, то удивительно, если я еще говорю по-эллински — в такого варвара я превратился в этих странах» (2). «Это все — шутки галльской варварской музы» (3),— пишет он Алипию. Приска он уговаривает приехать, если только он не побоится «галльского невежества и зимы» (7). Любопытен специфически эллинский характер культуры Юлиана. Читая его письма, можно подумать, что Галлия — это то же самое, что зарейнская Германия или Скандинавия того времени. Но это далеко не так. Как раз в это время Галлия становится центром латинской культуры, там выдвигается блестящая плеяда латинских поэтов — последний взлет классической римской поэзии. Но Юлиан прошел мимо этого. Латинская культура была ему чужда.

Жалобы Юлиана на то, что он превратился в Галлии в варвара,— конечно, кокетство. И в Галлии наряду с военными и административными делами Юлиан занимается философией. Он просит Приска прислать ему хорошую рукопись Ямвлиха и говорит ему: «Приезжай, и ты увидишь, как много работ написал я за прошлую зиму в свободное время» (6).

Крайне темна история прихода Юлиана к власти. Был ли бунт солдат в Паризиях стихийным, вызванным их нежеланием отправляться на Восток и стремлением занять привилегированное положение при выдвинутом ими августе, или он все же был инспирирован Юлианом и его демонстративное нежелание принять венец — всего лишь демагогия? Основные источники — Аммиан Марцеллин, подробно описывающий события в Паризиях, и Либаний — изображают дело так, как будто Юлиан совершенно не причастен к организации этого восстания. Только Евнапий (XXI, 1, 4) говорит об известном враче Орибасии, друге Юлиана, как о человеке, приведшем Юлиана к престолу. Как противоречивы сведения источников, так противоречивы и мнения исследователей. Риччотти [5] верит в заговор Юлиана, Геффкен [6] считает, что такого заговора не было.

Проливает ли какой-то свет переписка Юлиана на обстоятельства восстания армии? Во всех письмах, написанных им после переворота, он говорит о своем провозглашении императором, как о происшедшем совершенно помимо его воли. Таковы не только официальное послание к Констанцию (9), но и интимное письмо к своему другу и сподвижнику Максиму (13), лгать которому вроде бы никаких оснований не было. Но тем не менее письма периода, когда Юлиан был цезарем, оставляют совершенно иное впечатление.

На всех этих письмах, как мы уже говорили, лежит какая-то пелена двусмысленности. Не поймешь, о каких богах говорит Юлиан — о христианском боге или богах языческих, не поймешь, о чем вообще идет речь. Так, Юлиан пишет Алипию: «Но не позволишь ли ты мне предсказать нечто относительно будущего (ведь я прорицатель)? Я думаю, что оно будет намного лучше настоящего, была бы только милостивой Адрастея». Далее: «...мне нужно много помощников, чтобы восстановить разрушенное преступно». О чем здесь говориться? Может быть, конечно, что Юлиан надеется на победу над аламаннами, а помощники ему нужны для спасения преступно разрушенной аламаннами Галлии. Но если мы вчитаемся в нарочитую неясность этих строк и вспомним, что Алипий, ставший в то время викарием Британии,— пламенный язычник, которому Юлиан, уже императором, поручил такую ответственную миссию, как восстановление иерусалимского храма (Amm. Marc., XXIII, 1, 2), и который погиб во время антиязыческого террора Валента (там же, XXIX, 44), то невольно приходит мысль, что дело идет о чем-то более и важном, и желанном для обоих — о восстановлении разрушенного преступно язычества, т. е. о перевороте. Но верхом двусмысленности является пронизанное намеками на ожидающийся переворот письмо к Орибасию (8) — тому самому Орибасию, о котором Евнапий писал, что он сделал Юлиана императором. В этом письме Юлиан рассказывает свой сон, в котором в аллегорической форме содержится предсказание скорой гибели дома Константина и возвышения самого Юлиана. Аллегория настолько прозрачна и сам сон настолько напоминает библейские пророчества, что трудно поверить, что это — действительный, а не вымышленный Юлианом сон. Но затем идут такие слова: «Вот какие у нас сны! Бог знает, к чему он, что сулит!». Дальше, говоря о своих раздорах с чиновниками Констанция, он пишет: «...уже поется похоронная

[5] Ricciotti, ук. соч., стр. 175 слл.
[6] Geffcken, ук. соч., стр. 50—52.

песнь о той безбожной шайке». Когда такое письмо пишется накануне переворота, трудно представить, что переворот — просто стихийное выступление солдат и что Юлиан согласился принять венец, чуть ли не уступив физической силе. Гораздо естественнее предположить сознательный план заговора. Тем не менее, нам кажется, что когда Юлиан уверяет впоследствии Максима, что он к престолу не стремился, он не лжет, вернее, не совсем лжет. Дело тут сложнее, как вообще сложна психика человека, тем более такого сложного человека, как Юлиан, и сказать с уверенностью, какие мотивы стоят за его действиями, трудно, если не невозможно. Безусловно, не предполагать возможности разрыва с Констанцием и не думать о перевороте Юлиан не мог. Такие мысли приходили в голову естественно. Более того, вся логика его отношений с Констанцием говорила о том, что разрыв неминуем и переворот может оказаться единственным средством избежать гибели от руки императора, а вся история того времени показывала, как легко возникают военные перевороты. Гибель брата стояла перед глазами цезаря, и казалось, что его собственная судьба — повторение судьбы Галла. Но хотел ли он стать августом? Нам кажется, что отношение Юлиана к возможности стать неограниченным владыкой Империи было сложным, амбивалентным. Он не мог не хотеть власти, однако, будучи по наклонностям скорее кабинетным ученым, чем политическим деятелем, он мог одновременно и бояться императорской власти и связанной с ней деятельности. Но при этом амбивалентном отношении к трону у него все более крепла уверенность, что боги избрали его своим орудием для восстановления язычества и императорская власть — дар богов, не принять который он не может. Все это могло создать такое настроение, при котором Юлиан, ожидая переворота и своего возвышения, видя в этом волю богов и смотря сквозь пальцы на то, как его друзья и сподвижники готовят восстание, тем не менее сознательно императором стать не хотел. Это — единственная возможность примирить 8-е и 13-е письма, не обвиняя Юлиана во лжи своему другу, учителю и единомышленнику.

ДВА ИМПЕРАТОРА

Следующие шесть писем (9—14) относятся ко времени между провозглашением Юлиана августом и его вступлением в Константинополь. Юлиан за это время, после окончательного разгрома аламаннов и союзных им племен, совершает молниеносный бросок на Восток. Но военные действия между ним и Констанцием так и не начались. Неожиданно Констанций умирает, и его оставшееся без предводителя войско переходит на сторону Юлиана. 11 декабря 361 г. Юлиан торжественно вступает в Константинополь.

Первое из писем, относящееся к этому периоду,— это официальное послание Юлиана к Констанцию. Дошло оно до нас в сочинении Аммиана Марцеллина и представляет собой, скорее всего, латинский перевод греческого подлинника. Интересен тон этого письма — спокойный, даже величественный, совершенно отличный от неровного и эмоционального тона большинства его писем. Письмо очень логично. Видно, что продумывалось и взвешивалось каждое слово. Юлиан предлагает мир при условии признания его августом, но идет на ряд важных уступок. Тем не менее Констанций не пошел на условия Юлиана, потребовав его отказа от титула августа. Переговоры были сорваны.

Констанций и его друзья попытались избавиться от Юлиана, не доводя дела до войны. Из Аммиана Марцеллина (XX, 4, 20—22), Либания (Or. XVIII, 102) и «Послания к афинянам» Юлиана (285A—B) известно о каком-то заговоре против Юлиана в Галлии вскоре после переворота. К сожа-

лению, ни один из этих трех источников не создает ясной картины заговора. Неизвестно, ни кто его организовал, ни состав заговорщиков. В одном из писем, к Максиму (13), очевидно, есть упоминание об этом заговоре. Юлиан пишет: «Но ты видишь, что я прошел мимо многих значительных событий, о которых тебе очень и очень стоит знать: ... каким образом мы избежали столь великого множества заговоров, причем никого не убили, ничье имущество не отняли, и арестовали только тех, кто попался с поличным». Из этих строк можно вынести впечатление, что был не один заговор, а несколько попыток свергнуть Юлиана. Но так или иначе, после провала и переговоров и попытки (или попыток) контрпереворота война между Констанцием и Юлианом была неизбежной.

Военные предприятия Юлиана этого времени отражены в 13-м письме (к Максиму), в котором он упоминает о предшествующей его походу на Констанция экспедиции в землю франков-аттуариев, подробно описанной Аммианом Марцеллином (XX, 10). Лишь обезопасив Галлию, Юлиан мог начать войну с «внутренним» врагом. 10-е письмо, к некоему Максимину, которому он поручает приготовить флот у Кенхрей — порта на Коринфском перешейке (возможно, для перевозки войска в Малую Азию), относится ко времени похода на Констанция и отражает какие-то неясные обстоятельства этого похода. Но история этого похода, хорошо известная из других источников (Аммиана Марцеллина, Зосима, Либания), в письмах отражена слабо. Как мы уже говорили, до военного столкновения дело не дошло из-за смерти Констанция. В 14-м письме (к Юлиану-дяде) мы читаем строки, исполненные облегчения и ликования: «Милостью богов мы избавлены от необходимости или терпеть чудовищное, или самим поступать чудовищно». То же чувство выражено и в начале более позднего письма к Гермогену (19): «Позволь мне сказать тебе в поэтическо-риторическом стиле: „О, как неожиданно я спасся, о как неожиданно я услышал и о твоем избавлении от трехглавой гидры“».

После переворота у Юлиана еще более крепнет убеждение, что боги избрали его орудием восстановления разрушенного язычества. «Почему же я пришел? — пишет он (14).— Потому что боги четко и ясно повелели мне это, обещая спасение, если я послушаюсь их, а если бы я остался на месте, никто из богов не оказал бы мне помощи». В письме к Максиму (13) Юлиан говорит о том, что он часто ощущал «присутствие богов». Что это такое? Очевидно, у Юлиана со временем развивается нечто вроде галлюцинаций на религиозной почве. Из других источников мы знаем, что у него были частые «видения», слышались «голоса богов». Возможно, «четкое и ясное повеление» идти на Констанция — это тоже какой-нибудь «голос» или «видение».

Точная дата, когда Юлиан открыто проявил свое «язычество», неизвестна. Из Аммиана Марцеллина мы знаем, что уже императором первое время он внешне оставался христианином и был во вьеннской церкви (в Галлии) на празднике богоявления в январе 361 г. (Amm. Marc., XXI, 2, 4—5) [7]. Но сбросил он с себя маску христианина еще до смерти Констанция. В письмах этого периода он — открытый язычник. Двусмысленные выражения исчезают. В письме к Максимину (10) Юлиан уже употребляет такое выражение, как «с помощью богов», а в 13-м письме, к Максиму, он торжествующе заявляет: «Мы открыто выполняем все религиозные обряды, и основная масса идущего за мной войска почитает богов.

[7] Правда, как показал Джиллард (F. D. Gilliard, Notes on the Coinage of Julian the Apostate, JRS, LIV, 1964, стр. 137), орел с венком в клюве — символ Юпитера, исчезнувший с монет при Константине,— появляется на монетах Юлиана, выпущенных в Арелате еще в ноябре 360 г. Автор не знает, как связать эти противоречивые данные.

Мы на глазах у всех приносим в жертву быков». Началась проповедь язычества и борьба с христианством, во всю свою мощь развернувшиеся уже после вступления в Константинополь.

ЛИЧНОСТЬ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЮЛИАНА

Отчасти мы уже видели, что за человек стал неограниченным владыкой Римской империи. Человек нервный, с изломанной психикой, глубоко убежденный в своей избранности богами. Человек, глубоко проникшийся античной культурой, влюбленный в прошлое. Человек разносторонний и талантливый, сочетающий в себе способности полководца и религиозного деятеля, писателя и администратора.

Здесь мы хотим добавить еще некоторые наблюдения над письмами Юлиана, бросающие свет на его психологию.

Письма Юлиана крайне неоднородны по своим стилистическим и композиционным достоинствам. Ряд его писем, так, например, письмо к Евагрию (1), являются образцами стиля и композиции. Когда Юлиан был спокоен и обдумывал то, что писал, он писал блестяще. Тем более резкий контраст представляют собой другие письма Юлиана. В письме к Максиму (13) он говорит: «Все разом обступает меня и не дает говорить — ни одна из моих мыслей не уступает дороги другой — назови это душевною болезнью или уж как тебе угодно». И действительно, иногда поражаешься путанности мыслей, невообразимой композиции произведений Юлиана. Таково письмо к Дионисию-Нилу (37). Это письмо, написанное Юлианом в крайней степени раздражения,— какой-то припадок на бумаге. Мысли путаются. Юлиан перескакивает с темы на тему. Ругается. Близко к нему по композиции, а вернее, по отсутствию композиции, 45-е письмо. Иногда Юлиан как бы мимоходом кидает мысли, не развивая их, иногда, наоборот, он останавливается на какой-то мысли, до бесконечности повторяя и варьируя ее, причем на мысли случайной, в данном контексте безразличной. Так, в 45-м письме, говоря о том, что эллинская религия учит любви к родственникам, он вдруг делает отступление, производящее по меньшей мере странное впечатление.

Обычно исследователи связывают причуды стиля Юлиана со спешкой, в которой он писал свои произведения [8]. Но нам кажется, что дело здесь не только в спешке, да и сама спешка вызвана во многом более глубокой причиной — болезненной, невротической психикой Юлиана.

Другая черта Юлиана, ярко проявляющаяся в его письмах,— незнание и непризнание им приличий и условностей — черта, отмечавшаяся и осуждавшаяся Аммианом Марцеллином. Черта эта связана с его психологическим типом, но закреплена идеологией Юлиана, отчасти — античным консерватизмом, приверженностью Юлиана к простоте поведения людей классической древности, отчасти — тем, что Юлиан — не только император, но и религиозный проповедник, обращающийся к душам, сердцам людей. Поэтому в большинстве случаев письма Юлиана, исходя из принятых в IV в. эталонов поведения, недостойны императора, хотя и вполне уместны у религиозного деятеля. Император не может отвечать своему подданному разгневанным письмом, которое, кроме всего прочего, распространяется для всеобщего ознакомления, как письмо к Дионисию.

[8] «Спешка, с которой он составлял свои произведения, повредила, несомненно, его стилю, который представляется шероховатым и неровным» (S. Impellizzeri, La letteratura bizantina da Costantino agli iconoclasti, Bari, 1965, стр. 113). «При оценке творчества Юлиана надо учитывать невероятную спешку, в которой он писал... В результате всего этого стиль Юлиана очень неровный, а часто даже истеричный, пестрый, запутанный и вычурный» (А. Ф. Лосев в «Истории греческой литературы», III, М., 1960, стр. 393—394).

Император не может вступать в полемику с подвластными ему общинами, как вступает он в полемику с александрийцами.

Письма Юлиана пестрят ссылками на античных классиков, что свидетельствует об его большой начитанности и преклонении перед античным культурным наследием. Больше всего он ссылается на Гомера (письма 1, 21, 27, 35, 37, 39, 44, 45, 49, 59, 60), ссылается также на Пиндара (1, 45), на трагиков (38, 39), Гесиода (24, 39). О глубокой любви Юлиана к античной культуре говорит и его переписка по делу о библиотеке Георгия, убитого язычниками арианского епископа Александрии. Библиотеку не то спрятали, не то разграбили. Юлиан дважды (в 50-м и 51-м письмах) требует ее розыска и угрожает виновным в ее сокрытии пытками.

Но любовь Юлиана к памятникам античной культуры — не просто любовь интеллигента к произведениям великих поэтов и мыслителей. Поэты древности для Юлиана — это пророки, устами которых говорило божество, и его ссылки на Гомера — это ссылки на высший авторитет, подобно тому как произведения христианских писателей этого времени пестрят ссылками на Библию. Для Юлиана характерно религиозное переосмысление античной культуры. Он пишет: «...для Гомера и Гесиода, и для Демосфена, и Геродота, и Фукидида, и Исократа, и Лисия боги были наставниками во всяком учении. Разве не считали себя одни из них — служителями Гермеса, другие — муз?» (30). Таким образом, в религиозном сознании Юлиана Геродот и Исократ превращаются чуть ли не в религиозных писателей.

Особенности религиозно-философской системы Юлиана раскрываются в основном не в письмах, а в других его произведениях — трактатах «К царю Гелиосу», «К Матери богов», «К цинику Гераклию», «К невежественным циникам». Это — сложная система, идущая в русле позднего неоплатонизма, но имеющая ряд особенностей, связанных с творчеством самого Юлиана. Но хотя письма Юлиана не могут служить основным источником для изучения его религиозной идеологии, некоторые ее черты выступают в них достаточно ярко.

Прежде всего,— это сложный характер представлений о божестве. В той единой грандиозной системе, которая вырабатывалась в сознании религиозных деятелей позднего язычества, должно было быть место для самых разных представлений о божестве — и философской неоплатонической идеи об единой духовной сущности мира, и народному политеизму, и «духовным» и «антропоморфным» представлениям [9]. Только при этом условии язычество могло рассчитывать на сплочение в рамках единой идеологии лиц с разными типами религиозности, с различными культурными уровнями. Отсюда — та сложность и даже противоречивость представлений о божестве, которая выступает перед нами при чтении писем Юлиана. На первый взгляд, религия Юлиана — обычный, «нормальный» политеизм. Какие только боги не встречаются в его письмах — Гелиос и царь Зевс (14), Гермес и музы (30), Сарапис (55) и др.! Есть упоминание и «богов, управляющих отдельными народами» (45). Это — созданная самим Юлианом теологическая конструкция, раскрытая в его трактате «Против галилеян» — боги, особенности которых должны объяснить отличия в нравах и характерах управляемых ими народов. И даже еврейскому Иегове находится место у Юлиана (44). Но этот крайний политеизм и синкретизм, признание всех богов, своей оборотной стороной и, пожалуй, своим условием имел монотеистическую тенденцию. Посмотрим на такой отрывок из уже

[9] Французский исследователь Навиль писал о религии Юлиана: «Эту религию можно назвать смягченным политеизмом, компромиссом между абсолютным политеизмом и монотеизмом» (H. A. Naville, Julien L'Apostat et sa philosophie du polythéisme, P., 1877, стр. 66).

упоминавшегося 55-го письма, к александрийцам: «Или вы одни бесчувственны к исходящим от Гелиоса лучам?... Вы одни не знаете, что им все животворится и движется? И вы не чувствуете, что Селена — от него и через него — созидательница всего и что она для города — источник многочисленных благ?». Далее говорится о Гелиосе, как о том, «кого испокон веков видит и на кого смотрит и почитает и, почитая, проводит жизнь в благополучии весь человеческий род, я говорю про великого Гелиоса, про этот живой, наделенный умом и душой благодетельный образ умопостигаемого отца». В этих отрывках заключена глубокая теология.

Во-первых, в них отражено учение о том, что существует два рода богов — умопостигаемый и видимый. Видимые боги (космические тела) — отражение умопостигаемых богов и Солнце — благодетельный образ верховного божества. Это учение создавало возможность примирения и объединения философской религии, представляющей божество духовным, и примитивных астральных культов. Эти же взгляды отражены и в одном месте 45-го письма, где говорится: «И они (боги.—*Д. Ф.*) явили нам... второй... ряд богов — тех, кто обходит кругом все небо».

Во-вторых, в этих отрывках — интересное сочетание монотеизма и политеизма. Говорится о Гелиосе, как о едином боге (Селена — «от него» и «через него»), и тут же — о богах во множественном числе. Попытка объединить философский монотеизм с народным политеизмом — причем отдельные божества превращаются или в подчиненные духовные сущности, или в иные имена единого бога, или в персонификации его атрибутов — характерная черта религиозной системы Юлиана. Именно это и позволяло Юлиану включать в свою систему буквально всех богов, в том числе и такого чуждого античности бога, как Иегову (44).

Другая черта религиозного мировоззрения Юлиана, отражающая ту же тенденцию — тенденцию создания гибкой системы, способной объединить самых разных представителей языческой религиозности, и ярко выступающая в его письмах,— это отношение Юлиана к культу. Для античной философии и даже для такого философа, как Плотин, характерно индифферентное отношение к народному культу. Но при таком отношении перекинуть мостик между философской религией и религией народных масс было невозможно. И у Юлиана мы видим совершенно иное отношение к культу, стремление объединить культ с философией. Пунктуальнейшее соблюдение всех обрядов Юлиан поставил себе за правило (63, 39), ожидал от своих друзей (33) и требовал от жрецов. «И не должно быть,— пишет он (45),— чтобы посвященный жрец провел день или ночь, не принеся жертвы. Но и день — с восхода солнца, и ночь — с захода — должно начинать с принесения жертвы богам — даже тогда, когда на нас и не возложены жреческие обязанности. Ибо нам надлежит хранить те священные обряды, которые установлены законом предков, и делать не больше и не меньше того, что предписано». 45-е письмо содержит также апологию культа изображений богов. «Ведь наши предки,— пишет Юлиан,— установили изображения, и алтари, и хранение вечного огня, и вообще все такого рода символы присутствия богов не для того, чтобы мы считали их божественными, но для того, чтобы посредством их поклонялись богам». Таким образом, почитание изображений примиряется с учением о божестве, как о духе,— то, к чему впоследствии пришло и христианство. Юлиан полемизирует с теми язычниками, которые отвращались от культа: «Ведь ревность к возможному — свидетельство истинного благочестия, и исполненные этой ревностью ясно показывают, что они обладают им в высшей степени, в то время как совершенно очевидно, что тот, кто пренебрегает возможным, делая вид, что стремится к невозможному, на самом деле и не старается постигнуть того, и не выполняет этого».

Наконец, еще одна характерная черта религии Юлиана, выступающая в его письмах,— это ее «этичность». Этика, и этика очень высокая, соединяется с религией, и этические требования выступают как религиозный долг. Этические требования Юлиана очень высоки — его представление о человеколюбии доходит даже до идеи любви к врагам.

Эти черты — синтез монотеизма и политеизма, единение культа и философии, этизация религии — далеко не все характерные черты идеологии Юлиана. Из других его произведений мы узнаем о его попытке создания своего рода «экзегетики священного писания» — толкования древних произведений, мыслящихся боговдохновенными, о его учении о конечном единстве всех философских школ, которые учили об одном и том же, но различными словами, и др. Все это весьма и весьма далеко от рационалистического миросозерцания античности. Структура идеологии Юлиана ближе к структуре «мировой религии» со своим «священным писанием», догматической теологией, экзегетикой «писания», единством теологии и культа. В старую форму вливается новое содержание, в старые меха — новое вино.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЮЛИАНА

Основная масса писем (15—62) относится ко времени единоличной, императорской власти Юлиана. Очевидно, при рассмотрении их стоит отступить от хронологического принципа и попытаться показать, как в них отражались отдельные стороны его деятельности. Посмотрим сначала, отражается ли в них и если отражается, то как, внутренняя политика Юлиана. Прежде всего надо отметить, что особенности психологии и идеологии Юлиана породили совершенно особый «псевдодемократический» стиль его правления. Император, который в IV в. обычно показывался подданным лишь в торжественных процессиях с маской сверхчеловеческого величия на лице, «нисходит на землю». Это — работник среди прочих работников. Поразительно в устах императора IV в. звучат строки письма к некоему Василию: «...те, кто разделяет с нами эти (государственные.— *Д. Ф.*) заботы,— лучшие люди... Они дают мне свободное время, так что я могу отдыхать, не запуская государственных дел. Ведь мы живем вместе без придворного лицемерия... Но с подобающей свободой, когда нужно упрекая и порицая друг друга, мы, как настоящие друзья, не меньше любим друг друга из-за этого» (18).

Юлиан как бы боится показаться кому-то руководствующимся собственными симпатиями и антипатиями. В этом отношении интересно одно место в письме к Гермогену (19). Юлиан говорит о процессе, который был организован сразу же после его прихода к власти над придворными Констанция, большая часть которых была его личными врагами, теми самыми людьми, которых он так поносил в уже упоминавшемся письме к Орибасию (8): «А что касается этих, Зевс — свидетель, я не хотел бы, чтобы они потерпели что-нибудь несправедливое. Но так как против них появилось много обвинителей, то мною образовано для них специальное судилище» (19). И это, разумеется — не демагогия. «Общественного мнения» опирающийся на армию император мог не бояться, да никто бы и не стал порицать Юлиана за то, что, придя к власти, он карает своих личных врагов. Это — отражение совершенно искренних чувств Юлиана.

Став императором, Юлиан с головой окунулся в государственные дела. «В общем знай, что на меня со всех сторон наваливалось множество дел»,— пишет Юлиан Проэресию (17). Письмо к Юлиану - дяде (14) начинается такими словами, в которых мы можем увидеть отражение бурного ритма деятельности Юлиана как императора: «В начале третьего часа ночи, даже

не имея писца, потому что все они заняты, я с трудом нашел в себе силы написать тебе эти строки».

Административная деятельность Юлиана, как она нам известна из кодекса Феодосия и других источников, была довольно широкой [10]. Но со всеми этими данными резко контрастирует то, что в письмах многочисленная и разносторонняя законодательная деятельность Юлиана практически не получила своего отражения. Из внутренней политики Юлиана в письмах нашли отражение преимущественно наименее важные аспекты. Так, 28-е письмо содержит обращение к александрийцам по поводу перевозки из Александрии в Константинополь для украшения города древнеегипетского обелиска; 31-е письмо, к фракийцам, — это императорский эдикт, снимающий с провинции часть недоимок, 32-е — указ об освобождении от налогов главных врачей города, в 53-м, к префекту Египта Экдикию, император намечает ряд мер для упорядочения и развития музыкального преподавания в Александрии. Все это — какие-то отдельные кусочки, осколки. Сообщения этих писем ценны, лишь будучи вставлены в определенный контекст, на фоне общей картины административной деятельности Юлиана, но сами такой картины не дают. Ее можно создать лишь на основании изучения законодательных актов Юлиана, сохранившихся в кодексах Феодосия и Юстиниана. Почему же внутренняя политика Юлиана занимает столь ничтожное место в его письмах?

Очевидно, причина та же, что и для писем времени правления в Галлии, в которых почти никак не отражена военная деятельность Юлиана. Письма адресованы в основном друзьям. Из официальных писем, имеющих значение законодательных актов и императорских эдиктов, в сборники писем также вошло лишь то, что написано самим императором, а не составлено чиновниками консистории, а Юлианом лишь подписано. Естественно, что в письмах к друзьям говорится прежде всего о том, что наиболее волновало и их, и Юлиана, а из официальных документов самим императором составлялись лишь те, которым он придавал наибольшее значение и хотел подробно изложить мотивы их составления, взвешивал каждую фразу и каждое слово. Но что наиболее волновало Юлиана? Вся история его жизни, все, написанное им, говорит о том, что основным для него, смыслом его жизни и деятельности, было восстановление прежнего значения язычества, возвращение «заблудшего» человечества к истинной религии. Юлиан прежде всего — религиозная личность, и его ближайшие друзья, такие, как Максим, Приск,— также религиозные деятели, связывающие свою судьбу с судьбой язычества. Таким образом, соотношение религиозной и прочей тематики в письмах Юлиана приблизительно соответствует тому, какое значение Юлиан придавал различным сторонам своей деятельности.

Религиозная политика в письмах Юлиана отразилась неизмеримо больше, чем его административная деятельность. Для изучения этой стороны его деятельности письма играют роль уже не второстепенного, вспомогательного источника, а источника основного, первостепенной важности.

РЕФОРМА КУЛЬТА И ЖРЕЧЕСТВА

Эта сторона политики Юлиана отражена в его переписке наиболее ярко. В письмах перед нами раскрывается широкая программа реформы культа и языческой религиозной организации.

Юлиан прекрасно понимал, что язычество в его традиционной форме конкурировать с христианством неспособно (39). Интуитивно понимая

[10] Она подробно разбирается Мазарино (M a z z a r i n o, Aspetti sociali del quarto secolo); см. также Д. Е. Ф у р м а н, Борьба императора Юлиана с коррупцией государственного аппарата, «Вестник МГУ (история)», 1968, № 6.

роль церковной организации в успехе христианства, Юлиан стремится создать языческую религиозную организацию, аналогичную христианской церкви [11]. Для этого он использует свое звание великого понтифика — звание, изначально связанное с императорским (от него не отказались даже Константин и Констанций). Как раньше Максимин, Юлиан вводит должность главного жреца провинции, подчиняющегося императору и им назначающегося [12]. Юлиан поддерживает с ними тесную связь, обращаясь к ним с посланиями — инструкциями, которые Биде называет «энцикликами или пастырскими посланиями» [13]. Из этих посланий и раскрывается реформационный проект Юлиана.

Наиболее полно он предстает перед нами в письме 45-м, дошедшем, к сожалению, не полностью, в виде фрагмента, который, однако, больше любого другого письма Юлиана. Кроме 45-го письма, реформационные идеи разбросаны и в других письмах — к главным провинциальным жрецам — Феодору (44) и Арсакию (39), к жрице Феодоре (41) и к неизвестному — очевидно, президу Карии (43).

Какие же требования предъявляет Юлиан к жрецам, как мыслится им жреческая организация?

1. Жрецу подобает оказывать максимальный почет, такой же, какой оказывается изображениям богов или алтарям, и «не меньший, если не больший, чем властям государства» (45). Уважение к жрецу не связано ни с его моральными качествами, ни с его благочестием, а зависит лишь от его религиозной роли, от его близости к богам. Если жрец оказывается не на высоте положения, «то надлежит отобрать у него жреческую должность и презирать его, как показавшего себя недостойным. Но пока он приносит жертвы, совершает обряды и близок к богам, нам надлежит смотреть на него с уважением, как на ценнейшую собственность богов» (45). Как верховный жрец и император в одном лице Юлиан стоит на страже достоинства жрецов и карает временным отлучением презида, подвергшего жреца телесному наказанию (43). В другом месте он пишет, что президы не должны являться в храм в сопровождении военной свиты и вообще отличаться в храме от простых верующих (39). Но и сами жрецы должны поддерживать собственное достоинство, ни в коей мере не заискивая перед президами (39).

2. Почет звания жреца сопряжен с суровыми требованиями прежде всего, если можно так сказать, религиозно-профессионального характера. Жрец должен быть благочестив и благочестив не только внешне, но и

[11] Для всей клерикальной историографии, начиная с Григория Назианзина, который говорит, что если бы реформа Юлиана была доведена до конца, «... открылось бы, как далеки от движений человеческих подражания обезьян» (Григорий Богослов, Творения, ч. 1, М., 1889, стр. 134), и кончая Риччотти и Алларом, религиозные реформы Юлиана — подражание христианству или влияние христианства. Но это, разумеется, не объяснение. Реформы эти надо выводить не из внешних влияний, а из потребностей самого язычества, необходимости его перестройки в связи с изменившимися потребностями времени. Это правильно отмечается И. Геффкеном, который пишет: «Обе религии строились на одних и тех же представлениях и, не заимствуя друг от друга, предъявляли одинаковые требования» (Geffcken, ук. соч., стр. 92—93). Очень верным представляется нам вывод Г. Негри: «Юлиан хотел, чтобы политеизм добился того, что уже было достигнуто христианством — объединения философии и религии для создания теологии, языческой догматики, которая, получив свою законченную форму в церковной иерархии, смогла бы соперничать с христианством» (Negri, ук. соч., стр. 172). Негри первым уловил связь между догматическими и иерархическими тенденциями Юлиана.

[12] Мы не знаем, назначил ли Юлиан главных жрецов во все провинции. В его письмах названы: Арсакий, главный жрец Галатии (39), Феодор — в Азии (16,14), неизвестный по имени главный жрец Карии (43). Евнапий пишет, что в Лидии главным жрецом был Хрисанфий. Из писем Либания известен Клематий в Палестине (O. Seeck, Die Briefe des Libanius zeitlich geordnet, Lpz, 1906, стр. 111).

[13] Bidez, ук. соч., стр. 266.

внутренне (5). Жрецу следует «...почаще молиться богам и на людях, и наедине — три раза в день, а если это невозможно, то, во всяком случае, утром и вечером. И не должно быть, чтобы посвященный жрец провел день или ночь, не принеся жертвы» (45). Обряды нужно выполнять все досконально с максимальной точностью, причем как образец Юлиан приводит преданность к обрядам иудеев (45). Когда жрец исполняет свои обязанности, он не может даже выходить из храма и должен полностью отрешиться от мирской жизни. И даже то, что жрецу, когда он не исполняет своих обязанностей, дозволяется сходить в гости и заняться общественными делами, мыслится Юлианом как своеобразная уступка его человеческой природе (45). Благочестие жреца должно оберегаться от всевозможных вредных влияний. В связи с этим Юлиан намечает своеобразный Corpus librorum prohibitorum для жрецов, куда прежде всего включены философы-атеисты Эпикур и Пиррон. Наоборот, пишет он, «...мы должны заниматься... лишь теми учениями тех философов, которые суть наставления в благочестии...» (45). К ним Юлиан относит Пифагора, Платона, Аристотеля, Хрисиппа и Зенона и их школы. Наконец, Юлиан требует, чтобы жрец обладал способностью к религиозной пропаганде, причем это мыслится им настолько важным, что он видит в этом чуть ли не основной критерий пригодности для жреческой должности (45 и 41). Жрец не может и не должен быть терпимым к инакомыслящим — этой мысли посвящено все 41-е письмо, к Феодоре.

3. Наряду с идеологическими и профессиональными требованиями к жрецу предъявляются суровые требования морального характера, которые, впрочем, Юлиан четко не отделяет от религиозных требований. Интересно, что Юлиан прежде всего заботится о поведении жреца, а не о его внутренней нравственности. Он довольно мелочно регламентирует правила жизни жреца — запрещает посещать театры, дружить с актерами, посещать спортивные игры с участием женщин и представления псовых охот (45), ходить в харчевни и заниматься каким-либо «позорным» ремеслом (44). Юлиан требует, чтобы жрец был скромен, а как доказательство скромности выдвигает опять-таки чисто внешнее требование — не появляться в публичных местах в священных одеждах (45). В свой Corpus librorum prohibitorum, в который прежде всего включаются книги с вредной идейной направленностью, он вносит также и понимаемую им очень широко аморальную литературу (Архилох, Гиппонакт, авторы «древней комедии», т. е. Аристофан — 45). Все это может показаться несколько ханжеским, но надо иметь в виду, что для Юлиана нравственность жрецов — не только и даже не столько цель, сколько средство для создания организации, пользующейся уважением народа.

4. Особое значение Юлиан придает филантропической деятельности. Он считает, что наличие мощной филантропической церковной организации — фактор, очень способствующий христианской пропаганде (45). Надо, однако, заметить, что в стремлении Юлиана к филантропии — не только желание использовать ее для пропаганды, но и религиозно-этические мотивы. Боги человеколюбивы и требуют человеколюбия от людей — эта мысль несколько раз повторяется на протяжении 45-го письма.

В письме к Арсакию (39) Юлиан выдвигает конкретный план филантропической религиозной организации, существующей за счет как приношений верующих, так и государственных субсидий.

5. Еще одной очень важной особенностью создававшейся Юлианом жреческой организации, особенностью, также сближавшей ее с христианской церковью, была особо подчеркиваемая Юлианом независимость продвижения в этой организации от социального положения и происхождения (45).

Таким образом, Юлианом планировалось создание мощной иерархической религиозной организации, организации профессионалов, людей, для которых их религиозное служение — основной смысл жизни, а распространение язычества — основной интерес в жизни, наконец, организации, в которой человек из народа мог подняться очень высоко и которая поэтому могла бы вбирать в себя и всемерно использовать талантливых людей.

Но этому грандиозному проекту суждено было остаться на бумаге. Гибель Юлиана прервала его осуществление.

БОРЬБА ЮЛИАНА С ХРИСТИАНСТВОМ

Если для всей клерикальной историографии от IV до XX в. Юлиан — обычный «гонитель» в ряду прочих гонителей, воздвигаемых на церковь «врагом рода человеческого», то в начале XIX в. распространяется новая легенда об Юлиане, как о «философе на троне», «просвещенном монархе». Просвещение усмотрело в Юлиане союзника в борьбе с католицизмом и решило, что он боролся с церковью по мотивам, единственно понятным интеллигенции XVIII в.,— не как лидер догматической религии, который стремится уничтожить конкурента, а как человек просвещенный и терпимый борется с невежеством и фанатизмом. О «гонении» не могло быть и речи.

Конец этой легенде положила работа Фридриха Роде «История реакции императора Юлиана против христианской церкви», в которой впервые антихристианская политика Юлиана рассмотрена в эволюции и показано, что постепенно она становилась все более и более жесткой [14].

Но легенда о терпимости Юлиана имела все-таки некоторые основания. Дело в том, что в отличие от других императоров, ставивших своей целью борьбу с христианством, для Юлиана самым важным было не притеснения и ограничения враждебной ему религии, а превращение его собственной религии, язычества, в мощного конкурента христианства. Центром тяжести религиозной политики Юлиана были не гонения против христианской церкви, но создание своей, языческой церкви. Такого уже испытанного и оказавшегося малоэффективным метода борьбы с христианством, как бюрократически организованное гонение, Юлиан вообще принципиально не применял. Официально провозглашенным им принципом его религиозной политики была терпимость.

С высказываниями, говорящими о необходимости терпимости, мы встречаемся в переписке Юлиана несколько раз (114, 115). Но наиболее четко излагает Юлиан принципы своей политики по отношению к христианам в письме к Атарбию (38). Письмо это небольшое, но крайне важное для понимания политики Юлиана, и мы приведем его целиком: «Клянусь Зевсом, я не хочу, ни чтобы галилеян убивали или избивали вопреки справедливости, ни чтобы они терпели какое-нибудь другое зло. Однако я заявляю, что нужно, очень нужно предпочитать людей богобоязненных. Из-за безумия галилеян едва все не было ниспровергнуто, а из-за милости богов мы все спасаемся. Поэтому надлежит почитать богов, и людей, и города, которые их чтят». На наш взгляд, в этом письме ярко и четко выступает внутренняя противоречивость политики Юлиана. Сразу же после провозглашения терпимости стоит «однако».

Принцип религиозной толерантности в разные эпохи значит разное. Одно дело — религиозная толерантность нового времени, за которой

[14] F. Rode, Geschichte der Reaction Kaiser Julian gegen die christliche Kirche, Jena, 1877 (см. критику Роде Мюкке — стр. 7).

часто скрывались если не упадок религиозности вообще, то, во всяком случае, утрата веры в то, что именно определенная религиозно-догматическая система содержит абсолютную истину, и совсем другое дело — толерантность Юлиана или Константина времени Миланского эдикта. Терпимость этих правителей носит исключительно «политический» характер, в ней нет ни на иоту религиозного скептицизма. Юлиан терпим только потому, что считает применение силы бессмысленным, не эффективным, а совсем не потому, что ему безразлично, какой веры его подданные. Эта терпимость — поверхностная, не глубокая и даже противоречащая более глубоким чувствам Юлиана. По-настоящему терпимым человек, заявляющий: «...я не хотел бы, чтобы ко мне благоволили те, кто не любит богов» (41), быть не может. Толерантность, вера в безумие галилеян и необходимость предпочтения язычников — вещи несовместимые.

Поэтому настоящей политики толерантности во время Юлиана быть не могло. Даже те его меры, которые носили характер не гонения на христиан, а лишь лишения их особых привилегий, полученных при Константине и Констанции (отнятие у клириков иммунитетов — 26, требование возвращения награбленного христианами имущества языческих храмов — 35), превращались при своем претворении в жизнь в серию притеснений. Отнятые иммунитеты передавались жрецам, а имущество храмов изымалось с такой строгостью и безжалостностью, что даже язычник Либаний заступался перед Юлианом за христиан. А своими мерами, направленными на поддержку язычества (государственная помощь языческой филантропии — 39, законодательство о похоронах, соответствующее идеям неоплатонизма, но противоречащее идеям христранства — 59), Юлиан объективно ставил христианство в такое неравноправное положение, какое при его предшественниках занимало язычество. Отсюда до гонения уже не так далеко.

Настоящая терпимость не мыслима при религиозно-догматическом миросозерцании, господствовавшим в то время и бывшим миросозерцанием самого Юлиана. Карьеристические чиновники «на местах» понимали, что декларации — декларациями, но лучше переусердствовать и притеснять христиан больше, чем хотел Юлиан, чем показаться в глазах императора не ревностным язычником. А когда языческие толпы в городах убивали христианских клириков, погромщики отлично знали, что никакого серьезного наказания не последует, ибо нельзя же карать своих друзей, может быть, усердных не по разуму, но обуреваемых теми же чувствами, что и ты. Поэтому постепенно политика Юлиана переходит от веротерпимости к гонению. Правда, до бюрократически организованного гонения типа гонения Диоклетиана дело так и не дошло (хотя, возможно, просто не успело дойти).

Эволюция политики Юлиана хорошо видна из его переписки на примере изменения его отношения к христианским погромам в городах. Сравним три письма Юлиана: 29 — к александрийцам, 57 — к жителям Бостры аравийской и 58 — к жителям Эдессы.

29-е письмо написано, очевидно, в начале января 362 г. Обстоятельства его написания известны нам из многих источников. К моменту воцарения Юлиана епископом Александрии был арианин Георгий. Он отличался большим фанатизмом, неоднократно надругался над религиозными чувствами язычников и притеснял никейцев, сторонников изгнанного епископа Афанасия. Когда Юлиан стал единственным императором, Георгий был схвачен и посажен в тюрьму, но 24 декабря, во время великого митраистского праздника рождения Солнца, толпа язычников, а возможно, и не только язычников, но и сторонников Афанасия, извлекла Георгия из темницы и зверски убила его. По этому поводу Юлиан обращается к жителям

Александрии с официальным посланием. Он сурово упрекает александрийцев за убийство Георгия, но не потому, что Георгий был достоин более мягкой кары, нет, он, по мысли Юлиана, получил по заслугам, а потому, что казнить его надо было по суду. Кончается письмо снисходительными и даже ласковыми словами. Наказания не последовало. Александрийские погромщики не только прощены, но, фактически, поощрены.

Сравним, какой тон появляется у Юлиана, когда он сталкивается тоже с погромом, но с погромом, учиненным христианами-арианами Эдессы сектантам-валентинианам. Юлиан конфискует за это все имущество эдесской церкви, издевательски заявляя, что он следует христианскому учению. А всей Эдессе Юлиан угрожает наказанием «мечом, огнем и изгнанием». Таким образом, отношение Юлиана к погромам резко меняется, смотря по тому, приверженцы ли «истинной религии», выйдя из себя в справедливом гневе на «нечестивых галилеян», перешли границы закона или речь идет о междоусобицах среди самих «нечестивых галилеян».

Но более того, в письме к бострийцам содержится уже прямое подстрекательство к погрому. Оно написано примерно через семь месяцев после составления послания к александрийцам, но этого времени оказалось достаточным, чтобы политика Юлиана по отношению к христианам значительно приблизилась к гонению. Юлиан назначил президом Аравии ярого язычника Бэлея, который приложил все усилия, чтобы показать христианам, что их время прошло. В результате притеснений Бэлея в Бостре начались беспорядки. Епископ Бостры Тит написал по этому поводу Юлиану какое-то послание, в котором были такие слова: «и хотя христиане числом не меньше эллинов, они сдерживаются нашим увещанием никому нигде не нарушать порядка». Юлиан в ответ на это пишет послание к жителям Бостры, где обвиняет христианских клириков в подстрекательстве к беспорядкам и, явно произвольно интерпретируя приведенную выше фразу Тита, призывает бострийцев самим изгнать его из города: «Так выгоните по своей воле вашего обвинителя и сами, всем народом, будьте в добром согласии друг с другом». После такой фразы призыв к язычникам Бостры не бесчинствовать «в домах тех, кто заблуждается скорее по незнанию, чем сознательно», звучит несерьезно и даже двусмысленно. (Кто знает кто заблуждается «по незнанию», а кто — «сознательно?).

События в Александрии и Бостре — далеко не единичные случаи христианских погромов. Аналогичные случаи известны в Газе (Soz., I, 9; Theodor., III, 7), где Юлиан также выступал прямым покровителем погромщиков, отдав под суд тамошнего президa за то, что он арестовал несколько бесчинствовавших язычников, в Гелиополе (Soz., V, 10; Theodor., 10, 7), в Аретузе, в Эмесе (Theodor., III, 7), в Себастии (Philostor., VII, 3; Soz., V, 21), и, очевидно, далеко не все подобные случаи дошли до нас.

Четко прослеживаемой линией антихристианской политики Юлиана является политика «кнута и пряника» по отношению к отдельным городским общинам. Милость, оказываемая им Юлианом, прямо пропорциональна их верности язычеству. Мы видели, какими карами он грозит христианской Эдессе. В письме к Арсакию (39) он пишет о фригийском городе Пессинунте: «Пессинунту я готов помочь, если только его жители вернут себе милость богов. Если же они будут пренебрегать ею, то не только лишатся нашего расположения, но, как ни горько это говорить, пожалуй, изведают нашу ненависть... Итак, убеди их, что, если они желают добиться моего попечения, они должны всем народом умолять Мать богов». А о том, что угрозы Юлиана были не просто угрозами, говорит пример Кесарии каппадокийской, которую за разрушение храма Счастья Юлиан лишил прав города (Soz., V,4; Liban., XVI, 14).

Если политика «кнута и пряника» применялась по отношению к отдельным общинам, то, естественно, она применялась и по отношению к отдельным лицам. Понятно, что провозглашенный в письме к Атарбию принцип «предпочтения» означал, что все пути для христианина при Юлиане были закрыты. Неясно, действительно ли, как это утверждают христианские источники, Юлиан изгнал христиан из государственного аппарата и армии, но на наиболее видных постах были только язычники, и карьера христианина была немыслима.

По отношению к клиру политика Юлиана была довольно умеренной. Юлиан вернул из ссылки всех сосланных при Констанции за «ереси» епископов (25, 27) и никаких массовых репрессий против клира не применял. Но отдельные наиболее активные епископы все же подверглись при Юлиане преследованиям. Известно три таких случая.

Во-первых, это изгнание знаменитого лидера никейцев, «православных», Афанасия. Изгнанию Афанасия посвящены целых три письма Юлиана (54, 55, 56). Это говорит и о том, какое значение придавал Юлиан Афанасию, и о том, что изгнать этого человека даже для императора было не так-то просто. Афанасия уже изгонял Константин и дважды Констанций II. Каждый раз его изгнание и введение в город епископа-арианина сопровождалось беспорядками. После воцарения Юлиана Афанасий вновь вернулся и захватил вакантную после гибели Георгия епископскую кафедру, сразу же по возвращении развив кипучую деятельность. Деятельность эта в основном была направлена против ариан, а не против Юлиана, но «мимоходом» Афанасий крестил несколько знатных александрийских дам (56). Это взбесило Юлиана. Кроме того, Афанасий, очевидно, был для Юлиана воплощением всех галилейских пороков. Юлиан называет его «человеком, на все способным», «склонным к интригам», «жалким человечишкой» (55), «врагом богов» (56) и «наглейшим Афанасием» (54). В 54-м письме, к александрийцам, Юлиан повелевает «наглейшему Афанасию» немедленно по получении письма покинуть город. Каково же было негодование императора, когда он узнал, что упорный епископ все же остался в городе, а христиане Александрии прислали ему петицию с просьбой оставить Афанасия. Юлиан пишет александрийцам новое письмо (55), где увещевает их верить в богов, а не в «Иисуса, которого не видели ни вы, ни ваши отцы», а от Афанасия требует, чтобы он убрался уже не только из Александрии, но вообще из Египта. Однако и это письмо не произвело впечатления. Влияние епископа на буйный александрийский плебс было настолько велико, что даже префект Египта Экдикий, опасаясь мятежа, не принимал решительных мер. Потребовалось еще одно письмо, на этот раз к Экдикию (56), чтобы Афанасий скрылся из города. Он отправился на юг, к монахам, но вскоре, узнав о гибели Юлиана, вновь вернулся.

Другим епископом, судьба которого точно неизвестна, но который, очевидно, также подвергался преследованиям, был Тит Бострийский (114). О третьей жертве Юлиана, Элевсии Кизикском, известно уже не из писем, а из других источников (Soz., 5,15).

Очень важной мерой Юлиана было запрещение преподавать христианским риторам. В кодексах писем Юлиана до нас дошел полный текст этого эдикта (30). Мотивирует свое запрещение Юлиан требованиями морального характера. Так как авторы, изучаемые в школах,— язычники, эллины, то нехорошо преподавать их и не верить в то, во что они верили. Эдикт этот произвел колоссальное впечатление, ибо наносил христианству, только начавшему устанавливать свои связи с античной культурой, чувствительный удар. О нем упоминают едва ли не все христианские авторы этого времени, причем у многих из них этот указ превращается в указ, запрещающий христианам не учить, но учиться. Подобного эдикта, разу-

меется, у Юлиана не было. Более того, из текста видно, что намерения его были прямо противоположные — сделать высшую школу активно языческой, не запрещая учиться в ней христианам. Тогда желающие получить образование юноши из христианских семей подвергались бы мощному воздействию целенаправленной языческой пропаганды. Юлиан пишет: «Но никому из юношей не запрещается посещать занятия. Ведь неразумно закрывать лучший путь перед мальчиками, не знающими еще, к чему обратиться, и против воли страхом влечь их к вере предков». Но, разумеется, для тех, кто не решился бы подвергать души своих детей такой опасности, образование было закрыто, и для таких христианских семейств эдикт Юлиана был действительно эдиктом, запрещающим учиться.

Возможно, эта мера Юлиана — лишь одна из серии подобных мер, направленных на то, чтобы не дать установиться связям христианства с античной культурой и вытеснить его из интеллигентных слоев общества. Христианские источники говорят также об изгнании христиан из корпорации врачей (Иоанн Златоуст «Похвальная беседа о святых мучениках Ювентине и Максимине»), а издатели недавно открытого указа Юлиана о сокращении числа римских адвокатов полагают, что этот указ также был направлен на изгнание христиан [15].

Таким образом, перед нами проходит серия разнообразных мер, направленных на притеснение христианства. Меры эти нигде не переходят той границы, когда они вызывали бы отчаянное сопротивление и уход христианской организации в подполье, но постепенно становятся все более жесткими.

ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД И ГИБЕЛЬ ЮЛИАНА

Хронологически последнее письмо Юлиана — 49-е письмо (Либанию). Оно написано уже во время похода на персов, из которого Юлиан не вернулся. В письме этом Юлиан предстает перед нами в последний раз таким же, каким был всегда. Первая и бо́льшая часть письма посвящена, разумеется, не войне, но изящному описанию местности, через которую он проходил, рассказу о том, как он приносит жертвы, убеждает куриалов верить в богов и о его знакомстве с твердым язычником Сопатром. О военных делах сказано в конце и скупо, но чувствуется, что за этими строками скрывается кипучая и энергичная деятельность.

В персидском походе Юлиан погиб, погиб при неясных обстоятельствах, то ли от руки перса, то ли от руки своего же воина-христианина. С гибелью Юлиана закончилась недолгая эпоха языческой реставрации и последняя серьезная попытка отступающего язычества дать бой христианской церкви.

* * *

Теперь несколько слов о рукописной традиции, изданиях текста и переводе.

Юлиан сам к изданию свои письма не готовил, как это делал Либаний, который аккуратно собирал всю свою переписку. Но и при жизни и после смерти Юлиана его письма ходили по рукам и как предмет гордости адресатов Юлиана, и как исторические памятники, и как образцы хорошего стиля. Их собирали вместе и переписывали. О таких сборниках нам известно из Аммиана Марцеллина (XVI, 8,7), их имели в руках церковные историки Сократ и Созомен. Сборники эти были совершенно беспорядочны,

[15] B. Bischoff und P. Nörr, Eine unbekkannte Konstitution Kaiser Julianus, Münch., 1963, стр. 23.

хронология не соблюдалась, и постепенно в них стали попадать письма других авторов, которые случайно по тем или иным причинам принимали за письма Юлиана, а также сознательные подделки. В одном из таких подложных писем Юлиан угрожает всяческими карами Василию Кесарийскому и вообще христианам, а тот смело и открыто отвечает «гонителю», в другом — дарует и обещает всякие милости иудеям и даже называет тивериадского патриарха Юла «братом» и т. д.

Большая, если не бо́льшая, часть ходивших в IV—V вв. по рукам писем Юлиана не сохранилась. Тем не менее до нас дошло 32 кодекса, содержащих письма Юлиана (от X до XVI в.). Но большинство их представляет собой не сборники его писем, а просто сборники произведений, считавшихся образцами эпистолографии. Наряду с Юлианом там есть и Василий Великий, и Либаний, и даже Анахарсис и Брут. Лишь один кодекс — Vossianus (конец XIII — начало XIV в.) — кодекс произведений одного Юлиана, в котором наряду с письмами содержатся также его речи и сатиры.

Первое издание писем Юлиана — альдовский сборник Марка Музура «Epistolographi Graeci», вышедший в Венеции в 1499 г. В него вошло 48 (и подлинных и неподлинных) писем Юлиана. В последующих изданиях по мере обнаружения новых кодексов к первоначальным 48 добавлялись все новые и новые письма. Это издания Петра Мартиния (Париж, 1566), Мартиния и Кантоклария (Париж, 1583), Ригальция (Париж, 1601), Петавия (Париж, 1630), Спанхемия (Лейпциг, 1696), Муратория (Anecdoti Graeci, Patavii, 1709), ряд новых писем был помещен в издании Фабриция «Salutaris lux Evangelii» (Гамбург, 1731).

В 1828 г. вышло издание L. H. Heyler'а «Juliani Imperatoris quae feruntur epistolae», Moguantiae. Начиная с Гейлера, ученые более подробно исследуют текст, стараясь исправить его и снабжая подробными комментариями. По такому же пути идут и R. Hercher («Epistolographi Graeci», Parisiis, 1873) и F. C. Hertlein, издавший в 1876 г. «Juliani imperatoris quae supersunt omnia» в Тейбнеровской серии. В это издание вошло 79 писем.

Со времени издания Гертляйна и до издания Биде (Париж, 1922) прошло около 50 лет. За это время было совершено новое значительное открытие шести писем Юлиана Попандопуло-Керамевсом среди рукописей греческого монастыря на о-ве Халкиде. (Они изданы в «Annalium Constantinopoliti Graeci Philologici syllogi», XVI, 1885, Supplementum, а затем — в «Rheinisches Museum», XLII, 1887.) Кроме того, Биде и Кюмону удалось выделить среди писем, приписываемых Юлиану, группу писем, принадлежащих неизвестному софисту начала IV в. Это, равно как и другие недостатки предшествующих изданий, вызывали необходимость нового критического издания, что и было выполнено Биде и Кюмоном в издании: Juliani imperatoris epistulae leges poematia fragmenta varia. Collegerunt, recensuerunt I. Bidez et F. Cumont, P., 1922.

Затем Биде вновь вернулся к изданию писем, издав их в своем собрании работ Юлиана — Julien. Oeuvres completes. Texte établi et traduit par I. Bidez, P., 1924. В это издание внесены некоторые исправления по сравнению с изданием 1922 г., текст снабжен хорошим комментарием и французским переводом, с этого издания и сделан настоящий перевод. Кроме того, переводчик использовал издание Райта: The Works of the Emperor Julian, ed. W. C. Wright, v. 3, L., 1923. Издание Райта вышло после издания Биде, но значительно уступает последнему. Работа Биде в этом издании практически не использована. В ряде случаев переводчик ссылается на комментарии Биде и Райта к соответствующим письмам. В 1960 г. вышло издание Ван Гронингена: Juliani Imperatoris epistulae selectae, ed. B. A. Van Groningen, Leiden, 1960. Ван Гронинген внес ряд исправлений

в текст Биде, которые оговорены в примечаниях там, где они влияют на русский перевод.

Порядок писем соответствует порядку, принятому в издании Биде 1922 г., но нумерация не совпадает (нумерация Биде дается в скобках). Различие нумерации вызвано тем, что в издание Биде включены не только письма Юлиана, но и все сведения о каких бы то ни было не дошедших до нас его письмах, а также все законы Юлиана, сохранившиеся в кодексах Феодосия и Юстиниана (все это не вошло в издание Биде 1924 г.). Фразы греческого текста, наиболее трудные для перевода, вынесены в примечания [16].

В заключение переводчик пользуется случаем выразить самую глубокую и искреннюю благодарность своему учителю и редактору настоящего перевода Андрею Чеславовичу Козаржевскому.

---

[16] Некоторые письма Юлиана переводились на русский язык Ю. Шульцем — 10 писем в антологии «Поздняя греческая проза» (М., 1960) и М. Е. Грабарь-Пассек — 10 писем в антологии «Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства» (М., 1964). К сожалению, в обоих случаях перевод сделан со старых изданий, текст которых не совсем соответствует тексту издания Биде. Кроме того, наряду с подлинными письмами, переведены и не признающиеся таковыми (в переводе Ю. Шульца — 4 из 10, в переводе М. Е. Грабарь-Пассек — 3 из 10).

ИМПЕРАТОР ЮЛИАН

ПИСЬМА *

1. ЕВАГРИЮ РИТОРУ [1] (4)

426 d Я предоставляю в твое распоряжение как подарок небольшое
именьице из четырех участков, доставшихся мне в Вифинии от ба-
бушки; это именьице слишком мало, чтобы доставить полное доволь-
ство и сделать счастливым, но если я тебе подробно расскажу о нем,
ты увидишь, что оно обладает не совсем неприятными качествами.
427 И ничто не мешает нам с тобой, с человеком, преисполненным чувства
красоты и изящества, развлечься этим описанием. Имение это отстоит
от моря не больше чем на 20 стадий, но никакой купец или моряк,
болтливый и наглый, не тревожит эту местность. И, однако, оно не
совсем лишено радостей, доставляемых Нереем,— там всегда есть
b свежая, еще трепещущая рыба, а выйдя из дому и забравшись на
какой-нибудь холм, ты увидишь Пропонтиду и острова, и город, со-
именный благородному царю, и ступать ты будешь не по водорослям
и мху и не будет тебя раздражать выброшенная на прибрежный песок
какая-то очень противная грязь, которую и назвать-то не знаешь
c как, а будешь ступать по вьюнку, тимьяну и душистой траве. Там
полная тишина и можно сидеть, смотреть в книгу и, отдыхая время
от времени, любоваться прекрасным видом моря и кораблей. Когда
я был еще совсем юношей, мне казалось самым приятным провести
лето там. Ведь здесь есть и неплохие родники, и недурная купальня,
и сад, и деревья; и уже став мужчиной, я очень стремился к своему
старому жилищу, часто приезжал туда, и пребывание там всегда
было связано с литературными занятиями [2].

Есть там небольшой памятник моих земледельческих трудов —
d маленький виноградник, дающий душистое и сладкое вино, и, на-
верное, Дионис или Хариты не замедлили с течением времени доба-
вить к этому еще что-нибудь [3]. Кисти и на лозе, и когда их давят в то-
чиле, пахнут розами, а сусло в пифосах — это уже, если верить Го-

* Перевод и комментарии Д. Е. Фурмана под редакцией А. Ч. Козаржевского.

[1] Евагрий — неизвестное лицо. Какой-то Евагрий приезжает к Юлиану в Нис (см. письмо 13). Датировка письма спорна. Биде относит его ко времени цезарата, Райт — ко времени после смерти Констанция. Но основной аргумент Биде — то, что, став августом, Юлиан, как известно, часто порицал Константина (см. Julian., Caes. 336 AB; A m m. M a r c., XXI, 10, 8), в то время как в этом письме Константинополь называется «городом, соименным благородному царю», — Райт обходит молчанием, а этот аргумент представляется нам решающим. О подарках друзьям Юлиана во время цезарата — см. L i b a n., Epist., 369.

[2] Перевод труден. В греческом тексте:«καὶ γέγονεν ἡμῖν οὐκ ἔξω λόγων ἡ σύνοδος».

[3] Перевод труден. В тексте Биде: «καὶ οὐκ ἀναμένοντά τι παρὰ τοῦ χρόνου προσλαβεῖν τὸν Διόνυσον ὀψὲ ἢ τὰς Χάριτας». Ван Гронинген читает: «καὶ οὐκ ἀναμένοντά τι παρὰ τοῦ Χρόνου προσλαβεῖν τὸν Διόνυσον ὄψει τὰς Χάριτας».

428 меру, почти нектар [4]. Но почему же этот виноградник невелик и розы не тянутся на многие плетры? Возможно потому, что я не был прилежным земледельцем, но так как у меня кратер Диониса был пуст и наполнять его нужно было скорее напитком нимф, то я приготовил столько, сколько нужно было для меня и моих друзей (а их не так уж много). И вот теперь, милый мой, я даю тебе этот подарок, хоть и
b маленький, но дорогой тем, что это подарок другу от друга; как говорил мудрый поэт Пиндар,— из дома в дом [5]. Это письмо я написал при светильнике и поэтому неряшливо, так что если здесь и есть что-нибудь неправильное, не суди строго, как ритор — ритора [6].

441

2. ЭВМЕНИЮ И ФАРИАНУ [1] (8)

Если кто-либо убедил вас, что для людей есть что-то более приятное и полезное, чем спокойно предаваться на досуге философским размышлениям, то он и сам заблуждается, и других вводит в заблуж-
b дение. Если прежнее усердие осталось у вас и не погасло мгновенно, как яркое пламя, то я считаю вас блаженными. Вот уже прошел четвертый год и сверх того сейчас уже, кажется, третий месяц [2] с того времени, как мы разлучились. Я бы с радостью посмотрел, какие вы за это время сделали успехи. Что до меня, то удивительно,
c если я еще говорю по-эллински — в такого варвара я превратился в этих странах. Не презирайте словесность, не пренебрегайте ни риторикой, ни занятием поэзией — с еще большей прилежностью занимайтесь этими предметами, но основным вашим трудом да будет познание учений Платона и Аристотеля. Это да будет (основным) делом, это — фундаментом, основанием, зданием, кровлей, все же прочее — побочным делом, которое вы, однако, исполняйте с боль-
d шим усердием, чем кое-кто — настоящие дела! Ведь я, клянусь божественной справедливостью, советую вам все это, любя вас, как братьев, ибо вы были моими соучениками и большими друзьями. И если послушаетесь меня, то я буду еще больше любить вас, а если увижу, что вы не послушались, то буду огорчен. А о том, чем обычно кончается постоянная грусть, я предпочитаю промолчать, чтобы не накликать беду [3].

402 d

3. ЮЛИАН АЛИПИЮ, БРАТУ ЦЕЗАРИЯ [1] (9)

Говорят, что Силосон пошел к Дарию, напомнил ему о плаще и попросил у него за этот плащ Самос [2]. Затем Дарий гордился этим,

---

[4] Hom. Odys. IX, 359.

[5] Pind. Olymp. VI, 99; VII, 4.

[6] В ряде рукописей после письма стоит следующая эпиграмма, помещенная также без имени автора в Палатинской антологии:

Ахеменида землёй я была, но землею Менниппа
Стала теперь; и к другим после еще перейду.
Первый считал, будто мною владел он, второй — что владеет,
Но у меня лишь один вечный владелец — судьба.

(«Греческая эпиграмма», пер. Ю. Шульца, М., 1960, стр. 373)

[1] Эвмений и Фариан из других источников неизвестны. Так как Юлиан пишет, что не видел своих друзей 4 года и 3 месяца, а Афины он оставил около сентября 355 г., то письмо не может быть написано позже декабря 359 г.

[2] καὶ μὴν οὑτοσὶ τρίτος ἐπ᾽ αὐτῷ σχεδόν можно перевести иначе: «около трех месяцев».

[3] οἰωνοῦ κρείττονος ἕνεκα.

[1] Алипий (упоминается Аммианом) — уроженец Антиохии. В то время как Юлиан-цезарь правил в Галлии, был викарием Британии (Amm. Marc., XXIII, 1, 2). В письме 324 Либаний поздравляет его с этим назначением. Когда Юлиан стал августом,

полагая, что воздал великим за малое. А Силосон принял эту награду
с неудовольствием. Сравни-ка с этим то, что у нас сейчас. Прежде
403 всего, одно-то у нас, думаю, во всяком случае, лучше: ведь мы не
ждали, пока нам напомнит кто-нибудь другой; и столько времени
сохраняя неизменную память о твоей дружбе, как только бог дал
нам возможность, мы призвали тебя не в числе вторых, а в числе са-
мых первых. Это — во-первых. Но не позволишь ли ты мне предска-
зать нечто и относительно будущего (ведь я прорицатель)? Я думаю,
что оно будет намного лучше настоящего, была бы только милости-
b вой Адрастея [3]. Ведь тебе не нужно, чтобы царь помог покорить
город, а мне нужно много помощников, чтобы восстановить разрушен-
ное преступно. Это все — шутки галльской варварской музы. Ты
же приходи благополучно с помощью богов.

(И собственной рукой)... и будет у тебя стадо козлят и зимней
добычи — овечек [4]. Приходи к другу, который очень ценил тебя и
c тогда, когда не знал всей твоей цены.

4. ЮЛИАН АЛИПИЮ, БРАТУ ЦЕЗАРИЯ [1] (10)

403 c Когда ты послал мне географическое описание, я уже оправился
от болезни, но я не менее рад из-за этого получить посланную тобой
табличку. Ведь на этой таблице и рисунок лучше прежних, и ты укра-
d сил его, поместив на табличке ямбы — не воспевающие, как киреней-
ский поэт [2], Бупалову битву [3], но те, которые прекрасная Сапфо
стремилась использовать в своих гимнах. И это дар такого рода, что
в равной степени и тебе прилично его дать, и мне очень радостно —
принять.

А твоему ведению дел, твоему стремлению, чтобы все продвига-
лось энергично и спокойно,— мы радуемся. Ведь я глубоко убежден,
что соединять в себе мягкость и благоразумие с мужеством и силой,
404 одно — выказывать добродетельным людям, а другое — неумолимо
использовать для исправления порочных,— удел немалых дарова-
ний и немалой доблести. И я молюсь, чтобы ты сосредоточился на
обеих этих целях, и чтобы из этого возникло единое благо. Ведь
мудрейшие из древних не без основания считали, что это — конеч-
b ная цель всех добродетелей. Пребывай же как можно дольше в
счастье и здоровье, брат мой, любимейший и желаннейший.

он поручил Алипию постройку Иерусалимского храма (там же, XXIII, 1, 2). При Валенте Алипий, в то время уже в отставке, был обвинен в отравлениях, приговорен к конфискации имущества и ссылке (там же, XXIX, 44). «Братом Цезария» Алипий назван для отличия от другого Алипия — ритора, известного из «Жизнеописания софистов» Евнапия (V, 3, 1—10). Цезарий был при Валенте префектом Константинополя, казнен Прокопием (Amm. Marc., XXVI, 7, 4). Дата письма спорна. Биде считает, что в письме речь идет о борьбе с варварами и оно предшествует прибытию Алипия как викария Британии на Запад. Райт видит здесь намек на борьбу с Констанцием и язычеством и датирует его 360 годом.

[2] История Силосона, подарившего плащ Дарию, когда тот был еще частным лицом, и получившего от него, когда он стал царем, остров Самос, рассказана Геродотом (III, 139).

[3] Немезида.

[4] Неясное место.

[1] Датировка письма неясна. Скорее всего, как это полагают Биде и Райт, оно относится ко времени цезарата и речь идет о карте Британии и о болезни, которая по «Мисопогону» случилась с Юлианом в Галлии.

[2] Киренейский поэт — Каллимах.

[3] О выражении «Бупалова битва» см. Гораций, Эподы, 6, 14. Бупал — клазоменский скульптор, предмет нападок поэта Гиппонакса.

425b 5. ПРИСКУ [1] (11)

Едва только я по промыслу всевидящего Спасителя оправился от тяжелой и мучительной болезни [2], как ко мне пришли твои письма, причем в тот самый день, когда я в первый раз совершил омовение. И уже вечером, прочтя их, я, трудно сказать, почувствовал в себе
c новые силы, так как ощутил твою чистую и искреннюю благожелательность: о, если бы я был достоин ее и не опозорил твоей дружбы! Итак, тотчас же прочтя твои послания, хотя у меня едва хватило для этого сил, я на следующий день отложил послание богоподобного Антония к Александру [3]. А написал я тебе это на седьмой день, когда по божьему промыслу силы мои достаточно восстановились. Да хра-
d нит тебя для меня всевидящий бог, брат мой, любимейший и желаннейший! Как бы я хотел увидеть тебя, мой дорогой!

(И собственной рукой): Клянусь твоим и моим спасением, клянусь всевидящим богом, что я написал то, что действительно чувствую. О, лучший из людей, когда же я увижу и обниму тебя? А теперь, как несчастный любовник, я люблю и твое имя.

6. ПРИСКУ (12)

Если твоя милость серьезно вознамерилась явиться ко мне, то настал момент с божьей помощью решиться и поспешить, а то немногим позже у меня, возможно, не будет времени. Достань для меня все написанное Ямвлихом к тезке [1] — только ты можешь это сделать, ведь у свекра твоей сестры есть очень хорошая рукопись. Если я не наделал ошибок, пока писал эту часть, то это для меня — замечательный знак.

Умоляю тебя — не давай сторонникам Феодора беспрестанно повторять тебе, что Ямвлих, воистину божественный, стоящий на третьем месте после Пифагора и Платона, был якобы честолюбцем [2]. И хотя и дерзко открывать тебе то, что я думаю, одержимых богом обычно извиняют за дерзость. Сам я в восторге от Ямвлиха в философии, а от его тезки — в теософии и вслед за Аполлодором считаю, что рядом с ними другие ничего не стоят.

А что касается собранных тобою трудов Аристотеля, то я тебе скажу, что ты сам заставил меня именоваться твоим учеником, хотя я и не имею на это права. Ведь если Тириец [3] многими своими книга-

---

[1] Приск (приблизительно 305—395 гг.) — философ-неоплатоник. Его жизнеописание помещено в «Жизнеописаниях софистов» Евнапия (VIII). Ученик Эдесия, он познакомился с Юлианом в Пергаме. Будучи цезарем в Галлии, Юлиан несколько раз приглашал его к себе (письма 5, 6 и 7) и, судя по упоминанию Либания (XII, 55) о прибытии к Юлиану некоего философа, имени которого он, по своему обыкновению, не называет, и по седьмому письму Юлиана, тот действительно посетил его. Во время правления Юлиана он вместе с Максимом становится одним из наиболее близких к императору людей и находится при дворе во время его пребывания в Антиохии (Liban., XIV, 32—34; I, 123). Приск вместе с Максимом сопровождает Юлиана в персидский поход и присутствует при его смерти (Amm. Marc., XXV, 3, 23). После гибели Юлиана он до конца жизни продолжает преподавательскую деятельность в Греции.

[2] О болезни, случившейся с Юлианом в Галлии, говорится также в четвертом письме к Алипию.

[3] Неизвестные лица. Ван Гронинген предлагает чтение: Ἀριστοτέλους, а не Ἀντωνίου.

[1] У Юлиана сказано просто: τὰ εἰς τὸν ὁμώνυμον. Биде считает, что здесь имеется в виду Юлиан Халдейский, теург, известный из «Свиды». Райт полагает, что это — младший Ямвлих.

[2] Феодор из Азины, ученик Ямвлиха. В чем заключалась полемика — не известно.

[3] В издании Биде 1922 г. «Тириец Максим», в издании 1924 г. просто «Тириец». Биде полагает, что — это Порфирий, который родился в Тире и которого Либаний (XVIII, 178) называет просто «Тирийцем».

ми смог немного посвятить меня в логику, ...то ты своей одной книгой по философии Аристотеля сделал меня, возможно, уже не просто «тирсоносцем», а «вакхантом»[4]. Правду ли я говорю? Приезжай, и ты увидишь, как много работ написал я за прошлую зиму в свободное время.

7. ЮЛИАН ПРИСКУ (13)

Получив написанное тобой, я тотчас же послал Архелая[1], дав ему письма к тебе и удостоверение[2], как ты просил, с долгим сроком пользования. Если же ты захочешь посмотреть, что из себя представляет океан, то тебе, с божьей помощью, будет предоставлено все, что нужно, если только не побоишься галльского невежества и зимы. Но это будет так, как угодно богу. Я же клянусь тем, кто для меня податель всех благ и Спаситель[3], что хочу жить только для того, чтобы быть чем-либо полезным вам. Когда я говорю «вам», я имею в виду истинных философов, к числу которых, как ты и сам прекрасно знаешь, ты принадлежишь; тебе известно, как я тебя и полюбил, и люблю, и хочу видеть. И да хранит тебя на долгие времена здоровым божественное провидение, брат мой, желаннейший и любимейший! Приветствую прекрасную Гиппию и ваших детей.

384
8. ЮЛИАН ОРИБАСИЮ[1] (14)

Божественный Гомер говорит, что сны входят через две двери и вера в предрекаемое ими — различна. А я думаю, что ты на этот раз
b лучше, чем когда-либо, мудро прозрел будущее. Ведь и я сам сегодня видел нечто в том же роде. Мне представлялось, что высокое дерево, посаженное в некоем очень большом триклинии, склоняется к земле, в то время как у его корня выросло другое, маленькое и молоденькое, в полном цветении. Я же очень бескопокоился об этом маленьком деревце, как бы кто-нибудь не вырвал его вместе с большим. Но когда я подошел ближе, вижу — большое лежит срубленным
c ным на земле, а маленькое — стоит прямо и высоко поднимается над землей. И когда я увидел это, с волнением сказал: «О, какая опасность! Как бы и отросток этого дерева не погиб!». А кто-то, совершенно неизвестный мне, «Смотри, — сказал, — внимательно и мужайся: так как корень — в земле, маленькое деревце останется невредимым и будет сидеть прочно»[2].

---

[4] ἐποίησας ἴσως δὴ καὶ βάκχον, ἀλλ'οὔ τι ναρθηκοφόρον. Очевидно, это термины мистерий. Тирсоносец — готовящийся к посвящению, вакхант — посвященный.

[1] Неизвестное лицо.

[2] Употреблено слово τὸ σύνθημα, обозначающее в данном контексте удостоверение, дающее право на пользование государственной почтой.

[3] Ясно, что клянется Юлиан Митрой, но, очевидно, из осторожности употребляет двусмысленное выражение.

[1] Орибасий — известный врач и теоретик медицины, автор частично дошедшей до нас своего рода медицинской энциклопедии Ἰατρικαὶ συναγωγαί, друг Юлиана. Его жизнеописание содержится у Евнапия (XXI). Орибасий был вместе с Юлианом в Галлии, Антиохии и в персидском походе (Philostorg., VII, 15). Согласно Евнапию (XXI, 1, 4) Орибасий помог Юлиану стать августом. Прозрачные намеки данного письма, скорее всего, также говорят о наличии заговора, участником которого был Орибасий. Письмо написано, очевидно, из Паризиев в Вьенну после 358 г., когда Констанций отозвал друга и помощника Юлиана Саллюстия.

[2] Смысл сна ясен. Большое дерево — дом Констанция Хлора. Боги уничтожают его, но сохраняют маленький отросток — внука Констанция Юлиана. Сон этот напоминает некоторые места в Библии, например сон Навуходоносора (Dan. IV). Может быть, действительно здесь невольно сказалось влияние хорошо известной Юлиану библейской литературы.

d Вот какие у нас сны! Бог знает, к чему он, что сулит! Относитель-
но этого грязного евнуха [3] мне очень хотелось бы узнать, когда он
разглагольствовал обо мне — до того как он встретился со мной или
после. Сообщи нам, что сможешь узнать об этом.

А что касается моего отношения к этому [4], то всем известно, как
часто, когда он чинил несправедливости провинциалам, я в ущерб
своему достоинству молчал; одно я не слушал, другое не допускал,
385 кому-то не верил, что-то относил за счет окружавших его лиц. Но
если он стремился и на меня навлечь такой позор, отсылая постыд-
ные и преступные докладные записки, то что мне было делать [5]?
Неужели молчать? Или все же бороться? Первое, я думаю,— безрас-
судно, подобает рабам и ненавистно богам, второе же — хотя достой-
но и мужественно и подобает свободным людям, но в силу нашего
положения не годится. Что же я все-таки сделал? В присутствии
b многих, кто, как я знал, все передаст ему, я сказал: «Безусловно, та-
кой-то полностью исправит написанное им, ибо это страшно непри-
стойно». Тот, услышав об этом, был настолько далек от того, чтобы
вести себя сколь-либо разумно, что сделал такое, чего, клянусь бога-
ми, не сделал бы ни один умеренный тиран, тем более, что я был вбли-
зи. Что тогда нужно было делать мужу, ревностному к учениям
Платона и Аристотеля? Смотреть ли сквозь пальцы на то, как не-
счастные люди отдаются на произвол грабителям?! Или, как я думаю,
c по возможности защищать их, ибо уже поется похоронная песнь той
безбожной шайке [6]. Ведь мне кажется постыдным осуждать военных
трибунов, когда они оставляют строй, хотя в то время им и грозит
смерть, и считать их недостойными погребения, а самому оставить
строй, защищающий несчастных людей, когда нужно бороться с эти-
ми грабителями. К тому же бог борется вместе с нами, до он сам и по-
d ставил нас в этот строй. Если же и случится пострадать, то немалое
утешение уйти с чистой совестью. О, если бы только боги отдали мне
честного Саллюстия [7]! И если из-за этого меня кто-либо заменит, то
и в этом, надеюсь, нет ничего плохого. Лучше немного времени по-
ступать справедливо, чем много времени — дурно. Перипатетиче-
ское учение отнюдь не хуже, как говорят некоторые, стоического.
386 В том только, как я полагаю, они отличаются друг от друга, что
одно более безрассудно и горячо, а другое отвечает здравому смыслу
и способно навсегда остаться с теми, кто узнал его.

---

[3] Скорее всего, это евнух Евсевий, придворный Констанция, которого Аммиан изображает бесчестным интриганом (A m m. M a r c., XXII, 4, 11).

[4] Очевидно, имеется в виду Флоренций, префект Галлии во время цезарата Юлиана. Об его злоупотреблениях и конфликтах с ним Юлиана сообщают Либаний (XVIII, 84), Аммиан (XVII, 3, 2) и сам Юлиан в «Письме к афинянам». В письме переход от Евсевия к Флоренцию резок и неожидан. Возможно, в этом месте текст был испорчен. При Юлиане Флоренций был приговорен к смерти, но скрылся (A m m. M a r c., XXII, 3, 6).

[5] Аммиан (XVII, 3, 5) сообщает об отказе Юлиана подписать или даже читать предложение Флоренция о дополнительном налоговом обложении.

[6] Имеется в виду, очевидно, христианское окружение Констанция. В тексте: ὡς ἤδη τὸ κύκνειον ἐξᾴδουσι.

[7] Саллюстий, друг и советник Юлиана, отозванный Констанцием в 358 г. См. восьмую речь Юлиана — «К Саллюстию».

(Продолжение следует)

ИМПЕРАТОР ЮЛИАН

ПИСЬМА

9. К КОНСТАНЦИЮ[1] (17)

5. Я сохранял, сколько было возможно, непоколебимую верность своим принципам как в своем личном поведении, так и в выполнении взятых на себя обязательств, всегда придерживаясь неизменного образа мыслей, как это с очевидностью ясно из множества фактов. 6. С того самого момента, когда ты, сделав цезарем, послал меня, дабы я сражался среди грозного шума брани, я довольствовался предоставленной мне властью и как верный слуга доводил до твоего слуха частые вести о следовавших одна за другой желанных удачах, никогда не подчеркивая перенесенных мною опасностей, хотя многими свидетельствами можно было бы доказать, что в воинских трудах, в разгроме и рассеянии германцев меня всегда видели первым, а в отдохновении от трудов — последним. 7. Если же теперь произошла, как ты думаешь, некоторая перемена, то я, с твоего позволения, скажу следующее: солдаты, проводившие свою жизнь во многих тяжелых походах, не получая от этого никакой выгоды, выполнили то, что давно задумали, настоятельно требуя этого, так как тяготились командиром второго ранга, полагая, что от цезаря они не смогут получить никаких наград за продолжительный труд и многочисленные победы. 8. Их раздражение по поводу того, что они не получали ни повышений в чинах, ни ежегодного жалованья за службу, усилилось вследствие неожиданного приказания им, людям, привыкшим к климату холодных стран, двинуться в отдаленные области Востока, разлучившись с детьми и женами, и тащиться без денег и экипировки. И вот они, необычайно рассвирипев, ночью собрались, окружили дворец и стали частыми и громкими криками провозглашать Юлиана августом. Признаюсь, меня обуял ужас и я ушел от них подальше и, не совершая, пока было возможно, несправедливого поступка, искал спасения в молчании, скрываясь в отдаленных

[1] Письмо к Констанцию дошло в сочинении Аммиана Марцеллина (XX, 8, 5—17). Аммиан пишет, что после восстания галльских легионов в мае 360 г., провозгласивших Юлиана августом, Юлиан решает зимой 360—361 гг. вступить в переговоры с Констанцием и отправляет к нему со своими придворными Евтерием и Пентадием нижеследующее письмо (XX, 8, 2—4, 18—19). Приводится оно от первого лица, но его текст у Аммиана предваряет такая фраза: «... erat autem litterarum sensus huiusmodi». Полной уверенности в дословной точности текста Аммиана, разумеется, быть не может. Об этом письме сообщают также Зонара (XIII, 10, 16), Аврелий Виктор (46, 12), Зосим (III, 9, 3), Либаний (XVII, 106) и сам Юлиан в «Письме к афинянам». Письмо переведено на русский язык как часть сочинения Аммиана Ю. А. Кулаковским: Аммиан Марцеллин, История, вып. II, Киев, 1907, стр. 28. Мы старались следовать в основном за переводом Ю. А. Кулаковского, однако в ряде мест были вынуждены от него отступить.

покоях [2]. Но когда уже нельзя было оттянуть решения, я, хотя если можно так сказать, единственным моим щитом была незащищенная грудь, встал на виду у всех, полагая, что удастся успокоить волнение авторитетом и ласковым увещанием. 10. Но они были поразительно возбуждены и дошли до того, что всякий раз, когда я пытался сломить их упорство просьбами, в бешенстве бросались ко мне, угрожая смертью. Я был, наконец, побежден и, успокаивая себя сознанием. что, если меня убьют, кто-нибудь другой, возможно, с радостью позволит провозгласить себя императором, дал им свое согласие, думая,что смогу успокоить возмущение вооруженных людей [3].

11. Вот как все это случилось, и я прошу тебя отнестись к этому спокойно. Не будь превратного мнения об этом и не внимай зложелателям, которые обычно своим наушничаньем раздувают в личных интересах раздоры между государями; но отогнав прочь лесть — кормилицу пороков, привлеки к себе справедливость — эту величайшую из всех добродетелей. Прими благожелательно справедливые условия, которые я предлагаю, и признай, что это будет на пользу и римскому государству, и нам самим, связанным между собою как узами родства, так и высоким положением, которое нам даровала судьба. 12. Извини меня... но я желаю не столь видеть осуществленными эти разумные требования, сколь знать, что они одобрены тобою и признаны правильными и полезными; я и в дальнейшем буду с нетерпением ожидать твоих предписаний.

13. В нескольких словах я изложу, что необходимо сделать. Я буду поставлять упряжных лошадей из Испании и для пополнения гентилов и скутариев [4] — молодежь из летов, варварских семейств, живущих по сю сторону Рейна, или же из дедитициев, которые к нам переходят[5]. И я обязуюсь исполнять это до самой смерти не только с охотой, но и с величайшим рвением. 14. Префектов претория из людей, известных своими заслугами и справедливостью, будет назначать нам твоя милость, но назначение остальных гражданских правителей и офицеров армии, равно как и телохранителей, стоит отдать на мое усмотрение. Ведь было бы неразумным, когда можно заранее избежать этого, приближать к особе императора людей, нравы и настроение которых неизвестны.

15. Вот что, однако, я позволю себе заявить без малейшего колебания: галлы, пострадавшие от постоянных тревог и тягчайших бедствий, не будут в состоянии ни по своей воле, ни по принуждению доставлять рекрутов в далекие чужие земли; они уже теперь подавлены воспоминаниями о прошедших событиях, которые почти погубили их молодежь, и перед новыми грозными событиями они придут в полное отчаяние. 16. Не подобает вызывать отсюда вспомогательные отряды для борьбы с парфянскими племенами, когда до сих пор не устранена опасность варварских нашествий и когда (если позволишь сказать правду) эти провинции, истерзанные непрерывными бедствиями, сами нуждаются в помощи извне и даже значительной.

---

[2] В подлиннике стоит: «amendatusque dum potui, salutem mussatione quaeritabam et latebris», Ю. А. Кулаковский переводит: «... пока это было возможно, искал спасения в молчании, скрываясь в отдаленных покоях».

[3] Можно усомниться в искренности Юлиана. Вполне возможно, что он и такие его друзья, как Орибасий, приложили руку к разжиганию в войсках недовольства Констанцием (см. письмо 8).

[4] Отборные части, набиравшиеся из варваров.

[5] Леты — покоренные варвары, поселявшиеся на римской территории и служившие в римских войсках; дедитиции — варварские отряды и отдельные варвары, поступавшие на службу в римскую армию.

17. Я изложил свои советы, надеюсь, полезные, свои требования и просьбы. Ведь я знаю, я прекрасно знаю (чтобы не сказать ничего не подобающего высшей власти)[6], из каких трудных и отчаянных положений благополучно выводило государство согласие государей, уступавших друг другу. Из примера наших предков ясно, что правители, державшиеся такого образа мыслей, находили всегда стезю к счастливой и прекрасной жизни и оставили самым отдаленным потомкам добрую о себе память.

10. МАКСИМИНУ[1] (19)

Я приказал, чтобы у Кенхрей[2] были готовы суда. Сколько — ты узнаешь у правителя эллинов[3], а как ты должен выполнить это поручение, услышь от нас: без взяток и быстро. А о том, чтобы ты впоследствии не пожалел о такой услуге, я сам, с помощью богов, позабочусь.

11. К КОРИНФЯНАМ[1] (20)

«Дружеские чувства к вам унаследованы мною от отца. Ведь отец мой жил у вас и, выехав отсюда, как от феаков Одиссей, избавился от долгих скитаний». И затем, немного распространившись о злодейке-мачехе[2]: «Здесь,— говоришь ты,— отец отдохнул».

12. К НЕИЗВЕСТНОМУ[1] (25b)

Мы прошли у Геркинского леса, и я увидел нечто необычайное. И вот я смогу смело поручиться тебе, что никогда в Римской империи не было видано ничего подобного, во всяком случае, насколько нам известно. А если кто считает трудно проходимыми Фессалийские Темпеи или Фермопильское ущелье, или громадный и неизмеримый Тавр, пусть знает, что эти препятствия — ничто по сравнению с тем, что носит имя Геркинского леса.

---

[6] В подлиннике стоит: «Scio enim, scio, ne quid sublatius dicam quam imperio congruit».

[1] Кто такой Максимин — неизвестно. Наиболее вероятно, как это утверждает Биде и предполагает Райт, письмо написано перед или во время похода против Констанция.

[2] Кенхреи — порт на Коринфском перешейке.

[3] Скорее всего, проконсул Ахайи. Здесь, очевидно, Публий Ампелий, бывший проконсулом до 362 г. Его заменил Веттий Агорий Претекстат (A m m. M a r c., XXII, 7, 6).

[1] Этот отрывок из послания Юлиана к коринфянам цитируется в 14 речи Либания «К Юлиану за Аристофана» (см. письмо 48). Это письмо, как говорит Либаний, было написано во время похода на Констанция, когда Юлиан, оправдывая свои действия, пишет также послания к афинянам (дошедшее до нас) и к римскому сенату (A m m. M a r c., XXI, 10, 8).

[2] Елена, жена Констанция Хлора, мать Константина I и мачеха Юлия Констанция, отца Юлиана. Юлий Констанций — сын Констанция и Феодоры, дочери Максимиана. Во время правления Константина большую часть времени проводил в своего рода изгнании, вдали от двора.

[1] Это — отрывок, очевидно, из какого-то недошедшего до нас письма Юлиана, описывающего его военные дела. О том, что у него были такие письма (кроме сочинения о битве при Аргенторате, засвидетельствованного рядом источников: E u n a p., fr. 9; L i b a n., XIII, 25; Ep. 35; Ep. 610, но также не дошедшего до нас) см. Z o s i m., III, 3, 2; L i b a n., XVIII, 94. Евнапий (fr. 14,7) называет адресата одного из таких писем, некоего Киллення, очевидно составителя истории походов Юлиана, и Биде полагает, что данный фрагмент — из этого письма. В нем описывается экспедиция в Геркинский лес на германской стороне Рейна после битвы при Аргенторате в 357 г. Об этой экспедиции и о страшном впечатлении, которое производил этот лес,— см. A m m. M a r c., XVII, 1, 8. Отрывок дошел в лексиконе «Свиды», s. v. Χρῆμα.

13. МАКСИМУ-ФИЛОСОФУ [1] (26)

414 Все разом обступает меня и не дает говорить — ни одна из моих мыслей не уступает дороги другой — назови это душевною болезнью
b или уж как тебе угодно. Но дадим сообразно со временем каждой из них свое место и возблагодарим всеблагих богов, которые пока дают мне возможность писать, а может, и позволят нам увидеть друг друга. Как только я стал императором (против своей воли, как знают боги — я тогда сделал это, насколько было можно, ясным [2]), я предпринял поход[3] на варваров, что заняло три месяца, а вернув-
c шись к галльским берегам, внимательно следил и распрашивал приходящих оттуда, не прибыл ли какой-нибудь философ или ученый, носящий потертый плащ или хламиду. А когда я был у Бизентиона [4] (сейчас этот городок только восстановлен, а раньше это был большой город, украшенный великолепными храмами, хорошо укрепленный стеной, а также и самим характером местности — ведь его окружает река Дубис, и это место подобно как бы выступающему в море каменистому утесу, и, должен сказать, оно и самим птицам малодоступ-
d но, кроме тех мест, где берега окружающей его реки выступают вперед), то вблизи этого города мне повстречался некий муж-киник в старом плаще и с палкой. Заметив его издалека, я подумал, что это никто иной, как ты. И уже подойдя ближе, я решил, что, во всяком случае, он — от тебя. Но хотя этот муж оказался дружественным нам человеком, моих надежд он не оправдал. Вот какой сон мне пригрезился наяву. После этого я стал думать, что тебя, очень заинтересо-
415 ванного в моих делах, я не найду нигде за пределами Эллады. Пусть знает Зевс, пусть знает великий Гелиос, пусть знает могучая Афина, пусть знают все боги и богини, как, придя от галлов в Иллирик [5], я дрожал за тебя. Я спрашивал о тебе у богов. Не отваживаясь делать это сам (ведь сам я не мог ни видеть, ни слышать о том, что, как и можно было предполагать, происходит с тобой в это время),
b я поручал это другим. И боги ясно показали мне, что у тебя будут кое-какие неприятности, однако не сообщили ничего страшного и ничего такого, при чем могли бы осуществиться нечестивые замыслы.

Но ты видишь, что я прошел мимо многих значительных событий, о которых тебе очень и очень стоит знать: как часто мы ощущали

---

[1] Максим Эфесский — видный деятель позднего языческого неоплатонизма, «чудотворец». Жизнь его описана Евнапием (VII). Максим оказал большое влияние на Юлиана, который, услышав в Пергаме о его чудесах, покинул Эдессия и отправился к нему в Эфес. Став августом, Юлиан настоящим письмом приглашает Максима водворец, и тот приезжает, несмотря на дурные знамения, убоявшись которых не приехал его товарищ Хрисанфий. Во время своего путешествия ко двору Максим был окружен необычайным почетом (E u n a p., VII), а когда он прибыл в Константинополь, Юлиан, узнав о его прибытии, прерывает заседание сената (A m m. M a r c., XXII, 7, 3; L i b a n., XVIII, 155). Максим сопровождает Юлиана в Антиохию (L i b a n., XIV, 32—34; I, 123) и в Персию, причем присутствует при его кончине (A m m. M a r c., XXV, 3, 23). В 371 г. Максим был казнен Валентом за соучастие в заговоре Феодора (A m m. M a r c., XXIX, 1, 42; Z o s i m., IV, 15). Письмо написано, очевидно, сразу после того как Юлиан узнал о смерти Констанция 3 ноября 361 г., скорее всего из Ниса.

[2] (ἄκων, ὡς ἴσασιν οἱ θεοί· καὶ τοῦτο † αὐτοῖς εἰ † καταφανὲς ὃν ἐνεδέχετο τρόπον ἐποίησα). Место, отмеченное Биде, как с трудом разбираемое в кодексах. Получается, как будто Юлиан сделал свое нежелание ясным для богов, что бессмыслица, ибо боги — всевидящи.

[3] Поход на франков-аттуариев, описанный Аммианом (XX, 10).

[4] Современный Безансон.

[5] Этот поход описан Аммианом (XXI, 8), Зосимом (III, 10), Либанием (XVIII, 111—120).

присутствие богов[6], каким образом мы избежали столь великого
множества заговоров[7], причем никого не убили, ничье имущество
c не отняли и арестовали только тех, кто попался с поличным. Навер-
ное, нужно было не писать об этом, но рассказать, а впрочем, я ду-
маю, что, так или иначе, ты узнаешь это с большой радостью. Мы
открыто выполняем все религиозные обряды, и основная масса иду-
щего со мной войска почитает богов. Мы на глазах у всех приносим
в жертву быков. Многими гекатомбами мы воздаем за себя богам
благодарность. Боги велят мне во всем, насколько возможно, соблю-
d дать чистоту, и я усердно повинуюсь им. Говорят, что, если только мы
не будем лениться, наши труды дадут большие плоды.

Пришел к вам Евагрий[8] . . . .
. . . . почитаемого нами бога. . . . .

Еще многое приходит мне в голову, кроме этого, но нужно кое-что сохранить и к твоему приходу. Итак, приезжай, с помощью богов, как можно скорее и возьми две или больше общественные повозки. Я послал двух самых верных слуг — один из них будет сопровождать тебя до ставки, а другой сообщит нам, что ты уже выехал и едешь. А кого из них и для чего ты хочешь использовать — укажи этим отрокам сам.

382

14. ЮЛИАН ЮЛИАНУ-ДЯДЕ[1] (28)

В начале третьего часа ночи, даже не имея писца, потому что все
b они заняты, я с трудом нашел в себе силы написать тебе эти строки.
Милостью богов мы живы и освобождены от необходимости или терпеть чудовищное, или самим поступать чудовищно. Да будут свидетелями Гелиос, которого я больше всех просил помочь мне, и царь Зевс: я никогда не молил убить Констанция, напротив, молился о том, чтобы этого не случилось. Почему же я пришел? Потому что боги четко и ясно повелели мне это, обещая спасение, если я послушаюсь их, а если бы я остался на месте, никто из богов не оказал бы мне помощи. Более того, даже когда он объявил меня врагом, я думал, что он только пугает, и надеялся, что обстоятельства приведут к подобающим переговорам; если же он решился на войну, то я, предоставив все судьбе[2] и богам, решил ждать, что будет угодно их человеколюбию.

---

[6] О частых видениях и «вещих» снах, которые имел в это время Юлиан, см. его письма к Юлиану-дяде (14), к Орибасию (8), где он говорит о своем пророческом даре, а также Amm. Marc., XX, 5, 10; XXI, 2, 2; Zosim., III, 9, 6.

[7] В тексте стоит: τὸ τοσοῦτον τῶν ἐπιβουλῶν πλῆθος. Известно об одном заговоре против Юлиана в Галлии (Amm. Marc., XX, 4, 20—22; Liban., XVIII, 102).

[8] Об Евагрии см. письмо 1.

[1] Юлиан — брат Базилины, матери Юлиана. Под влиянием своего племянника стал язычником и был сделан им comes Orientis (см. поздравляющее его 701 письмо Либания). На этом посту он, по словам Юлиана (Misop. 365c), показал себя обладающим прекрасными административными данными, а также антихристианским рвением, особенно проявившимся после пожара храма Аполлона в Дафне, когда он закрыл и осквернил антиохийскую церковь. Вскоре он умер от тяжелой болезни, в чем христиане увидели наказание свыше (Sozomen., V, 8; Theodoret., III, 12; Philostorg., VII, 10). О болезни и смерти Юлиана сообщает также Аммиан (XXIII, 1).

Письмо написано, очевидно, приблизительно в то же время, что и предыдущее. Описываемая обстановка говорит скорее всего о том, что оно не могло быть написано в Константинополе, куда Юлиан прибыл 11 декабря 361 г.

[2] У Биде в тексте τῇ Τύχῃ. Получается непонятное противопоставление Тихе богам. Ван Гронинген исправляет: τῇ τύχῃ.

15. ЮЛИАН ЕВТЕРИЮ [1] (29)

Мы живем, хранимые богами, и ты принеси им за меня благодарственную жертву; эту жертву ты принесешь не за одного человека, но за всех эллинов. А если у тебя будет время и в Константинополь переправиться, то мы немало [2] почтим твое прибытие.

16. ФЕОДОРУ (ГЛАВНОМУ ЖРЕЦУ) [1]

Получив твое письмо, я, естественно, обрадовался: да и как мне было не обрадоваться, узнав, что мой товарищ и лучший из друзей жив и здоров. Но передать словами, какое состояние у меня было, когда, сняв затягивающий его шнурок, я много раз перечитал его, я бы не смог. Я был исполнен безмятежного спокойствия и радостно принял письмо. И как бы раскрылся передо мною твой благородный образ. Ответить на него пункт за пунктом заняло бы слишком много места и, очевидно, привело бы к излишней болтливости. Но все же я не замедлю сказать, что мне больше всего понравилось. Это прежде всего спокойствие, с каким ты перенес наглость, допущенную по отношению к нам правителем Эллады (если только его действительно следует назвать правителем, а не тираном) [2]; ты здраво рассудил, что это вовсе не должно волновать тебя [3]. А что ты хочешь и стремишься помочь городу, в котором ты провел много времени,— ясное свидетельство философского склада ума [4]. Первым ты, как мне кажется, похож на Сократа, а вторым, по-моему,— на Музония. Ведь тот сказал [5], что недопустимо, чтобы добродетельный муж претерпел вред от какого-либо худшего и ничтожного, а этот проявил заботу о Гиаре, когда Нерон [6] приговорил его к изгнанию.

Я одобряю в твоем письме и то и другое, но не знаю, каким образом принять третье. Ведь ты просишь меня указать в письме все, что,

---

[1] Все, что известно об Евтерии, сообщает Аммиан. Евтерий — родом из Армении, ребенком был взят в плен каким-то соседним племенем, обращен в рабство и кастрирован. Он был при дворе Константина и Константа евнухом, а затем препозитом опочивальни у Юлиана в Галлии. Аммиан говорит о влиянии Евтерия на Юлиана и его необычайном уме и честности — качества, которые Аммиан считал несвойственными евнухам (A m m. M a r c., XVI, 7, 4—7). Юлиан дважды дает Евтерию ответственные дипломатические поручения: в 356 г.— оправдаться перед Констанцием в клевете, возводимой на Юлиана магистром конницы Марцеллом (A m m. M a r c., XVI, 7, 2), и в 360 г.— передать Констанцию послание, рассказывающее о восстании в Паризиях (письмо 9 — A m m. M a r c., XX, 8, 19).

[2] Употреблено слово διαβῆναι— «пересекать», «переезжать», «переправляться»; очевидно, имеется в виду переправа через Босфор.

[1] Феодор известен только из писем Юлиана (настоящего письма и письма 38). Феодор — язычник, неоплатоник, судя по 38 письму, имевший общего с Юлианом наставника, очевидно, Максима Эфесского, был назначен Юлианом главным провинциальным жрецом. Датировка письма не ясна. Не ясно даже, написано ли оно до или после смерти Констанция, ибо титул «главного жреца» мог быть прибавлен переписчиком.

[2] Эпизод неизвестный. «Мы»,— может быть, язычники.

[3] В тексте Биде: ... ὅτι τήν παροινίαν, ἣν εἰς ἡμᾶς ὁ τῆς 'Ελλάδος ἡγεμὼν πεπαρῴνηκεν... οὔτοι βαρέως ἤνεγκας, οὐδὲν ἡγούμενος τούτων εἰς σὲ γεγονέναι. Ван Гронинген заменяет ὕτοι βαρέως на οὕτω βαθέως. Это меняет смысл, и в русском переводе фраза будет звучать так: «это прежде всего то, что тяжело (глубоко) перенеся наглость..., ты (все же) здраво рассудил...».

[4] Какому городу и как помог Феодор — неизвестно.

[5] P l a t o, Apolog. Socr., 300.

[6] См. P h i l o s t r a t., Vit. Apollon. VII, 16, 3. Музоний, сосланный Нероном на Гиару — один из безводных Кикладских островов, открыл там воду.

по моему мнению, ты сказал или сделал неправильно. Я могу сказать много в доказательство своего убеждения, что подобные советы нужны больше мне, чем тебе, но откладываю это до следующего раза. Все же такое требование тебе, пожалуй, не подобает: ведь у тебя есть в избытке досуг, и природа тебя хорошо одарила, и философию ты любишь, как никто другой. Вот — те три обстоятельства, которых в их совокупности было достаточно, чтобы сделать Амфиона изобретателем древней музыки: «время, божественный дар и страсть к сложению песен» [7]. Даже отсутствие инструментов не может помешать этому, но и их без труда изобретает тот, кто обладает этими тремя дарами. В самом деле, разве не дошел до нас слух, что Амфион изобрел не только лады, но кроме того и лиру, то ли при помощи своего божественного рассудка, то ли получив ее как дар богов, то ли по удивительной случайности? [8] Большинство древних обладали истинной философией, наверное потому, что стремились именно к этим трем благам и ни в чем ином не нуждались.

И посему как раз ты и должен прийти мне на помощь и в своих письмах советовать мне, что нужно и чего не нужно делать. Ведь мы видим, что не те солдаты нуждаются в союзниках, кто находится в мире, но, по моему мнению, те, кто испытывает всю тяжесть войны, и не те кормчие, кто не находится в плавании, зовут на помощь плывущих, но те, кто в море, призывают не занятых. Итак, прежде всего кажется справедливым, чтобы имеющие досуг помогали тем, кто занят делами, сотрудничали с ними и указывали им, что надлежит предпринять, конечно, при том, как я думаю, условии, если заботятся они об одном и том же. И хорошо, если ты будешь это держать в уме и делать для меня то, что я, по-твоему, должен делать для тебя. А если тебе угодно, давай условимся, что я буду делиться с тобой своими мыслями о всех твоих делах, а ты, со своей стороны,— своим мнением о моих словах и поступках. Я думаю, ничто не может быть для меня лучше такого обмена.

Да хранит тебя в долгом здравии на долгие времена божественное провидение, брат мой возлюбленный. Я молюсь, чтобы скорее увидеть тебя.

373

17. ПРОЭРЕСИЮ-СОФИСТУ [1] (31)

Почему же я не собираюсь приветствовать прекрасного Проэресия, мужа, богатого даром слова, как богаты водой реки, изливающие свои воды на равнины, соревнующегося в красноречии с Периклом,
374 но, в отличии от него, не беспокоящего и не «будоражащего Элладу» [2]? И не нужно удивляться, если я, обращаясь к тебе, подражаю лакон-

---

[7] Euripid., fr. 192.

[8] У Биде: ... ‹εἴτε› διά τινα συντυχίαν ἀμήχανον; Καὶ τῶν παλαιῶν ... Ван Гронинген предлагает чтение: Διά τινα συντυχίαν ἀμήχανον καὶ τῶν παλαιῶν οἱ πλεῖστοι. В этом случае русский перевод будет: «И благодаря некой удивительной случайности большинство древних».

[1] Проэресий — знаменитейший софист своего времени, жизнь которого описана Евнапием (X). Родом из Армении, преподавал в Афинах. Приглашенный для выступления в Рим императором Константином, завоевал там такое признание, что римляне поставили ему бронзовую статую (Eunap., X, 7). Проэресий — христианин (Eunap., X, 8, 1), и когда Юлиан запретил преподавать риторам-христианам, он, по словам Иеронима (хроника 363 г.), сделал специальное исключение для Проэресия, которым тот не воспользовался. Тем не менее Проэресий был, очевидно, весьма поверхностным христианином, ибо Евнапий сообщает, что он прибегал к гаданию языческих жрецов (Eunap., X, 8). Письмо написано, очевидно, зимой 361—362 г.

[2] Aristoph., Acharn. 530.

ской краткости. Ведь это вам, мудрецам, подобает составлять великолепные и очень длинные речи; с нас же хватит, если мы обратимся к вам и с немногими словами. В общем знай, что на меня со всех сторон навалилось множество дел. Причины возвращения, если ты намереваешься писать историю, я тебе сообщу самым точным образом, представив, как письменное свидетельство, послания [3]. Если же ты
b решил до крайней старости предаваться упражнениям телесным и ораторским, то, наверное, не будешь бранить меня за молчание.

381

18. ВАСИЛИЮ (ВЕЛИКОМУ) [1]

Есть поговорка: «Не войну объявляешь», я же добавил бы из комедии: «О, принесший весть златую» [2]. И давай, покажи это делами и поспеши к нам: ведь ты придешь как друг к своему другу. Правда,
b совместная и настойчивая забота о государственных делах кажется тягостной тем, кто серьезно ими не занимается. Но те, кто разделяет с нами эти заботы,— лучшие люди, по моему мнению, достойные и благоразумные и вообще для всего пригодные. Они дают мне свободное время, так что я могу отдыхать, не запуская одновременно государственных дел. Ведь мы живем вместе без придворного лицемерия,
c из-за которого те, кто хвалит других, ненавидят их больше, чем злейших врагов, а я думаю, что до сих пор ты только с ним и был знаком. Но мы с подобающей свободой, когда нужно упрекая и порицая друг друга, как настоящие друзья, не меньше любим друг друга из-за этого. А поэтому мы можем (да не возбудит это зависть), отдыхая, трудиться, трудясь, не перенапрягаться и спать спокойно: ведь бодр-
d ствуя, я бодрствовал не для себя одного, но, как это и следует,— для всех прочих.

Наверное, я, страдая какой-то вялостью мыслей, надоел тебе своей пустой болтовней; расхвалил сам себя, как Астидам [3]. Однако я и написал тебе это, чтобы ты понял, что твой приезд — приезд разумного мужа — значительно более доставит нам пользы, чем хлопот.
382 Итак, я уже сказал: спеши и пользуйся государственной почтой: когда ты пробудешь у нас, сколько тебе будет угодно, мы тебя отпустим, как подобает, и ты отправишься, куда захочешь.

389

19. ЮЛИАН ГЕРМОГЕНУ, БЫВШЕМУ ПРЕФЕКТУ ЕГИПТА [1] (33)

Позволь мне сказать тебе в поэтически-риторическом стиле: «О, как нежданно я спасся! О, как нежданно я услышал известие и о

[3] Скорее всего, имеется в виду или письмо 9 и ответ Констанция, в котором он отказывает в требованиях Юлиана (Amm. Marc., XX, 9, 4), или захваченная Юлианом переписка Констанция с аллиманами, где он подстрекает их напасть на Юлиана в Галлии (Liban., XVIII, 113; Amm. Marc., XXI, 3, 4).

[1] В кодексах стоит: «К Василию Великому», т. е. знаменитому кесарийскому епископу. Райт также полагает, что имеется ввиду Василий Великий. Но, скорее всего, прав Биде, считающий, что такое название — домысел переписчика и адресат — какой-то другой Василий. Хотя Василий и Григорий Назианзин и были знакомы с Юлианом по учению в Афинах, однако ничто не говорит, что между ними была дружба. Из письма видно, что адресат был знаком с придворной жизнью предшественников Юлиана, а о каких-либо придворных связях Василия Кесарийского неизвестно. Ясно, что письмо написано тогда, когда Юлиан уже был императором. Биде датирует его зимой 361—362 года, так как, по его мнению, это было время, когда Юлиан скорее всего мог иметь досуг.

[2] Arisoph., Plut. 268.

[3] Автор трагедии, которому афиняне поставили статую и который хотел сам сочинить надпись на ней. Выражение это стало поговоркой (см. Юлиан, «Против Нила» — письмо 37).

[1] Гермоген из других источников неизвестен. Префектом Египта он мог быть лишь после 328 г. (до этого года префекты известны). Письмо написано, очевидно, сразу после смерти Констанция и вступления Юлиана в Константинополь, т. е. в конце 361 г.

твоем избавлении от трехголовой гидры!». Клянусь Зевсом, я имею в виду не моего брата Констанция (уж какой он был, такой и был), но тех окружавших его чудовищ, смотревших на каждого с вожделением и сделавших еще более жестоким того, кто и от природы-то не
390 был ко всем мягким, хотя многим таким и казался. Ему же, так как он ушел из жизни, да будет, как говорят, земля пухом. А что касается этих — Зевс-свидетель! — я не хотел бы, чтобы они потерпели что-нибудь несправедливое. Но так как против них появилось много обвинителей, мною образовано для них специальное судилище [2]. Ты же, мой друг, приезжай и поспеши изо всех сил. Я уже давно хо-
b тел посмотреть на тебя, клянусь богами, и теперь, когда услышал приятную весть, что ты жив и здоров, призываю тебя прийти.

20. ЕВСТАФИЮ-ФИЛОСОФУ [1] (34)

Не слишком ли банально это вступление — «добрый человек»! ? И уж само собой разумеется, ты знаешь, что будет за этим. И действительно, это и будет. Ведь как ученый ритор и философ, ты знаешь, что за этими словами последует: и если только мы оба добрые люди, то ты имеешь во мне друга [2]. О тебе я без колебаний могу утверждать, что ты действительно такой и есть, а уж о себе помолчу. О, если бы другие, узнав меня, убедились, что и я такой же. Но почему же я обхожу то, что нужно сказать, как будто говорю что-то нелепое?— Приезжай, спеши, и, как говорится, лети. Пусть тебя приведет благосклонный бог с Енодией-девой [3]. В твоем распоряжении будет государственная почта, так что, если хочешь, воспользуйся повозкой с двумя пристяжными.

415

21. ЕВСТАФИЮ-ФИЛОСОФУ (35)

«Будь с остающимся ласков, приветно простись с уходящим»,—
416 так предписал мудрый Гомер [1]. Но у нас с тобой дружба более прочная, чем обычные узы взаимного гостеприимства: ведь основа ее — это полученное нами воспитание и наше почитание богов. Поэтому несправедливо было бы меня обвинять в нарушении заповеди Гомера, если бы я пожелал, чтобы ты остался у нас подольше. Но видя, что твое слабое тело нуждается в большем уходе, я позволил тебе отправиться на родину и позаботился о том, чтобы ты доехал легко,
b с удобствами. Итак, тебе разрешено пользоваться повозкой государственной почты. Пусть сопутствуют тебе вместе с Асклепием все боги и пусть они дадут нам снова увидеться.

---

[2] Имеется в виду Халкидонский процесс (о нем см. Amm. Marc., XXII, 3; Liban., XVIII, 152).

[1] Евстафий — известный философ-неоплатоник и оратор. Жизнь его описана Евнапием (VI, 5 слл.). В 358 г. отправлен Констанцием послом к Сапору «ut opifex suadendi» (Amm. Merc., XVII, 5). Он был женат на «ясновидящей» Сосипатре (Eunap., VI, 6). Будучи человеком слабого здоровья, Евстафий умер вскоре после того как вернулся от Юлиана в родную Каппадокию. Сын Евстафия и Сосипатры стал известным языческим жрецом и философом в Египте (Eunap., VI, 9, 15 — VII). До нас дошло письмо к Евстафию Василия Великого.

Датировка 20-го письма, как и тесно связанных с ним по смыслу двух последующих, неясна, но, скорее всего, Юлиан приглашает Евстафия тогда же, когда он приглашает Максима и Хрисанфия (см. письмо 13), т. е. в конце 361 г.

[2] Юлиан не точно цитирует место из Еврипида (фр. 902), ставшее банальностью эпистолографии (Basil., Ep. 63; Procop. Gaz., 154): «Добрый человек, если он даже живет в отдаленной земле и я его никогда не видел, друг для меня». Из этого можно заключить, что Евстафия Юлиан никогда еще не видел.

[3] Гермес и Геката, именовавшиеся также Енодием и Енодией.

[1] Odys. XV, 74 (пер. В. А. Жуковского).

22. ЕВСТАФИЙ-ФИЛОСОФ ЮЛИАНУ[1] (36)

Как повезло мне, что удостоверение[2] пришло поздно. Ибо вместо того чтобы трястись и бояться, путешествуя на повозке государственной почты и видя пьяных погонщиков и ленивых мулов, раскормленных, как говорил Гомер[3], ячменем до пресыщения, терпеть поднятую пыль и страшный жаргон, и щелканье бича, на мою долю выпало путешествовать по тенистой дороге, усаженной деревьями, со многими родниками, со многими местами, очень удобными для отдыха тому, кто устал от утомительного летнего путешествия, где я всегда находил уголок, в котором легко дышится, в тени каких-нибудь платанов или кипарисов, в то время как в руке у меня был Федр Мирринусиец или какой-либо другой из диалогов Платона. И вот все эти удовольствия, душа моя[4], я получил от свободы, с которой путешествовал, и решил, что будет нехорошо, если не поделюсь с тобой и не расскажу о них.

23. ЮЛИАН ФИЛИППУ[1] (40)

Клянусь богами, когда я еще был цезарем, я писал тебе и, помнится, не раз. Я хотел писать еще чаще, но мне мешало то одно, то другое, а после того как я был провозглашен августом — возникшая у меня с блаженной памяти Констанцием, как это говорится, «волчья дружба». Я крайне остерегался писать кому-нибудь за Альпы, чтобы не стать для него причиной больших неприятностей; и ты считай то, что я тебе не писал, свидетельством дружественных чувств — ведь язык часто отказывается быть в согласии с мыслями. Возможно, для частных лиц показывать письма царей простакам — предмет хвастовства и тщеславия, как служат для хвастовства кольца, носимые безвкусными людьми; настоящая же дружба бывает большей частью между людьми равного положения. Но бывает и иной род дружбы, когда восхищаются не притворно, но искренне и когда человек, превосходящий или способностями или тем, что ему даровала судьба, искренне любит человека кроткого, умеренного и благоразумного.

Письма эти полны всякого хвастливого вздора, и я сам часто ругаю себя, что они получаются слишком длинными и что я чрезмерно болтлив, хотя можно было бы по пифагорейским правилам быть сдержанным в речи.

Конечно, я принял символ дружбы — серебряную фиалу весом в мину и золотую номизму[2]. И нам хотелось, как ты просил об этом в письме, позвать тебя к себе; но уж близка весна, зеленеют деревья, и ласточки, ожидаемые с минуты на минуту, как только прилетят, изгонят нас, товарищей по оружию, из дома и заставят покинуть пре

---

[1] Сохранившийся в кодексах писем Юлиана ответ Евстафия, произведения которого до нас не дошли, традиционно включается в издания Юлиана.

[2] См. письмо 7, примечание.

[3] Iliad. VI, 506 и XV, 263. «Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях» — перевод Н. И. Гнедича.

[4] ὦ πάντα θεία καὶ ἱερὰ κεφαλή.

[1] Филипп — возможно, каппадокиец, ревностный язычник, пострадавший после гибели Юлиана, с которым переписывался Либаний (см. O. Seeck, Die Briefe des Libanius zeitlich geordnet, Lpz, 1906, стр. 240). Датируется письмо, очевидно, началом 362 года, когда Юлиан готовился отправиться из Константинополя через Малую Азию в Антиохию.

[2] Биде на выбор предлагает ряд переводов χρυσοῦ νόμισμα: une pièce d'or, un jeton, une médaille d'or.

делы родной земли [3]. Отправимся же мы через вашу местность, так что у меня будет хорошая возможность, если будет угодно богам, встретиться с тобой в твоем доме. Я думаю, что это будет скоро, если только не помешает какой-нибудь демон, и об этом мы и молим богов.

387d

24. ЮЛИАН ЕВСТОХИЮ [1] (41)

Мудрый Гесиод считал, что нужно созывать на праздники сосе-
388 дей, чтобы веселиться вместе [2], ибо они вместе с нами страдают и тревожатся, когда выпадает какое-нибудь неожиданное несчастье. Я же говорю, что нужно созывать друзей, а не соседей, и причина этому та, что сосед может быть врагом, а друг может быть врагом не больше, чем белое — черным, а горячее — холодным. И если нет иного доказательства тому, что ты — наш друг, и не только сейчас, но и издавна, и всегда одинаково благожелателен к нам, лучшим свидетельством будет наша к тебе давняя расположенность и привя-
b занность. Итак, приходи и прими участие в празднике нашего вступления в должность консула. Тебя отвезет государственная почта на повозке с одной пристяжной. Если же нужно о чем-либо еще помолиться, то мы призвали в помощь тебе благосклонную Енодию и Енодия [3].

404b

25. ЮЛИАН АЭЦИЮ (ЕПИСКОПУ) [1]

Я освободил от изгнания вообще всех, кто по тем или иным причи-
c нам был изгнан покойным Констанцием из-за безумия галилеян [2]. Тебя же я не только освобождаю, но, помня наше старинное знакомство и близость, зову прийти к нам. Ты будешь пользоваться вплоть до нашей ставки повозкой государственной почты и одной пристяжной.

---

[3] Имеется в виду поход на Персию.

[1] Известны Евстохий из Палестины — ритор и знаток законов, о котором часто говорил о своих письмах Либаний (см. Seeck, ук. соч., стр. 149), и другой Евстохий, каппадокийский юрист, упоминаемый «Свидой». Одному из них писал письма (189—191) Григорий Назианзин. Кому из них адресовано это письмо — неясно. Датируется оно, очевидно, временем незадолго до января 363 года, когда вступили в должность Юлиан и Саллюстий.

[2] Hesiod., Opera et Dies, 343.

[3] См. письмо 20, прим. 3.

[1] Аэций — крупнейший христианский богослов IV в., лидер догматической группировки аномиев (крайних ариан). Его доктрина изложена в «Панарии» Епифания Кипрского, который приводит и одно его подлинное произведение. О его биографии много сведений дает арианский церковный историк Филосторгий. Аэций был очень близок к брату Юлиана, цезарю Галлу, который, обеспокоенный слухами о язычестве Юлиана, несколько раз посылал к нему Аэция (Philostorg., III, 27). До нас дошло и письмо Галла к Юлиану, где говорится о поездке к нему Аэция (впрочем Биде и другими учеными оно признается сомнительным). После гибели Галла Аэций был сослан Констанцием во Фригию (Philostorg., IV, 8). Настоящим письмом он возвращается из ссылки. Несмотря на заглавие, Аэций тогда еще не был епископом (Philostorg., VII, 6). Филосторгий сообщает, что Юлиан хорошо принял Аэция и подарил ему имение на острове Лесбосе (IX, 4). Датируется письмо временем вскоре после указа о возвращении епископов, т. е. началом 362 года.

[2] Об этом указе сообщают: Historia acephala, 10; Philostorg., VI, 7; Teodor., Hist. eccl. III, 4, 1; Rufin., Hist. eccl. X, 28; Socrat., III, 1, 48; 24, 4; Sozomen., V, 5, 1.

380d 26. БИЗАЦЕНЦАМ [1] (54)

Мы возвратили вам всех членов совета и декурионов [2], которые или предались культу галилеян, или занялись чем-либо другим, чтобы избежать курии, кроме тех, кто уже раньше отправлял литургии
381 в метрополии [3].

426 27. ЗЕНОНУ, ГЛАВНОМУ ВРАЧУ [1] (58)

И многое другое свидетельствует, что ты достиг высших степеней врачебного искусства и что добропорядочность и умеренность твоей жизни находятся в полном согласии с твоим искусством, а теперь к
b этому прибавилось высшее свидетельство: в свое отсутствие ты склонил на свою сторону город александрийцев; такое жало ты, как пчела, оставил после себя. И это естественно. Ведь прекрасно, как я думаю, сказано у Гомера: «Опытный врач драгоценнее многих других людей» [2]. Ты же не просто врач, но и учитель стремящихся овладеть этим искусством, так что для врачей ты почти то же, что вра-
c чи для всех остальных людей. И эта самая причина кладет конец, и притом блистательный, твоему изгнанию. Ведь если ты был удален из Александрии из-за Георгия, то был удален не по праву, и поэтому твое возвращение было бы в высшей степени справедливо. Итак, приходи обратно с честью и прежним почетом; у нас же пусть будет двойная радость — что александрийцам возвращен Зенон, а тебе — Александрия.

443 28. АЛЕКСАНДРИЙЦАМ [1] (59)

Я слышал, у вас есть каменный обелиск значительной высоты,
b который брошен на берегу как нечто ничего не стоящее. Блаженной памяти Констанций построил специальное судно, чтобы перевезти его в Константинополь, мой родной город [2]. Но когда ему пришлось, по воле богов, уйти из этого мира туда, куда нам всем суждено уйти, город стал требовать от меня обещанного им дара, а этот город — моя родина и мне он ближе, чем ему — он любил его, как сестру [3], а я
c люблю его, как мать,— в нем я появился на свет, в нем я вырос и не могу быть к нему неблагодарен [4].

---

[1] До нас дошел закон Юлиана от 13 марта 362 г. (C. Th., XII, I, 50), в котором сказано: «Декурионы, которые как христиане уклонялись от выполнения своих обязанностей, возвращаются на место» (см. также Sozomen., V, 5; Philostorg., VII, 4). Таким образом, это мероприятие — не исключение по отношению к бизаценцам (очевидно, жителям провинции Бизацены в Африке). Возможно, причиной написания особого письма к бизаценцам была их петиция, поданная до 13 марта 362 г. Написано письмо, очевидно, около этого же времени.

[2] В тексте стоит: τοὺς βουλευτὰς... καὶ τοὺς πατροβούλους. Второй термин неясен. Биде оставляет его без перевода.

[3] Метрополия Бизацены Гадрумет. Биде считает, что Юлиан регламентирует отправление литургий лишь в метрополии, но не в маленьких городах.

[1] Зенон — знаменитый врач, учитель Орибасия (см. Eunap., XX, 1, 2; XI, 1, 2; XX, 11, 71). Про изгнание Зенона, вызванное, очевидно, религиозными причинами, говорится в 171 письме Либания. Так как в письме нет никакого намека на убийство 24 декабря 362 г. Георгия (см. письмо 29, прим. 1), письмо написано до этого времени.

[2] Iliad. XI, 514 (пер. Н. И. Гнедича).

[1] Из содержания письма видно, что Юлиан еще не знал об убийстве Георгия Каппадокийского 24 декабря 361 г., следовательно, письмо написано до этого времени.

[2] Очевидно, Констанций сделал такое обещание после того, как он поставил подобный обелиск в Риме (Amm. Marc., XVII, 4).

[3] Констанций II — сын Константина I, а Константинополь — город, построенный Константином, образно говоря, его дитя и, следовательно, сестра Констанция.

[4] Известно, что Юлиан старался украсить и благоустроить Константинополь. По свидетельству Зосима (III, 2, 3), он создает там новый порт и новую библиотеку.

Так что же? Так как и вас я люблю не меньше, чем свою родину, то я даю вам поставить у себя медную статую [5]. Недавно сделана колоссальной величины скульптура, и если вы ее установите, то у вас вместо дара из камня будет дар из меди, статуя человека, изображение которого вы, по вашим словам, хотите иметь, вместо четырехугольного камня с египетскими письменами. Ходят слухи, что есть какие-то люди, которые поклоняются там и спят на его вершине, и это еще более убеждает меня, что из-за такого суеверия обелиск непременно нужно увезти [6]. Ведь те, кто видит, что там спят и что такое место загрязнено и загажено (а ведь именно так и есть), не верят, что это — божественный предмет, и из-за суеверия тех, кто с ним связан, начинают меньше чтить богов. И именно из-за этого вам особенно нужно оказать содействие и отправить его ко мне на родину, которая дружелюбно встречает вас, когда вы приплываете в Понт, и так же, как вы помогаете в снабжении ее продовольствием, внести свой вклад и в ее внешнее убранство. И вам будет совсем не тягостно, если у нас будут находиться что-то ваше, и приплывая в наш город, вы всякий раз будете смотреть на это с радостью [7].

378 c

29. ИМПЕРАТОР ЦЕЗАРЬ ЮЛИАН ВЕЛИЧАЙШИЙ АВГУСТ НАРОДУ АЛЕКСАНДРИИ (60)

Если уж вы не испытываете стыда перед вашим основателем Александром и даже перед великим и святейшим богом Сераписом, то неужели не возникло у вас никакой мысли об общественной пользе, гуманности и нравственности? Добавлю, и никакой мысли о нас, которого все боги, а прежде всего великий Серапис, сочли достойным управлять вселенной; ведь именно нам следовало позаботиться о расследовании относительно тех лиц, которые причинили вам несправедливость. Но наверное, злоба ввела вас в заблуждение и гнев, который обычно, «разум отнявши, на злые деянья толкает» [2]: ведь вы поддались внезапному порыву и, уже приняв прекрасное решение, затем
379 совершили беззаконие [3]. И вы, свободные граждане, не постыдились

[5] Биде, ссылаясь на недоступную нам книгу — R a a b e, Petrus der Iberer, 1895, стр. 72 — говорит, что эта громадная статуя действительно была установлена и еще в V в. внушала суеверный страх христианам.

[6] Место не совсем ясно. О столпничестве в Египте никакие источники не сообщают, и столпничество считается явлением специфически сирийским.

[7] Этот обелиск времен Тутмоса III действительно был по приказу Юлиана отправлен в Константинополь, но судно не смогло дойти до места назначения и обелиск долгое время простоял в Афинах. При Феодосии I он был перевезен в Константинополь.

[1] Георгий — арианин, ставший александрийским епископом после третьего изгнания Афанасия. Он был ненавистен как православным сторонникам Афанасия, так и язычникам, по отношению к которым вел себя крайне вызывающе (A m m. M a r c., XX, 11, 5—7). После воцарения Юлиана накопившаяся ненависть прорвалась наружу и Георгий был зверски убит вместе с двумя другими фанатичными христианами — начальником александрийского монетного двора Дракопнием и комитом Диодором. Убийство произошло в день крупнейшего митраистского праздника Dies Natalis Solis Invicti 24 декабря 361 г. Это событие описывают — Аммиан (XXII, 11), Созомен (V, 7), Сократ (III, 2, 3), Historia acephala (8), Филосторгий (VII, 2) и др. Письмо Юлиана дошло до нас в «Церковной истории» Сократа Схоластика (3, III, 4—25). О нем говорят также Созомен (V, 7, 8) и Аммиан (XXII, 11, 11). В письме Юлиана чувствуется желание оправдать александрийских язычников. Видно, что он понимает и разделяет их чувства. Письмо написано, очевидно, в начале января 362 г.

[2] Юлиан цитирует трагического поэта Меланфия. Эта цитата из сочинения Плутарха «О сдерживании гнева» (Moralia, 453) и является единственной дошедшей до нас цитатой из этого поэта.

[3] У Биде — εἶτα τῆς ὁρμῆς ἀνασταλέντες τῆς παραχρῆμα, <τοῖς> βεβουλευμένοις καλῶς ὕστερον ἐπηγάγετε τὴν παραμονία. Ван Гронинген читает: εἶτα τῆς ὁρμῆς ἀναστεῖλαντες,

дерзнуть на то, за что других справедливо ненавидите?! Скажите мне ради Сераписа, за какие преступления вы ненавидите Георгия? Вы, конечно, ответите, что он натравливал на вас блаженнейшей памяти Констанция, затем ввел в священный город войска, а дукс Егип-
b та [4] захватил святейший храм бога, похитив там изображения, дары и украшения святилища; когда же вы справедливо вознегодовали и попытались защитить бога, вернее собственность бога, он осмелился послать против вас солдат — несправедливо, беззаконно и безбожно, — наверное, боясь Георгия еще больше, чем Констанция. Ведь Георгий тщательно наблюдал за ним, как бы он не повел себя по отношению к вам более умеренно и так, как подобает вести себя по отношению к гражданам, а не тиранически.

c Итак, разгневавшись за это на врага богов Георгия, вы, хотя можно было предать его суду, сами снова осквернили священный город. Тогда это было бы не убийство, не беззаконие, а справедливый суд, который полностью избавил бы вас от нареканий, покарал преступного нечестивца и образумил всех прочих, кто пренебрегает богами
d и сверх того — ни во что не ставит города и процветающие общины, подобные вашим, считая, очевидно, что жестокость по отношению к ним увеличивает их собственные силы.

Сравните это мое письмо с тем, которое я написал вам недавно [5], и обратите внимание, какое различие между ними. Как я хвалил вас тогда. А сейчас, клянусь богами, хотя и должен похвалить вас, из-за вашего беззакония — не могу. Граждане осмеливаются растерзать
380 человека, как собаки — волка! И затем не стыдятся воздевать к богам руки, как будто они чистые и с них не каплет кровь. «Но Георгий был достоин претерпеть такое». Я сказал бы — даже худшее и более суровое, чем это. Вы скажете — «из-за вас». И с этим я соглашаюсь. Но если вы скажете еще — «от вас», на это нет моего согласия. Ведь есть у вас законы, которые все должны высоко чтить и уважать.
b И хотя случается, что отдельные лица и преступают законы, обществу в целом надлежит иметь хорошие законы, им повиноваться и не преступать того, что издавна было прекрасно узаконено.

Ваше счастье, мужи-александрийцы, что вы так погрешили именно в мое царствование, ибо я из-за благоговения, которое чувствую к богу, и ради моего деда и тезки, который правил самим Египтом и
c вашим городом [6], сохраняю по отношению к вам братскую благожелательность. Строгая же власть и безукоризненное и суровое правительство никогда не посмотрели бы сквозь пальцы на дерзость народа, но излечили бы столь тяжелую болезнь еще более горьким лекарством. Я же в силу тех причин, о которых я говорил выше, обращаюсь к вам с ласковыми и увещевательными словами. И я знаю, что они вас тем более убедят, что вы, как я слышал,— чистокровные эллины

τοῖς παραχρῆμα βεβουλευμένοις καλῶς ὕστερον..., т. е. «Поддавшись гневу, вы, сразу же приняв прекрасное решение, затем совершили беззаконие».

Правильным решением александрийцев, о котором говорит Юлиан, было то, что вначале они заключили Георгия в тюрьму в ожидании суда (Socrat., III, 2; Sozomen., V, 7; Historia acephala, 8), но во время религиозного праздника страсти разгорелись и над ним учинили самосуд.

[4] Артемий, которого Юлиан впоследствии тоже казнил (Amm. Marc., XXII, 2, 2; Theodor., III, 18) и которого христиане почитали как святого (см. «Сказание о святом и славном великомученике и чудотворце Артемии», русский перевод в издании «Сокращение церковной истории Филосторгия, сделанное патриархом Фотием», СПб., 1854). Память Артемия празднуется православной церковью 20 октября (см. Арх. Сергий, Полный месяцеслов Востока, т. 2, Владимир, 1901, стр. 432—433).

[5] Скорее всего, какое-то не дошедшее до нас письмо. Но, может быть, письмо 28.

[6] Юлий Юлиан, отец Базилины, матери Юлиана.

d и сейчас еще сохраняете в своей душе и в жизни замечательные и прекрасные черты, свидетельствующие об этом благородном происхождении.

Пусть это будет объявлено моим гражданам-александрийцам.

422 39. (ЭДИКТ, ЗАПРЕЩАЮЩИЙ ХРИСТИАНАМ ПРЕПОДАВАТЬ[1]) (61c)

Мы считаем, что истинное учение заключается не в прекрасном звучании речи, но в здравом суждении разумной души и истинных представлениях о хорошем и плохом, прекрасном и постыдном.
b И кто думает одно, а учит своих учеников другому, тот, очевидно, так же далек от преподавания, как и от того, чтобы быть честным человеком. И если у кого-нибудь в чем-либо, самом малом, есть расхождение между мыслью и словом, то все равно это — зло, хотя и терпимое; но если кто в величайших вещах думает одно, а учит другому, противоположному своим мыслям, то разве это не образ действий торгашей, причем не дельных торговцев, а самых негодных людей? Ведь они восхваляют больше всего то, что сами же считают наиболее
c дурным, привлекая и обманывая похвалами тех, кому, как я думаю, хотят всучить свои плохие товары[2].

Итак, всем, заявляющим о своем намерении что-либо преподавать, надлежит быть людьми нравственными, не таить в душе мыслей, враждебных тем, какие они излагают публично, а более всего таким надлежит быть тем, кто наставляет юношей в искусстве слова и
d толкует древние сочинения — риторам, грамматикам, а еще более — софистам. Ведь они хотят быть для других наставниками не только в искусстве речи, но и в нравах и говорят, что к ним же относится преподавание политической философии.

Правда это или нет — этого сейчас мы не затрагиваем. Я хвалю тех, кто стремится к столь прекрасной профессии, но я стал бы хвалить их еще больше, если бы они не лгали и не позорили сами себя, думая одно, а обучая своих учеников другому. В самом деле, ведь для
423 Гомера, и Гесиода, и Демосфена, и Геродота, и Фукидида, и Исократа, и Лисия боги были наставниками во всяком учении. Разве не считали себя одни из них — служителями Гермеса, другие — муз?

---

[1] Об эдикте, запрещающем христианам преподавать, произведшим очень большое впечатление, сообщают многие современники (Hieronym., Chronica, a. 363; Oros., VII, 30, 3; Amm. Marc., XXV, 4, 20; Rufin., Hist. eccl., X, 33; Augustin., Confess., VIII, 5; Philostorg., VII, 4).

В кодексе Феодосия (XIII, 3, 5) сохранился закон Юлиана следующего содержания: «Учителям и наставникам в образовании надлежит отличаться нравами, а уже затем — красноречием. Но так как я сам не могу присутствовать в каждом городе, то я приказываю, чтобы каждый, кто хочет преподавать, не захватывал неожиданно, никого не спросясь, эту должность, но после надлежащего испытания, по общему согласию всех лучших граждан, получал постановление сословия куриалов. Это постановление должно поступать на рассмотрение к нам, чтобы наше решение придавало еще большую честь делу преподавания в городах».

Очевидно, этот закон — сокращение написанного самим Юлианом греческого текста. Не удивительно, что в кодексе Феодосия ничего не говорится о запрещении преподавать христианам — в греческом тексте Юлиан дает мотивировку и аргументацию своего решения не допускать христиан к преподаванию, а в латинском тексте излагается та мера, при помощи которой это предполагалось достигнуть. Христианские писатели в своем стремлении усугубить «ужасы» правления Юлиана превратили этот указ в указ, запрещающий христианам учиться (Socrat., III, 12; Theodoret., III, 8; Zonaras, XIII, 12; Gregor. Nazianz., Or., IV, 5, 6, 101, 102, 105; V, 39). Такого указа Юлиана, несомненно, не было.

[2] У Биде: ...τὰ σφέτερα ἐθέλουσιν, οἶμαι, κακά. Ван Гронинген предлагает чтение: ...τὰ σφέτερα ἐθέλουσιν <ἃ γιγνώσκουσιν> εἶναι κακά—«то, что сами считают плохим».

Чудовищно, думаю я, толковать их творения и быть нечестивыми по отношению к богам, которых те почитали. Но, считая это чудовищным, я отнюдь не говорю, что они обязательно должны из-за учеников изменить свои убеждения, а предоставляю им свободу выбора: или не учить тому, что они не считают хорошим, или, если они хотят
b учить, то учить прежде всего делом и убеждать учеников, что ни Гомер, ни Гесиод, и никто из тех, кого они толкуют...... и чье невежество и заблуждение по отношению к богам они порицали, на самом деле не таковы. Ведь кто при этом кормится, зарабатывая деньги на их сочинениях, тем самым признаются, что они — корыстолюбивейшие люди, готовые на все ради нескольких драхм.

c До сего времени было много причин не посещать храмы, и нависающий со всех сторон страх мог служить извинением тем, кто скрывал истиннейшие представления о богах. Но теперь же, когда боги дали нам свободу, мне кажется чудовищным учить людей тому, что сам не считаешь хорошим. Но если они действительно считают муд-
d рыми тех, толкователями и комментаторами кого они восседают, пусть прежде всего подражают им в почитании богов. Если же они полагают, что те обманывались в том, кого наиболее чтили, то пусть идут в церкви галилеян и там толкуют Матвея и Луку...

Ваш закон повелевает вам воздерживаться от мяса жертвенных животных; я же хочу, чтобы и ваши уши и язык, как вы выражаетесь, «возродились»... [3] от того, в чем хорошо было бы всегда быть участником и мне и каждому, кто делает или думает так, как мне нравится.

Таков общий закон для всех учителей и наставников в образова-
424 нии. Но никому из юношей не запрещается посещать занятия. Ведь неразумно [4] закрывать лучший путь перед мальчиками, не знающими еще, к чему обратиться, и против воли, страхом влечь их к вере предков. И хотя было бы справедливо лечить их и против собственной воли, как лечат безумных, мы оказываем снисходительность всем,
b страдающим этой болезнью. Ибо, нужно, я думаю, учить, а не наказывать этих безумцев.

428 c

31. ФРАКИЙЦАМ [1] (73)

Императору, ищущему везде выгоду, ваша просьба показалась бы трудновыполнимой, и он никогда не допустил бы, чтобы ради частных лиц наносился ущерб общественному благосостоянию. Но так как нашей целью является не собрать с подданных как можно больше, но стать для них причиной как можно больших благ, то посему мы прощаем вам вашу задолжность. Прощаем же
d вам не все целиком, но пусть одна часть пойдет вам, а другая — в пользу воинов. Очевидно, из этой части немалая доля пойдет на вашу же пользу, ибо вам будут обеспечены мир и безопасность. И таким образом, мы оставляем вам все, сколько за вами осталось от минувшего времени, вплоть до третьего индиктиона. После же этого вы внесете все, что полагается. Ведь мы вам простили достаточно много, и нам не следует пренебрегать общественным бла-

[3] Ван Гронинген вставляет в этом месте: ⟨καὶ καθαρθῆναι⟩ «и очистились».

[4] У Биде: οὐδὲ γὰρ ⟨εἰκὸς⟩ οὐδὲ εὔλογον — «ведь неразумно и нецелесообразно». У Ван Гронингена: οὐδὲ γὰρ οὐδὲ εὔλογον — «ведь совсем неразумно».

[1] Биде датирует письмо началом 362 года. О прощении Юлианом задолжностей городов см. A m m. M a r c., XXV, 4, 18. Письмо представляет собой, очевидно, ответ на петицию фракийцев.

гом. Я писал префектам о том, чтобы объявленная вам милость бы-
429 ла осуществлена на деле. Да хранят вас боги в добром здравии во все времена!

32. [ЗАКОН ЮЛИАНА О ВРАЧАХ [1]] (75b) 398

b Очевидная польза врачебного искусства свидетельствует, что оно спасительно для людей. Поэтому справедливо возвещают дети философов [2], что и оно сошло с неба — ибо им излечиваются и природные наши недуги, и те, которые возникают от случившихся болезней. Посему в соответствии с разумом и справедливостью мы в согласии с постановлениями ранее бывших императоров и исходя из нашего человеколюбия повелеваем, чтобы в будущее время вы были свободны от куриальных повинностей.

375 33. АРИСТОКСЕНУ-ФИЛОСОФУ [1] (78)

Разве нужно ожидать приглашения? Приходить, когда угодно, не лучше ли, чем никогда [2]? Давай не будем вводить суровые правила и ожидать от друзей всего того, что обычно ожидают от
b случайных знакомых. Кое-кто удивился бы, услышав такие слова, как это мы, не зная друг друга в лицо, стали друзьями. А как быть тогда с теми, кто жил за тысячу лет до нас и даже, клянусь Зевсом, за две тысячи лет? А ведь мы любим их, ибо все они были прекрасные и благородные люди [3]. И мы сами хотим быть такими же, но все же, что касается меня, мы очень и очень далеки от них, хотя иногда наша любовь приближает нас к ним. Но что это я так
c разболтался? Если действительно следует, чтобы ты пришел без приглашения, ты, конечно, придешь и так, а если же ждешь приглашения — то вот — я умоляю тебя прийти. Ради Зевса, хранителя дружбы, встретимся в Тиане. Покажи нам здесь, в Каппадокии, чистого эллина! А то до сих пор, как я вижу, жертвы богам здесь приносить не желают, а те немногие, кто захочет, не знают, как это делать.

34. К НЕИЗВЕСТНОМУ [1] (79)

Мы никогда не стали бы необдуманно покровительствовать Пегасию, если бы не знали достоверно, что и раньше, когда он считался галилейским, он понимал, что нужно почитать и бояться богов. И я говорю это не понаслышке от тех, кто говорит обычно из-за

[1] В кодексе Феодосия (XIII, 3, 4) сохранился следующий закон Юлиана от 12 мая 362 г. «К главным врачам»: «Разум и справедливость требуют, чтобы мы постановили, что должны соблюдаться привилегии, пожалованные вам древними императорами. А посему, опираясь на твердое постановление нашей кротости, вы будете пребывать все будущее время свободными от всех тягот, связанных с общественными повинностями». Закон обращен к так называемым архииатрам — главным врачам и, очевидно, касался только их.

[2] φιλοσόφων παῖδες.

[1] Лицо неизвестное. Письмо написано после июня 362 г., когда Юлиан отправился из Константинополя через Малую Азию в Антиохию.

[2] Трудное для перевода место. В подлиннике стоит: καὶ τὸ «ἀεὶ» προτιμᾶν μηδαμοῦ; Ван Гронинген вместо ἀεὶ — «всегда», «когда угодно», читает, τὸ ἀκλητὶ —«незванно».

Употреблена формула καλοί τε κ'αγαθοί.

[1] Адресат неизвестен. Как видно из текста письма, это какой-то языческий деятель, упрекавший Юлиана за покровительство Пегасию. Письмо написано, по мнению Биде, во время путешествия Юлиана из Константинополя в Сирию через Малую Азию после июня 362 г.

вражды или по дружбе, хотя и до меня доходило о нем многое в этом роде, и, клянусь богами, я полагал, что его нужно ненавидеть больше, чем самых презренных. Но когда я был вызван блаженной памяти Констанцием в ставку, я поехал этим путем и, встав рано утром, уже к полудню доехал от Троады до Илиона [2]. Пегасий вышел мне навстречу и, так как я хотел осмотреть город (для меня это был предлог для посещения храмов), то он стал моим гидом и всюду меня водил. Послушай-ка, что он говорил и делал: из этого можно заключить, что он не был совсем безумен по отношению к богам.

Там есть героон Гектора, и в маленьком храме там стоит его бронзовая статуя. А напротив нее на открытом дворе установлена статуя великого Ахилла. Если ты видел это место, то, конечно, поймешь, о чем я говорю. А от проводников ты можешь узнать историю, из-за чего напротив статуи Гектора стоит великий Ахилл, который занимает весь открытый двор. Я же, обнаружив, что алтари еще горят, вернее, даже пылают, а изображение Гектора умащено и блестит, сказал, посмотрев на Пегасия: «Что это? Илионяне приносят жертвы?»,— я хотел незаметно выведать, какие у него мысли. Он же ответил: «А что плохого, если они почитают прекрасного мужа, их согражданина, как и мы — своих мучеников?». Сравнение, конечно,— неудачное, но при тогдашних обстоятельствах эта его логика была не такой уж плохой. Что же было дальше? «Пошли,— сказал я, — в святилище Афины Илионской». Он с большой охотой отвел меня туда, открыл храм и, как бы свидетельствуя, показал мне все статуи в полной сохранности. И он совсем не делал того, что обычно делают те нечестивцы,— чертят на своих нечестивых лбах знак нечестивца [3], и не свистел, подобно им. Ведь свистеть демонам и крестить лбы — это две вершины их теологии.

Вот эти два обстоятельства я обещал сообщить тебе: но мне на ум пришло и третье, и о нем, я думаю, не следует умалчивать. Этот же Пегасий сопровождал меня и в храм Ахилла и показал мне могилу в полной сохранности — хотя мне сообщали, что и она полностью им разрушена. И приблизился он к ней с большим почтением — я это видел собственными глазами. И я слышал от тех, кто сейчас его враги, что втайне он молится и поклоняется Гелиосу. Не примешь ли ты мое свидетельство, даже если я и выступаю как частное лицо? Но кто может быть более достоверными свидетелями отношения к богам любого человека, чем сами боги? И разве мы назначили бы Пегасия жрецом... [4], если бы имели хоть какое-нибудь свидетельство о его нечестивости к богам? В те времена или из-за властолюбия или, как он нам часто говорил, ради спасения святилищ богов, он одевался в эти тряпки и притворялся только по имени нечестивцем (ведь ясно, что он нигде не причинил никакого вреда храмам — кроме того разве, что выломал несколько камней из дома [5], чтобы спасти остальное), и если принять все это во внимание, не будет ли нам стыдно поступить с ним, как сделал

---

[2] В конце 354 г., после гибели цезаря Галла, Юлиан был вызван в Милан Констанцием.

[3] Знак нечестивца — крест.

[4] Ван Гронинген находит в этом месте большую лакуну, не отмеченную Биде.

[5] ἐκ καταλύματος. Биде полагает, что имеется в виду гостиница для паломников при храме.

Афобий [6], и причинить ему то, о чем все галилеяне молятся, мечтая увидеть его страдающим?

Если ты придаешь какое-нибудь значение моим желаниям, ты будешь почитать не только его, но и всех, кто обратился, чтобы они могли с большей охотой внимать нам, когда мы зовем их к добру, и чтобы наши враги имели меньше поводов радоваться. Но если мы будем изгонять тех, кто приходит к нам по доброй воле, никто не будет с охотой слушать наши увещания.

35. ЮЛИАНУ-ДЯДЕ [1] (80)

Если бы я почитал твои письма ничтожными, значит «разум мой, без сомнения, боги похитили сами» [2] — ибо какой из твоих добродетелей в них не заметно? — благожелательность, верность, искренность и сверх этого то, без чего все прочее ничто,— мудрость, которая проявляется во всем — и в остроумии, и в понимании, и в рассудительности. А что я не отвечаю тебе (и ты упрекаешь меня за это), то, клянусь богами, у меня не было времени, и не подумай, что все это — притворство или шутка. Боги красноречия мне свидетели, что, кроме Гомера и Платона, со мной нет ни одной книжки из тех, какие все читают,— ни по философии, ни по риторике, ни по грамматике, ни по истории. Да и то, что у меня есть, привязано ко мне, как своего рода талисманы или амулеты. Даже молюсь я мало, хотя по-настоящему мне следовало бы сейчас более, чем когда бы то ни было, молиться часто и долго. Но я задавлен окружающими меня со всех сторон делами; ты, наверное, и сам увидишь это, когда я приеду в Сирию.

А относительно того, что ты мне написал, я все одобряю и всем восхищаюсь; ничто из этого не должно быть отвергнуто. Знай, что с помощью богов я все выполню. И прежде всего — восстанови колонны в Дафне [3]. Забирай их из любых дворцов, где бы они ни были, и отсылай туда. Те, что взяты из конфискованных недавно зданий [4], — установи на прежних местах. Если же все равно их будет не хватать, давай пока используем более дешевые колонны из обожженного кирпича и извести, отделанные снаружи под мрамор. Ведь ты и сам прекрасно знаешь, что благочестие — выше роскоши и что оно доставляет здравомыслящему большие радости на протяжении всей жизни.

А относительно дел Лаврикия [5], я думаю, мне ничего писать не нужно, и я только советую тебе подавить в себе гнев, не при-

---

[6] Неясно, о ком и о чем идет речь.

[1] О Юлиане-дяде см. письмо 14. Настоящее письмо датируется, как и предыдущее, временем после июля 362 г.

[2] Iliad., VII, 360 (пер. Н. И. Гнедича).

[3] Храм Аполлона в Дафне, запущенный во время Константина и Констанция и восстановленный и украшенный Юлианом (Amm. Marc., XXII, 13, 2). Во время пребывания Юлиана в Антиохии он сгорел—см. Либаний, «Монодия на храм Аполлона в Дафне» (Or. 60).

Такие мероприятия входили в программу Юлиана. Зонара (XIII, 12) сообщает, что в Тарсе на пути в Персию Юлиан узнал, что христиане разграбили храм Асклепия в Эгах и колонны использовали для строительства церкви. Он приказал вернуть колонны храму.

[4] Возможно, имеются в виду здания, построенные из материалов, добытых при разрушении храмов и конфискованных Юлианом, как это полагает Биде.

[5] Может быть, Бассидий Лаврикий, комит и дукс Исаврии, корреспондент Либания — Amm. Marc., XIX, 13; Socrat., II, 39 (см. Seeck, ук. соч., стр. 194). Ссора Юлиана с Лаврикием из других источников нам неизвестна.

нимать во внимание ничего, кроме справедливости, и выслушать то, что он скажет, с полным доверием к его правоте. Я не отрицаю, что его письмо к тебе крайне неприятно и исполнено наглости и высокомерия, но это нужно стерпеть; ведь истинно прекрасному и великодушному человеку подобает «злое слышать, но не говорить». То, что брошено в прочные, правильно сложенные стены, не остается на них и не разбивает их, и не застревает в них, но с еще большей силой отбрасывается на того, кто бросил; подобно этому и всякая ругань, клевета и несправедливые оскорбления, которыми осыпают истинно прекрасного мужа, никак не затрагивают его, но обращаются на голову того, от кого они исходили. Вот, что я тебе советую. А что будет после — это дело суда. Что же касается моих писем, которые ты, по его словам, получил от меня и обнародовал, то мне кажется смешным делать это предметом судебного разбирательства. Ибо, клянусь богами, я ни тебе, ни кому-либо другому никогда не писал ничего такого, чего бы не хотел сделать общеизвестным. Разве когда-нибудь в моих письмах были грубость, или наглость, или оскорбления, или ругань? Наоборот, даже если я был сердит на кого-либо и у меня было основание говорить, как из повозки [6], вроде того как Архилох лживо говорил против Ликамба [7], я выражался более сдержанно и с большим достоинством, чем другой говорит о каком-либо священном предмете. И если в этих письмах отражаются наши дружеские чувства друг к другу, то неужели я хотел бы это скрыть или утаить? Для чего? Я призываю в свидетели всех богов и богинь, что я не печалился бы, даже если бы кто-нибудь опубликовал то, что я писал к своей жене [8],— такой сдержанностью отличаются эти письма. А если тот или другой прочтет, что я написал своему дяде, он будет порицать скорее того, кто со злобой высмеивает это, чем меня, кто написал это, или тебя, или кого-нибудь другого, кто читал. И все же уступи мне и не выходи из себя, и одно не упускай из внимания —если действительно Лаврикий негодяй,— избавься от него самым решительным образом, если же обыкновенный добропорядочный человек и только согрешил перед тобой — прости его. Ибо нам надлежит быть дружественным к тем, кто прекрасно поступает в общественной жизни, даже если они как частные лица ведут себя по отношению к нам неподобающе. Наоборот, тех, кто порочен в общественной жизни, даже если мы от них получили что-либо хорошее, мы должны держать в руках; я не говорю, что нужно ненавидеть или избегать их, но следует не спускать с них глаз, чтобы они не могли совершать дурные дела втайне; если же за ними уж очень трудно уследить, вообще не нужно их использовать.

Того, кто, как ты писал о нем, несмотря на всем известное дурное поведение, притворяется врачом, я позвал к себе, думая, что он — порядочный человек. Но еще прежде, чем он предстал пред моими глазами, я узнал, что он собой представляет, вернее его ра-

---

[6] Поговорка возникла из обычая, по которому на элевсинских процессиях женщины, едущие на повозках, бранили и высмеивали встречных (См. Aristoph., Plut., 1014).

[7] См. Horac., Epodi, 6, 13. В тексте стоит ἐπὶ τοῦ Λαυδακίου. Но это, очевидно, ошибка переписчика. Биде приводит «Против Ликамба», Ван Гронинген предлагает чтение: ἐπὶ τοῦ Λαυρακίδου.

[8] Женой Юлиана была сестра Констанция Елена. Констанций дал ее в жены Юлиану в 355 г., когда сделал его цезарем. Умерла она в 361 г., вскоре после переворота.

зоблачили (а кто — я сам расскажу тебе при встрече), и мы отнеслись к нему с презрением. За это я тебя тоже благодарю.

А вместо тех имений, которые ты просишь — боги семьи и дружбы свидетели, что я уже отдал их другому — я дам тебе значительно лучшие, как ты и сам это увидишь [9].

388c

36. ЮЛИАН КАЛЛИКСИНЕ, ЖРИЦЕ МАТЕРИ БОГОВ [1] (81)

«Одно лишь время — добрым оправданье» [2] — это мы узнали у древних. Я добавил бы — и благочестивым и богобоязненным. Но ты скажешь — и любовь Пенелопы к мужу засвидетельствовало время. Да кто же поставит в женщине любовь к богам на второе место после любви к мужу, и не покажется ли такой человек весьма упившимся мандрагорой? Если же принять во внимание об-
d стоятельства времени и то, что Пенелопа за свою любовь к мужу восхваляется почти всеми, и то, что благочестивые женщины в недалеком прошлом подвергались опасности и, в довершение всех зол, вдвое дольше, то справедливо ли будет сравнивать Пенелопу с тобой? Но не считай эти похвалы ничтожными — за это и все
389 боги тебе воздадут, и я, со своей стороны, почту тебя двойным жречеством. Кроме того, что ты имела раньше,— служение святейшей богине Деметре, мы поручаем тебе и должность жрицы великой Матери, фригийской богини, в любимом богами Пессинунте.

443

37. ЮЛИАН ПРОТИВ НИЛА [1] (82)

Ты правильнее поступал раньше, когда молчал, чем теперь, когда оправдываешься. Почему? Да ведь тогда ты, по крайней мере, не оскорблял меня, хотя, может быть, в мыслях у тебя это и было, а теперь ты, как бы собравшись с силами, излил на нас всю ругань сразу. В самом деле, разве я не должен считать оскор-
d бительной руганью то, что ты приравниваешь меня к твоим «друзьям», каждому из которых ты отдавал себя в распоряжение, хотя тебя об этом и не просили, вернее — первому — безо всякой его просьбы, а второму — едва он только дал понять, что хочет сделать тебя своим помощником? Впрочем так ли уж я похож на Константа и Магненция, покажет, как говорят, само дело, а то, что к тебе
444 можно отнести слова комического поэта: «Как Астидам сама себя ты хвалишь, женщина» [2],— прекрасно видно из того, что ты на-

[9] Райт видит здесь те же имения, что упоминаются в письме к Евагрию, и на основании этого упоминания датирует первое письмо. Однако никаких аргументов он не приводит.

[1] Из других источников неизвестна. Пессинунт Юлиан посетил во время путешествия в Антиохию в июле 362 г. (A m m. M a r c., XXII, 9, 5). Очевидно, в это время и написано письмо.

[2] S o p h o c l., Oedip. Rex, 614 (пер. Ф. Зелинского: Софокл, Драмы, т. II, М., 1915, стр. 101).

[1] Лицо, неизвестное из других источников. Даже неясно, как звали адресата. В заглавии говорится: «Юлиан против Нила», а в тексте адресат называется Дионисием. Из текста ясно, что он был римлянин, скорее всего, сенатор. У Либания в двух местах есть намеки на это письмо. В речи XVIII (198) он говорит о каком-то римлянине, у которого Юлиан по справедливости мог конфисковать имущество, но ограничился тем, что написал ему письмо. В письме 870 к Юлиану (см. письмо 48) говорится о «зле, которое потерпел Нил»,— очевидно, подразумевается это письмо. Так как 870 письмо Либания датируется концом 362 г., то и письмо к Нилу должно быть написано до этого времени.

[2] См. письмо 18, прим. 3.

писал. Ведь «бесстрашие» и «великая смелость», и «если бы ты знал, что я за человек и чего я стою», и вообще все в этом роде—ну что это за трескучая словесная похвальба! Но ради Афродиты и Харит, если ты в самом деле такой отважный и благородный, то что же ты «стремишься избегать столкновения в третий раз»? Ведь те, кто ненавистен стоящим у власти, быстро отходят от всяких дел — самое легкое, а для умного человека, можно сказать,— и самое приятное; если же они вынуждены сверх этого потерпеть еще небольшое наказание, они терпят потерю имущества, а вершиной гнева и, как говорят, «неизлечимым страданием» является потеря жизни. Ты пренебрег всем этим, ты, кто так хорошо..... познал, что такое человек и вообще и в частности, тогда как мы уже упустили время, когда можно было понять это [3], почему же, о боги, ты говоришь, что боишься, как бы не вызвать неудовольствия в третий раз? Ведь рассердившись на тебя, я не сделаю тебя из хорошего дурным? По справедливости можно было бы позавидовать тому, кто способен сделать это. Ведь, как говорит Платон [4], тогда тот же самый человек мог бы сделать и противоположное. Но так как доблесть свободна, тебе нужно было ничего в этом роде в расчет не принимать.

Но ты думаешь, что надругаться надо всеми сразу, всех осыпать бранью и делать из священного места мира мастерскую войны —
b нечто великое [5]. Или ты считаешь, что это извиняет тебя перед всеми за твои старые грехи и что твоя теперешняя храбрость прикрывает твою прежнюю трусость? Ты слышал басню Бабрия [6]: «Влюбилась в человека одного Ласка...»? — все остальное узнай из книжки. Хоть ты и много говоришь, но никого из людей не убедишь, что ты не такой, какой ты есть и каким многие давно и отлично тебя знают. Не философия, клянусь богами, внушила тебе
c твою теперешнюю глупость и наглость, а, наоборот, как говорил Платон, «двойное невежество» [7]. Ничего по-настоящему не зная (как, впрочем, и мы), ты мнишь себя умнее всех, и не только ныне живущих, но и бывших ранее и, наверное, тех, кто будет впоследствии. До такой невероятной степени глупости дошло твое самомнение.

Однако о тебе уже сказано более, чем достаточно. Наверное, мне нужно оправдаться за тебя и перед другими в том, что я так
d необдуманно призвал тебя к общественным делам. Не первый и не один только я испытал такое, о Дионисий,— и великого Платона обманул твой тезка [8], и Диона [9] — афинянин Каллипп. Как сказал Платон [10], Дион видел, что тот дурной человек, но никогда не подозревал, что в нем может быть столь великое зло. Но к чему мне говорить об этих, когда и величайший из сыновей Асклепия

---

[3] Перевод приблизительный, так как место очень трудное и в тексте лакуна: Τούτων δὴ πάντων ὑπερορῶν, ὅτι καὶ τὸν ἰδίως ... ἐπέγνωκας καὶ τὸν κοινῶς καὶ γενικῶς ἄνθρωπον ὑφ' ἡμῶν τῶν ὀψιμαθῶν ἀγνοούμενον, ἀνθ' ὅτου, πρὸς τῶν θεῶν, εὐλαβεῖσθαι ἔφης «μη τρίτον προσκρούσῃς».

[4] Plato, Crito, 44 D.

[5] Очевидно, римский сенат.

[6] Babrius, Fab. 32. Перевод М. А. Гаспарова: Федр, Бабрий, Басни, М., 1967, стр. 103.

[7] Plato, Apolog. Socr., 21D; Leg., 863C; Sophis., 229B.

[8] Дионисий Сиракузский.

[9] «Диона» вставлено издателем. В тексте в этом месте и в следующем предложении, очевидно, пропуск, ибо речь должна быть о Дионе.

[10] Plato, Ep. 7.

Гиппократ сказал: «Обманули меня черепные швы!» [11]. Кроме того, если они обманулись в тех, кого хорошо знали, а от врача сокрылось правило его собственного искусства, то что же удивительного, если и Юлиан, услышав неожиданно, что Нил внезапно стал вести себя как мужчина, был введен в заблуждение?

445 Ты слышал о том элейце, Федоне [12], и знаешь его историю, а если не знаешь, то изучи со всем тщанием — об этом говорить не буду. Он считал, что нет никого, кого бы не могла исправить философия, что образ жизни, привычки, страсти любого человека и вообще все подобное может быть ею очищено. В самом деле, если она помогает только тем, кто и по природе хорош и воспитан хорошо, то ничего особенно удивительного в ней нет. Если же она в силах привести к свету людей, до этого времени склонных ко злу, вот тогда она, по-моему, заслуживает особого восхищения. Поэтому мое мнение о тебе, как знают все боги, понемногу стало склоняться к лучшему. Конечно, и тогда я не считал тебя в числе лучших мужей — ни в числе самых лучших, ни в числе вторых после них. Ты, наверное, и сам это знаешь, а если не знаешь, спро-
b си у прекрасного Симмаха [13]. Я твердо знаю, что это такой человек, который никогда по своей воле не скажет неправды, человек, по природе всегда говорящий истину.

Если же ты негодуешь, что я не предпочел тебя всем, то ведь я ругаю себя и за то, что поместил тебя в числе последних. И я испытываю благодарность ко всем богам и богиням, которые не дали нам стать товарищами по работе и заниматься одним делом. И хотя поэты часто говорят, что молва — богиня [14] (а если угодно, пусть она будет лишь демоном), но молве не во всем можно верить, возможно, потому что род демонов не полностью чист и совершенен, как род богов, но некоторым образом причастен и к противоположной природе. Если же и не годится так говорить о прочих демонах, то о молве я твердо знаю, что говорю, а именно, что она возвещает и много лжи и много правды, а сам я еще никогда не был уличен в лжесвидетельстве.

Что же касается твоей «свободной речи», то не думаешь ли ты, что ей, как говорят, цена четыре обола. Разве ты не знаешь, что Терсит щеголял среди эллинов несдержанной речью и мудрейший Одиссей побил его скипетром [15]? Агамемнона же болтливость Терсита волновала, по пословице, «меньше, чем черепаху мухи». Ведь не большой подвиг — упрекать других, а большое дело — сделать самого себя безупречным. Но если ты действительно принадлежишь к этой категории, докажи это нам. Еще когда ты был юношей, ты давал старшим прекрасные темы для разговоров о тебе. Но я, как Электра у Еврипида, эти обстоятельства «обхожу молчанием» [16]. А став уже мужем и появившись в ставке, ты повел себя так, что был изгнан, так как, по твоим словам, ты боролся (о Зевс!) за истину! Но чем ты можешь доказать это, как будто многие и самого плохого сорта люди не изгонялись теми же,

[11] Hippocrat., Epid., V. Фраза эта часто цитировалась. См. Plut., De profecto in virtute, 82D.

[12] Об исправлении Федона, бывшего рабом в публичном доме, философией. См. Aul. Gell., II, 18; Diogen Laert., II, 105.

[13] Речь идет о Луции Авиане Симмахе, которого восхвалял Аммиан и с которым Юлиан встретился в Нисе (Amm. Marc., XXI, 12, 24 и XXVII, 3,3).

[14] Hesiod., Opera et Dies, 764.

[15] Homer., Iliad., II, 265.

[16] Euripid., Orest., V, 16.

кто изгнал тебя? О мудрейший Дионисий, уйти прочь при враж-
дебном отношении тех, кто стоит у власти,— не обязательно
c признак добродетельного и благоразумного человека. Ты проявил
бы себя с лучшей стороны, если бы показал нам, что люди от
общения с тобой становились благоразумнее и умереннее. Но это
не в твоей власти, клянусь богами, и не во власти десятков тысяч
тех, кто ревностно следует твоим путем. Ибо когда скалы сталки-
ваются со скалами, а камни с камнями, то они не приносят этим
друг другу пользы, но более сильный легко стирает более слабого.
d Я говорю не лаконично и не сжато? Да, я думаю, что я более
многословен на твой счет, чем аттические кузнечики! Но в ответ
на твои пьяные оскорбления по моему адресу я накажу тебя над-
лежащим образом, если только будет на то воля богов и владычицы
нашей Адрастеи. Но что же это за наказание и что более всего
способно поразить твой язык и твой ум? Я постараюсь возможно
меньше ошибаться словом и делом и не давать твоему злоречивому
языку пищи для столь дурацких разговоров. Однако я прекрасно
446 знаю, что, как говорят, даже сандалия самой Афродиты была вы-
смеяна Момом [17]. Но заметь, что хотя Мом лопнул с досады, все
же он и в сандалии ее едва смог найти то, что можно было бы опоро-
чить. Но старей себе, расстрачиваясь на такого рода дела, будучи
более дряхлым, чем Тифон [18], более богатым, чем Кинир [19], более
изнеженным, чем Сарданапал, так чтобы на тебе оправдывалась
пословица: «Старики — дважды дети».

Но почему божественный Александр кажется тебе столь великим? Не потому ли, что ты подражаешь ему и соревнуешься с ним в том, за что его упрекал молодой Ермолай [20]? Но нет никого столь глупого, чтобы подозревать тебя в этом. Напротив, есть ли кто-либо, кто сомневается, что к тебе имеет прямое отношение то, что пришлось перенести Ермолаю и из-за чего и замыслил, как говорят, убить Александра? Боги мне свидетели, что я слышал очень многих, кто говорил, что любит тебя, и кто представлял много извинений твоему оскорбительному поступку, но нашел только одного, кто не верит в это. Но он — та самая одна ласточка, которая не делает весны. Или, возможно, Александр представляется тебе великим за то, что он жестоко убил Каллисфена, что Клит пал жертвой его пьяной ярости, а также Филота и Парменион [и сын Пармениона [21]]? Но об этом деле Гектора [22], который был утоплен в водоворотах египетского Нила или Евфрата — говорят об обеих реках,— или о других его глупостях я не скажу ничего, чтобы не показалось, что я злословлю человека, который ни в коей мере не обладал идеальными нравами, но был превосходным стратегом. Ты же одарен двумя этими добрыми качествами, добродетелью и храбростью, меньше, чем рыба волосами. Выслушай теперь мой совет и не гневайся слишком: «Милая дочь! не тебе заповеданы шумные брани!» [23] Следующий стих я не стану писать для тебя (ибо, клянусь богами, мне стыдно), но советую тебе за-

---

[17] Philostrat., Ep. 37.
[18] Тифон, возлюбленный Эос, попросивший и получивший от богов бессмертие, но забывший попросить вечную юность. См. Horac., Carm. II, 16, 30.
[19] Мифический царь Кипра.
[20] См. Curt., 8, 6; Arrian., IV, 14.
[21] Arrian., III, 26.
[22] Curt., 8. Но, по Курцию, Гектор утонул случайно.
[23] Homer., Iliad., V, 428. Следующий за этим стих: «Ты, занимайся делами приятными сладостных браков». Перевод Н. И. Гнедича.

думаться над ним. Ибо здравый смысл требует, чтобы слова соответствовали делам и чтобы тот, кто никогда не избегал дел, не избегал бы и слов, которые их описывают.

Но чего же ради ты, почитая священную память Магненция и Константа, борешься с живыми и хулишь всех, кто в каком-либо отношении лучше других? Потому ли, что мертвые скорее, чем живые, могут отплатить тем, кто их беспокоит? Но так говорить тебе не пристало, если только ты действительно, как пишешь, отважнейший. Но если не это — причина, то, может быть, другое: ты не хочешь смеяться над ними, потому что они уже ничего не чувствуют? Но кто же из живущих так простоват или малодушен, что будет сколько-нибудь ценить твое мнение о нем, а не предпочтет вообще быть тебе незнакомым, а если уж это невозможно, то скорее, чтобы ты его бранил, как теперь меня, чем почитал? О, если бы мне никогда не дойти до такого неразумия, чтобы я твои похвалы предпочитал твоей ругани!

Но, может быть, сам факт, что я пишу тебе, показывает, что я раздражен? — Нет! — клянусь богами-спасителями, я не раздражен, но я браню тебя за излишнюю самоуверенность, крайнюю дерзость, несдержанный язык, грубую душу и злобный и во всем необузданный ум. Конечно, нужно было бы, раз я чувствую себя уязвленным, покарать тебя не словами, а делами, и это было бы совершенно законно: ведь ты, гражданин и член сената, не подчинился приказаниям императора. И, конечно, это не дозволено никому, если только он не принуждается самой суровой необходимостью. И у меня нет недостатка в средствах, которыми я могу покарать тебя. Но я решил сначала написать тебе в надежде, что ты сможешь исправиться под влиянием краткого послания. Но так как я обнаружил, что ты упорствуешь в своих пороках, или, вернее, раскрыл твое доселе сокрытое безумие... [24], чтобы ты не считался мужчиной, ибо ты не мужчина, не считался свободным в речи, ибо ты полон глупости, не считался причастным к образованию, ибо ты ни на иоту не имеешь отношения к искусству слова, что можно заключить по твоим письмам. Ведь, например, «φροῦδον» никто из древних не употребил бы, как ты, вместо «προφανές» [25].
b И это — лишь одна из многих ошибок твоего письма, а чтобы описать все их, не хватит даже и очень большого сочинения, как не хватит его и для того, чтобы описать твой гнусный и поганый характер, который толкает тебя продаваться. Ты говоришь мне, что мы должны выбирать не тех, кто приходит по первому зову или кто охотится за должностями, но тех, кто обладает здравым суждением и, руководствуясь им, избирает должное, скорее, чем тех, кто готов тут же повиноваться. Ты подаешь нам прекрасные надежды, в которых мы, впрочем, совершенно не нуждаемся, что, если я снова позову тебя принять участие в государственных делах, ты уступишь. Я же так далек от этого, что хотя другие и принимаются за общее дело, к тебе никогда не обращался; хотя я и обращался ко многим и известным и не известным мне людям, пребывающим в любимом богами Риме. Так я ценил твою дружбу. Так я считал тебя достойным моей благосклонности. Вероятно, и в будущем у меня будет к тебе такое же отношение. Ведь и сейчас

---

[24] В тексте лакуна, Биде вставляет: «Je me suis décide à te démasquer en public»— «то я решил разоблачить тебя публично».

[25] φροῦδον значит «исчезнувшее», προφανές — «очевидное».

я написал это письмо не для того, чтобы ты один прочел его; я считаю, что оно должно стать известным многим. И я дам его всем, и все, как я думаю, с охотой возьмут его. А когда они увидят, что ты надменнее и кичливее, чем кто-либо из живших до тебя, то будут негодовать. Вот тебе наш окончательный ответ, так что у тебя не должно быть никаких претензий. Да и мы больше ничего от тебя не просим. Но когда прочтешь, делай с моим письмом, что хочешь, ибо дружба наша с тобой уже невозможна [26]. Будь здоров, живи в роскоши и продолжай ругаться по моему адресу.

376c

38. ЮЛИАН АТАРБИЮ, СОБСТВЕННОРУЧНО [1] (83)

Клянусь богами, я не хочу, ни чтобы галилеян убивали, ни чтобы их избивали вопреки справедливости, ни чтобы они терпели какое-нибудь другое зло. Однако, я заявляю, что нужно, очень
d нужно, предпочитать людей богобоязненных. Ведь из-за безумия галилеян едва все не было ниспровергнуто, а из-за милости богов мы все спасаемся. Посему надлежит почитать богов, и людей, и города, которые их чтят.

429c

39. ПИСЬМО ЦАРЯ ЮЛИАНА АРСАКИЮ, ГЛАВНОМУ ЖРЕЦУ ГАЛАТИИ [1] (84)

Причина того, что эллинская вера не имеет такого успеха, как этого хочется,— в нас, ее приверженцах: ибо боги посылают блестящие, великие дары, превышающие любую нашу мольбу и любую
d надежду (да будет милостива к моим словам Адрастея). Ведь еще недавно никто не дерзал и молить о столь великой и всеобъемлющей перемене за столь короткий срок. И что же? Мы считаем, что этого достаточно, и не обращаем внимания на то, что безбожие возросло прежде всего из-за гуманности к странникам, заботы о
430 погребении мертвых и показной святости жизни?! Я думаю, что и нам нужно заботиться обо всем этом. И не достаточно, чтобы ты один был таким, но такими должны быть вообще все галатийские жрецы; и ты стыди их и убеждай быть добросовестными или, если они не приходят к богам вместе с женами и детьми, и слугами, но допускают, чтобы их домашние или сыновья, или их галилейские
b жены были нечестивы и предпочитали безбожие богобоязненности— отстраняй их от исполнения жреческих обязанностей. Кроме того, убеждай жрецов не посещать театра и не пить в харчевнях, и не заниматься каким-либо ремеслом или искусством позорным и постыдным; тех, кто следует твоим наставлениям,— почитай, а тех, кто противиться,— изгоняй.

---

[26] Трудное для перевода место — τὰ γὰρ τῆς ἡμετέρας φιλίας ἀπείρηταί σοι. Биде переводит: «car elle (письмо.— *Д. Ф.*) t'interdit de parler encore de notre amitié».

[1] Язычник, уроженец Анкиры, в 362 г.—praeses euphratensis, корреспондент Либания, после смерти Юлиана был консуляром Македонии (см. Seeck, ук. соч., стр. 91). По мнению Биде, письмо написано из Антиохии.

[1] Из других источников Арсакий неизвестен. Какой-то галатиец Арсакий упоминается в 386-м письме Либания. Письмо это крайне важно для понимания политики Юлиана, оно перекликается с письмами Феодоре (40), Феодору (44) и неизвестному жрецу (45). Мысли, высказанные в этом письме, приобретают затем большую отчетливость и выливаются в целую программу 45-го письма. Биде, связывая это письмо с поездкой Юлиана по Малой Азии, относит его к началу июля 362 г. Письмо дошло до нас в «Церковной истории» Созомена (V, 16).

По всем городам устрой побольше странноприимных домов,
c чтобы странники пользовались нашей благотворительностью, и не
только приверженцы нашей веры, но и каждый, кто будет испытывать нужду. Между тем я продумал и то, откуда ты получишь в
изобилии средства для этого. Я приказал, чтобы по всей Галатии каждый год выдавалось 30 тыс. модиев хлеба и 60 тыс. ксистов вина, причем из этого количества пятая часть будет расходоваться на бедняков, прислуживающих жрецам, а остальное долж-
d но раздаваться странникам и нищим. Ведь это позор, если никто из иудеев не просит милостыни, если нечестивые галилеяне кормят не только своих, но и наших, а наши лишены нашей же помощи. Поучай людей эллинской веры, чтобы они вносили свой вклад в это дело, чтобы эллинские села уделяли богам часть доходов, приучай эллинов к подобной благотворительности, объясняя им, что она издревле была у нас. Ведь Гомер вывел Эвмея так говорящим:

«Если бы, друг, кто и хуже тебя посетил нас, мы долг свой
Гостя почтить, сохранили бы свято — Зевес к нам приводит
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден» [2].

И нехорошо нам, показывая образец другим, уступать им дорогу, а самим позориться от своей беспечности и, более того, лишать этим богов должного почтения. Если я узнаю, что ты проявляешь
c об этом заботу, я буду преисполнен радости.

Президов навещай в их домах редко, но пиши к ним почаще. Когда они вступают в город, пусть никто из жрецов не выходит к ним навстречу, но приветствуют их только тогда, когда они посещают храмы богов, да и то лишь в преддверии. И пусть ни один воин не входит впереди них в пределы храма, а кто хочет, пусть следует за ними. Ибо как только (презид) переступил порог храма, он становится частным лицом; ты и сам знаешь, что всем,
d что внутри храма, правишь ты — так требует божественный закон. И те, кто тебе повинуются — поистине богобоязненны, а те, кто упорствуют — честолюбцы и преисполнены пустого тщеславия.

Пессинунту [3] я готов помочь, если только его жители вернут себе милость Матери богов. Если же они будут пренебрегать ею, то не только не будут пред нами безупречны, но, как ни горько это говорить, пожалуй, изведают нашу ненависть:

432 «... Неприлично
Нам под защиту свою принимать человека, который
Так очевидно бессмертным, блаженным богам ненавистен». [4]

Итак, убеди их, что если они желают добиться моего попечения, они должны всем народом умолять Мать богов.

---

[2] Homer., Odys., XIV, 56—58. Перевод В. А. Жуковского

[3] Григорий Назианзин (Or. V, 40) говорит о выходке христиан против Матери богов в Пессинунте.

[4] Homer., Odys., X, 72—73. Перевод В. А. Жуковского.

40. ЮЛИАН ПОЧТЕННЕЙШЕЙ ФЕОДОРЕ [1] (85)

375 a С радостью я получил от благородного Мигдония [2] все посланные тобой книги и письма. С трудом улучив свободное время — боги знают, говорю без притворства,— я отписал тебе это. Тебе же желаю преуспевать и всегда посылать к нам такого рода письма.

41. ФЕОДОРЕ (86)

Я получил книгу, которую ты передала через Мигдония, а также все подарки, которые ты прислала мне к празднику. Все это для меня очень приятно, но всего приятнее для меня было, как ты и сама прекрасно знаешь, — узнать о том, что милостью богов тело твое, благороднейшая, в добром здоровье и что ты усердно и энергично заботишься об отправлении культа богам.

А что касается написанного тобою к философу Максиму, что якобы мой друг Селевк [1] враждебно относится к тебе, то поверь, что при мне он никогда не говорил и не делал ничего направленного против тебя. Напротив, все, что он о тебе говорил, было в самом благожелательном тоне, и хотя, конечно, я не могу сказать, что он и расположен к тебе прекрасно (об этом знают лишь он сам и всевидящие боги), но я совершенно искренне заявляю, что при мне он воздерживался от чего бы то ни было в этом роде. Поэтому мне кажется смешным не обращать внимания на то, что он делает, а выискивать то, что он скрывает в душе и чему у меня нет ясного свидетельства [2].

Но так как ты столь сильно на него нападаешь и, открывая коечто касающееся тебя самой, делаешь ясной для меня причину своей вражды к нему, то я без обиняков скажу тебе вот что: если ты благоволишь к кому-либо из мужчин или женщин, свободных или рабов, кто и сейчас не почитает богов и не внушает надежду, что со временем можно убедить его, ты поступаешь плохо. Представь себе сначала, что речь идет о тебе самой. Если кто-либо из твоих любимых слуг помогает и верно служит тем, кто клевещет и порочит тебя, а к нам, твоим друзьям, относится с отвращением и ненавистью, разве

---

[1] Феодора известна из переписки Либания. Она— жена бывшего префекта претория Востока Талассия и мать нотария Бассиана и младшего Талассия (см. O. Seeck, Die Briefe des Libanius zeitlich geordnet, Lpz, 1906, стр. 289 и 307). Письмо написано, очевидно, вскоре после приезда в Антиохию в июле 362 г.

[2] Некий Мигдоний также известен из переписки Либания (см. Seeck, ук. соч., стр. 219).

[1] Селевк — друг Юлиана, сопровождавший его в персидском походе. Из писем Либания видно, что в 362 г. Юлиан назначил Селевка жрецом (Seeck, ук. соч., стр. 272).

[2] См. письмо 39. Возможно, опасения Феодоры вызваны тем, что ее сын и муж были врагами цезаря Галла (Amm. Marc., XXII, 9, 16; см. Seeck, ук. соч., стр. 290).

ты тогда не пожелаешь его скорейшей гибели, а вернее, не покараешь ли его сама? Так что же? Разве боги должны почитаться меньше друзей? Нет, и по отношению к ним ты должна думать так же, считать, что они — наши господа, а мы — их рабы. И если кто-либо из нас, называющих себя слугами богов, любит слугу, ненавидящего богов и отвращающегося от их почитания, то разве не следует или переубедить этого слугу и этим спасти его, или отослать из дома и продать его, если уж так трудно отказаться от обладания слугой [3]? Что касается меня, то я не хотел бы, чтобы ко мне благоволили те, кто не любит богов. И я заявляю, что и ты, и все те, кто стремится занять жреческие должности, должны на будущее иметь это в виду и со всей энергией браться за служение богам. И было бы разумно, чтобы жрец начинал со своего собственного дома и прежде всего его полностью очистил от столь страшной заразы.

42. НЕИЗВЕСТНОЙ [1] (87)

Я получил от твоей мудрости письма, возвещающие о том чудесном и прекрасном, что посылается и даруется нам богами. И прежде всего я выражаю великую благодарность небесным богам, а во-вторых, благодарю твое великодушие, что ты больше других стремишься неустанно молить за нас богов и стараешься безотлагательно извещать нас о явленных тебе знаках их милости.

43. К НЕИЗВЕСТНОМУ [1] (88)

450b ... разве не справедливо уделять людям то уважение, которое мы оказываем предметам из дерева [2]? Предположим, что человек, обладающий жречеством, возможно, и недостоин этого. Не следует ли щадить его до тех пор, пока не станет совершенно ясно, что он виновен, и тогда уже, отрешив его от этой должности и отняв звание жреца, дарованное ему, по-видимому, опрометчиво, сделать его доступным посрамлению, наказанию и заслуженной каре? И если ты этого не понимаешь, то, как видно, ты не разбираешься должным образом и в
c остальном. Какое же вообще у тебя может быть представление о справедливости, если ты не знаешь, что такое жрец и что такое частный человек? Какое же может быть у тебя благоразумие, если ты дурно обращаешься с тем, при появлении кого ты должен вставать? Но вот что постыднее всего и что совсем не украшает тебя ни перед богами, ни перед людьми: епископы и пресвитеры галилеян, наверное, вос-
d седают рядом с тобой — и если из-за меня не открыто, то тайно в твоем доме; и из-за тебя же избит жрец. Иначе, клянусь Зевсом, не пришел бы ко мне с ходатайством ваш главный жрец. И если уж тебе слова Гомера кажутся баснями [3], послушай оракул дидимейского

---

[3] Биде так объясняет эту фразу: так как такой раб внесет заразу и в дом нового господина, то лучше не стараться продать его.

[1] Так как письмо к женщине и жрице, то возможно, что оно также написано к Феодоре.

[1] Начало утеряно, и имя адресата неизвестно. Исходя из того, что Юлиан дважды упоминает дидимейский оракул, скорее всего, адресатом был презид провинции Карии, избивший какого-то жреца, на что пожаловался Юлиану главный жрец провинции.

[2] Имеются в виду статуи богов.

[3] Очевидно, Юлиан имеет в виду месть Аполлона за Хриза (Iliad. I, 23).

владыки и посмотри, как он еще в древности, наставив эллинов делами, затем поучал здравомыслящих людей уже словами:

451 Тем, кто в своем нечестивом и жалком умишке
Вред причинять жрецам бессмертных богов замышляет
И в своих мыслях безбожных им оскорбленья наносит,—
Жизненный путь пройти до конца не удастся.
b Так же и тем, кто богов дерзает бесчестить блаженных,
Честь служенья кому они получили от предков [4].

Ведь бог называет враждебными богам не тех, кто бьет или оскорбляет жрецов, а только тех, кто не оказывает им полагающихся почестей,— а тот, кто побил, является святотатцем. И поскольку по отеческим законам я — верховный жрец и недавно получил дар про-
c рочества от дидимейского бога, я запрещаю тебе в течение трех лунных месяцев своим присутствием мешать исполнению жреческих обязанностей. Если в течение этого времени ты окажешься достойным и главный жрец города напишет мне об этом, то я тогда посоветуюсь с богами, можно ли снова принять тебя к нам. Вот какое наказание
d я накладываю на тебя за твое безрассудство. Древние имели обыкновение письменно и устно заклинать богов покарать преступника — но, думаю, не стоит подражать им, да и боги, кажется, сами никогда не выполняли этих заклятий. Но вообще нам, служителям божества, подобает молиться. И вот я буду молиться вместе с тобой, чтобы по твоим усердным мольбам боги даровали прощение за то, что ты совершил.

44. ЮЛИАН (ЦЕЗАРЬ) ФЕОДОРУ, ГЛАВНОМУ ЖРЕЦУ [1] (89 а)

452 Я написал тебе письмо менее официальное, чем другим, ибо я думаю, что и у тебя ко мне дружеских чувств больше, чем у других. Ведь немаловажно то, что нас с тобой посвятил один и тот же человек [2], и ты, конечно, помнишь, что когда я еще жил на Западе [3] (немало вре-
b мени тому назад), я узнал, что он высоко ценит тебя, и стал считать тебя другом. И, однако, из большой осторожности я обычно повторял про себя прекрасные слова: «Я никогда не встречал и не видел...» [4] и еще что дружбе должно предшествовать знание, а знанию — опыт. Но немало значили для меня и эти слова: «Сам сказал» [5]. Поэтому и тогда я думал, что должен считать тебя среди своих близ-
c ких, и теперь я доверяю тебе дело, очень дорогое для меня, а для всех людей — в высшей степени полезное. Ты, как нужно надеяться, хорошо выполнишь его, а это и здесь порадует меня и даст добрую надежду на будущую жизнь. Ибо мы отнюдь не принадлежали к тем,
d кто верит, что душа гибнет раньше тела или вместе с телом, и не верим никому из людей, но лишь богам, которые одни только, вероятно, имеют совершенное знание этого, если только можно про необходимое говорить «вероятно». Ведь людям надлежит предполагать о таких вещах, а боги должны иметь истинное знание.

---

[4] Этот же оракул приводится им еще раз в 45 письме (297, с — d). В других источниках он не встречается.

[1] О Феодоре см. письмо 16. Неясно взаимоотношение этого и следующего писем. Биде полагает, что это — два фрагмента одного письма. Райт видит в следующем письме ту подробную инструкцию, о которой говорится в настоящем письме.

[2] Очевидно, Максим Эфесский.

[3] В Галлии.

[4] Iliad. IV, 374; Odys. IV, 200.

[5] Αὐτὸς ἔφα — пифагорейское выражение.

Но что же я имею в виду, когда говорю, что даю тебе поручение?
Чтобы ты управлял всеми храмами в Азии, надзирая за жрецами всех
453 городов и назначая каждому, что ему полагается. Обладающему та-
кой властью надлежит иметь, прежде всего, снисходительность, а
также доброту и благожелательность к тем, кто этого достоин; но
каждого несправедливого к людям, нечестивого по отношению к
богам и со всеми высокомерного жреца надлежит или поучать со всей
прямотой, или карать со всей суровостью.

Более полные предписания, которыми вообще нужно руководст-
воваться в управлении всеми жрецами, а также все прочее ты очень
b скоро узнаешь; пока же я только хочу сделать тебе несколько заме-
чаний, и ты поступишь правильно, если послушаешься меня. Ведь
я никогда не поступаю необдуманно в таких вопросах, как знают
все боги, но осторожен, как никто другой, одним словом,— избегаю
нововведений во всем, а особенно — в том, что касается богов, ибо
знаю, что мы должны соблюдать издревле переданные нам отцовские
обычаи, которые, как это ясно, дали боги. Ибо если бы эти законы
c исходили просто от людей, они не были бы так прекрасны. А так
как получилось, что они были в пренебрежении и подверглись порче,
а богатство и роскошь взяли верх, то, по моему мнению, надлежит
заботиться о том, чтобы они пребывали в их первозданной чистоте [6].

Видя, что среди нас царит полное пренебрежение к богам и что
всякое уважение к высшим силам изгнано грязной и вульгарной
роскошью, я всегда наедине с собой оплакивал это. Ибо я видел, что
d те, кто предан учению ... (иудейской религии [7]), столь пламенны в
своей вере, что предпочтут умереть, чем отречься от нее, переносить
всяческую нужду и голод, чем попробовать свинину или мясо удав-
ленного или удушенного животного, а мы столь равнодушны к по-
становлениям, относящимся к почитанию богов, что привели в заб-
вение отцовские обычаи, так что, наконец, даже забыли, было ли
вообще когда-либо что-нибудь в этом роде постановлено. А они в сво-
454 ем роде весьма благочестивы, ибо почитают... (бога), который воис-
тину всемогущ и благ, и управляет чувственным миром, которому,
как я прекрасно знаю, и мы поклоняемся, но под другими именами;
по моему мнению, они поступают очень правильно, не преступая
законов, и лишь в одном погрешают: в том, что, всеми силами ста-
раясь угодить этому богу, они не почитают и других богов, но дума-
ют, что эти боги даны в удел лишь нам, «язычникам» [8]. До такого
b безумия они дошли в своем варварском высокомерии! Нечестивые
же галилеяне, как будто их какая-то болезнь... [9]

45. ФРАГМЕНТ ПИСЬМА К ЖРЕЦУ [1] (89 б)

288 ... а если кто оказывает неповиновение, того они тотчас карают.
Теми же, кто не чтит богов, овладевает племя злых демонов, и многие
из безбожников, доведенные ими до безумия, ищут смерти, надеясь,
b что полетят на небо, если насильственно оборвут свои жизни [2]. И хо-

---

[6] ὥσπερ ἀφ᾽ ἑστίας — поговорка, значит — «с самого начала», «от основы».
[7] В тексте лакуна, но из контекста видно, что здесь говорится об иудеях.
[8] ἡμῖν... τοῖς ἔθνεσιν...
[9] Конец письма утерян, а возможно, сознательно уничтожен переписчиками-христианами.
[1] См. предыдущее письмо.
[2] Имеются в виду христианские мученики.

тя человек по природе — существо общественное и цивилизован-
ное, есть и такие, кто устремляется из городов в пустыни, ибо они
находятся во власти злых демонов, влекущих их к такому человеко-
ненавистничеству. А многие из них теперь изобрели еще и ношение
оков и колодок — до того довел их злой демон, кому они по своей
c доброй воле предали себя, отступив от вечных и спасительных бо-
гов [3]. Но того, что я сказал об этом,— достаточно, и я вернусь к то-
му вопросу, от которого ушел в сторону.

Ясно, что правильное поведение в соответствии с законами госу-
дарства будет предметом забот правителей городов, но, очевидно, и
289 вам надлежит увещевать людей не преступать священных законов
богов. А так как жизнь жреца, естественно, достойнее обществен-
ной жизни, ты должен своими поучениями приводить людей к ней.
И лучшие, вероятно, последуют твоим советам. Я же молюсь, чтобы
им последовали все, и, во всяком случае, надеюсь, что им последуют
от природы разумные и дельные люди: ведь они почувствуют, что
твои слова близки им.

b Но всего больше должно проявлять человеколюбие, ибо из него ис-
ходит и много других благ, и лучшее и величайшее благо—благоволе-
ние богов. Рабы, которые разделяют дружбу, стремления и любовь
своих господ, более любимы, чем другие рабы. Так же и нам следует
знать, что божество, само любя людей, особенно милостиво к челове-
колюбивым. Человеколюбие же может заключаться во многом и
разном. Оно проявляется и когда наказывают людей, щадя их, как
c учителя наказывают детей, имея в виду исправление наказуемого, и
когда заботятся о нуждах людей, как боги заботятся о наших нуж-
дах. Посмотрите, сколько земных благ дали они нам — самую раз-
нообразную пищу и так много, как они не дали всем остальным жи-
вым существам. И так как мы рождаемся на свет голыми, они защи-
тили нас покровом из шерсти животных и того, что производят земля
d и деревья. И дело не ограничилось тем, что просто люди сразу, как это
говорит Моисей, получили от них покровы из кож [4]; но посмотрите,
сколько даров сделала нам Афина Эргана[5]! А какое еще животное
пользуется вином, какое — оливковым маслом, если только мы сами
не уделяем им от этого (даже если мы ничего не уделяем людям)?
Кто из обитателей моря пользуется хлебом, кто из наземных живот-
ных пользуется тем, что в море? И я не упомянул золото, медь и же-
лезо — великое богатство, обладателями которого сделали нас бо-
290 ги, но не для того, чтобы мы — о позор! — не обращали внимания
на бродящих среди нас нищих, а ведь среди них встречаются хорошие
люди, например, те, кому не досталось никакого отцовского достоя-
ния и кто бедствует, пренебрегая деньгами по величию своей души.

Видя их, многие упрекают богов. Но не боги — виновники их
бедности, а ненасытность нас, имущих, становится причиной невер-
b ного мнения людей о богах и, кроме того, несправедливого упрека
богам. Чего же нам просить? Чтобы боги послали беднякам, как ро-
досцам, золотой дождь[6]? Но если бы даже так и случилось, мы тотчас
же послали бы своих слуг и расставили всюду сосуды, чтобы отогнать
всех и нам одним захватить дары богов, предназначенные для всех.
Да и удивительно будет, если мы будем просить о противоестественном

---

[3] Это, несомненно,— анахореты — аскеты.

[4] Genesis, 3, 21.

[5] Ἐργάνη — «работница», эпитет Афины, покровительницы женских работ, в том числе ткачества.

[6] P i n d., Olymp. VII, 49.

c и совершенно бесполезном и не будем делать того, что в наших силах. Кто когда-нибудь стал бедным из-за того, что давал своим ближним?! Я сам, часто раздавая нуждающимся, снова получал это от них [7] в многократном размере, хотя я и никудышный делец, и никогда я не раскаивался в том, что отдал. О том, что сейчас, я, пожалуй, говорить не буду, ибо совершенно неразумно сравнивать расходы частного лица
d с расходами царя. Но я отлично знаю, что когда я еще был частным лицом, со мною это случалось часто. Например, в совершенной неприкосновенности сохранилось для меня имение моей бабушки, которым насильно завладели другие [8], в то время как из того немногого, что я имел, я щедро раздавал нуждающимся.

Итак, мы должны делиться своим добром со всеми людьми и особенно щедро — с хорошими, а с нуждающимися и бедными — так, чтобы хватало для удовлетворения их нужд. И я бы сказал даже, хотя это и может показаться странным, что было бы благочестивым де-
291 литься одеждой и пищей даже с враждебными людьми — ведь мы даем потому, что он — человек, а не за то, какой он человек. Поэтому я думаю, что и к тем, кто заключен в тюрьмах, нужно проявлять такую же заботу. Ибо подобное человеколюбие не мешает правосудию. А так как в тюрьме заключено много людей, ожидающих суда, и некоторые из них будут осуждены, а другие окажутся невиновными и будут освобождены, то будет жестоко, если, опасаясь, как бы не
b оказать милости не только невинным, но и порочным, мы из-за порочных стали бы вести себя жестоко и бесчеловечно с теми, кто не сделал ничего дурного.

Вот что еще, по моему мнению, совершенно несправедливо: мы зовем Зевса покровителем гостеприимства, а сами менее гостеприимны, чем скифы! И как может тот, кто хочет принести жертву Зевсу Ксению [9], приближаться к храму, с какой совестью, если он забыл слова:

c Зевс к нам приводит нищих и странников;
Дар и убогий Зевсу угоден....[10]?!

И как может тот, кто поклоняется Зевсу Гетайрию [11], видя, что его ближний нуждается в деньгах, не дать ему даже одной драхмы, но в то же время считать, что поклоняется богу правильно? И всякий раз, когда я вижу это, я прихожу в совершенное изумление: прозва-
d ния богов для нас как бы образцы, запечатленные с начала мира, а сами мы на деле ни к чему подобному не стремимся! Мы называем богов Омогниями [12] и Зевса — Зевсом Омогнием, а сами к родственникам относимся, как к совершенно чужим! Ведь каждый человек, желает он этого или не желает,— родственник другим людям независимо от того, от одного ли отца и одной матери, как говорят некото-
292 рые, произошли все или каким-либо иным образом при создании

---

[7] ... ἐκτησάμην αὐτὰ παρ᾽ αὐτῶν πολλαπλάσια. Кто возвращал в многократном размере данное Юлианом? Нуждавшиеся, которым он помогал? Вряд ли. Это было бы похоже на ростовщичество, и, кроме того, дальше идет пример с имением, говорящий против такого толкования. Имение Юлиан никому не давал — оно у него было отобрано. На наш взгляд, здесь имеются в виду боги.

[8] См. письмо 1.

[9] Ξένιος — «гостеприимный», эпитет Зевса.

[10] Odys. XVI, 56—58. Перевод В. А. Жуковского (Москва, 1959, стр. 173). См. письмо 39.

[11] Ἑταίρειος — эпитет Зевса, покровителя дружбы.

[12] Ὁμόγνιος — бог — покровитель рода.

мира боги сотворили не одного мужчину и одну женщину, а сразу
много мужчин и много женщин. Ибо те, кто может сотворить двух
человек, могут сотворить и сразу многих. Ведь тем же самым спосо-
бом, каким они создали одного мужчину и одну женщину, они мог-
ли создать много мужчин и много женщин ... если обратить внимание
на различие нравов и законов, а еще более — на то, что выше, ценнее
и святее,— на откровение богов, переданное нам древними теурга-
b ми, согласно которому, когда Зевс создавал миропорядок, упали
капли священной крови и из них-то и возник человеческий род [13].
Таким образом, все мы — родственники, произошло ли все множество
людей обоих полов от одной пары — мужчины и женщины... (или)
как говорят нам боги и как надлежит верить, исходя и из свидетель-
ства фактов,— все произошли от богов. Те факты, которые свиде-
c тельствуют, что сразу же появилось на свет много людей, я тщатель-
но изложу в другом месте, а сейчас достаточно будет сказать только
то, что если бы мы происходили от одной пары, вряд ли наши зако-
ны были бы столь различны, и вряд ли вся земля наполнилась бы
людьми, происходящими от одного человека, даже если бы женщины,
как свиньи, сразу же рожали своим мужьям много детей. На самом
же деле по знаку, данному богами, сразу повсюду появилось мно-
жество людей, точно так же как появился бы один человек; и эти лю-
ди достались в удел богам, управляющим отдельными народами [14],
d и те вырастили их, получив от демиурга извечно бывшие у него ду-
ши. Необходимо также иметь в виду, сколько рассуждений было
посвящено в древности раскрытию того, что человек — обществен-
ное животное. И вот, говоря и утверждая это, мы будем по отноше-
нию к своим ближним вести себя антиобщественно?!

Пусть каждый из нас исходит из таких нравов и обычаев — благо-
293 говения к богам, благоволения к людям, телесной чистоты и пусть он
преисполнится делами благочестия — стремится всегда иметь бла-
гочестивые мысли о богах, почтительно и набожно взира-
ет на храмы и изображения богов и поклоняется им, как
если бы видел перед собою самих богов. Ведь наши предки устано-
b вили изображения и алтари, и хранение вечного огня, и вообще все
такого рода символы присутствия богов не для того, чтобы мы счи-
тали их божественными, но для того, чтобы посредством их мы пок-
лонялись богам. Ибо нам, поскольку мы телесны, и богам надлежит
поклоняться телесно, хотя сами боги — не телесны. И они явили
c нам, прежде всего,— второй (после этого, первого) род богов — тех,
кто обходит кругом все небо [15]. Но поскольку и им нельзя воздавать
служение телесно, так как по своей природе они ни в чем не нужда-
ются, то на земле был изобретен другой род изображений, и, совер-
шая поклонение им, мы добиваемся благосклонности богов. Те, кто
почитает изображения царей, которые не нуждаются ни в чем, тем
d не менее привлекают к себе благосклонность, точно так же и те, кто
почитает изображения богов, хотя боги ни в чем не нуждаются, тем не
менее побуждают богов защищать их и заботиться о них. Стремление
сделать все возможное есть свидетельство истинного благочестия,
и ясно, что те, кто исполнен этим стремлением, обладают благочес-

[13] Очевидно, имеется в виду учение орфиков о появлении людей из крови растерзанного Диониса.

[14] Идея Юлиана о богах, господах и прообразах отдельных народов развита им в трактате «Против галилеян» (Contra Galil. 115D).

[15] Имеются в виду небесные тела.

тием в высшей степени. В то же время совершенно очевидно, что тот, кто пренебрегает возможным, делая вид, что стремится к невозможному, на самом деле и не старается достигнуть одного и не выполняет
294 другого. Ведь хотя бог ни в чем не нуждается, из этого не следует, что ему не нужно ничего приносить. Ведь он не нуждается и в словесных восхвалениях. Так что же? Разумно ли лишать его их? Никоим образом! Мы не должны лишать божества и того деятельного почитания, которое установлено не три года тому назад и не три тысячи лет, а существовало все прежнее время у всех народов земли.
b c Итак, взирая на изображения богов, не будем считать, что это просто дерево или камень, но не будем считать их и самими богами. Ведь мы не называем и изображения царей деревом, камнем или медью, и называем их не самими царями, но именно изображениями царей.
d И каждый, кто любит царя, с радостью взирает на изображение царя, как каждый, кто любит сына,— на изображение сына, а каждый, кто любит отца,— на изображение отца. Из этого следует, что каждый, кто любит богов, с радостью взирает на изображения и статуи богов, и почитая, и страшась богов, взирающих на него с незримого мира. И если кто думает, что раз уж они названы образами богов, им надлежит быть неуничтожимыми, он, по-моему, совершенно лишен здравого смысла — ведь в таком случае они должны быть созданы не руками человеческими. Но то, что создано мудрым и пре-
295 красным человеком, может быть уничтожено человеком дурным и темным. И лишь сотворенные самими богами живые образы их невидимых сущностей — боги, обходящие по кругу небо, пребывают вовеки. Итак, пусть никто не перестает верить в богов, видя и слыша,
b как некоторые люди осквернили их храмы и изображения. Разве много раз не убивали прекрасных людей, таких, как Сократ и Дион, и великий Эмпедотим [16]? А я уверен, что боги заботились о них больше, (чем о храмах). Но смотрите: зная, что и у этих людей тело подвержено смерти, боги дали им подчиниться природе и уйти из жизни, но затем сами же наказали их убийц. Подобное же случилось и у нас на глазах со всеми осквернителями храмов.

И не дадим никому обмануть нас словами или поколебать нашу
c веру в божественное провидение. Что скажут упрекающие нас в этом иудейские пророки о своем собственном храме, трижды разрушенном и до сих пор не восстановленном? Я сказал это не для того, чтобы бросить им упрек,— ибо я сам после столь долгого времени решил восстановить храм для почитания призывавшегося в нем ранее бога [17]. Но я воспользовался этим примером, желая показать,
d что ничто человеческое не может быть нетленным и что пророки, писавшие такие вещи, говорили вздор, рассчитанный на выживших из ума старух. Но я думаю, что если пророки и толкователи какого-либо бога были негодными, это не мешает ему быть великим богом. Причиной же этого было то, что они не дали своим душам очиститься общим образованием и не открыли своих сильно сомкнутых глаз и
296 не разогнали окружающую их мглу. Но эти люди видели великий свет слово через туман, не четко и не ясно, и считали это не чистым светом, а огнем, и не будучи в состоянии различить все то, что вокруг него, они кричали громким голосом: «Трепещите! Страшитесь! Огонь! Пламя! Смерть! Кинжал! Меч!», выражая столь многими словами

[16] Эмпедотим, если только в тексте нет ошибки переписчика, фигура неизвестная.
[17] См. прим. к письму 3. См. также свидетельствующие о благожелательном отношении Юлиана к иудаизму письма 44-е (453 d) и 55-е (433 c).

разрушающую силу огня [18]. Но о них лучше написать в особом со-
b чинении и показать, насколько эти учителя теологии ниже наших
поэтов.

Надлежит поклоняться не только изображениям богов, но и храмам, и священным участкам, и алтарям; а также разумно почитать жрецов как служителей богов, так как они ради нас взяли на себя определенные обязанности по отношению к богам и содействуют
c нам в получении благ от богов: ведь они совершают жертвоприношения и молятся за всех нас. И поэтому справедливо воздавать всем им почет не меньший, если не больший, чем гражданским властям. И если кто-нибудь и считает, что нужно уделять равный почет и им, и гражданским властям, ибо и те некоторым образом служат богам, будучи стражами законов, то все равно жрецам нужно уделять боль-
d шую долю нашего благоволения. Ведь ахеяне побудили своего царя уважать жреца, хотя тот и был врагом [19], а мы не уважаем наших друзей, которые молятся и приносят жертвы за нас.

Но так как моя речь дошла до того пункта, которого я давно хотел достичь, то, по моему мнению, надлежит подробно изложить, каким человеком должен быть сам жрец, чтобы быть достойным по-
297 читания ... По нашему мнению, не следует присматриваться к нему и исследовать его поведение; пока он именуется жрецом, его нужно уважать и почитать, а если он дурной человек, то надлежит отобрать у него жреческую должность и презирать его, как показавшего себя недостойным. Но пока он приносит жертвы, совершает обряды и близок к богам, мы должны смотреть на него с уважением, как на ценнейшую собственность богов [20]. Ведь если мы почитаем камни, из которых сделаны алтари, потому что они посвящены богам и име-
b ют особый вид и форму, которая им полагается для той службы, для которой они предназначены, то разве логично будет отказываться почитать человека, посвященного богам? Но, может быть, кто-нибудь возразит: «Но если он нечестив и часто с пренебрежением относится к посвященным богам обрядам?». На это я отвечу, что нужно такого разоблачить, чтобы он как плохой человек не вызывал недовольства богов; но пока он не разоблачен, нельзя ему отказать в уважении. И было бы несправедливо дойти до того, что лишить надлежащего
c уважения не только виновных, но и тех, кто достоин почитания. И, таким образом, пусть уважается как любой правитель, так и любой жрец, ведь есть еще такой оракул дидимейского бога:

Тем, кто в своем нечестивом и жалком умишке
Вред причинять жрецам бессмертных богов замышляет,
d И в своих мыслях безбожных им оскорбленье наносит,—
Жизненный путь пройти до конца не удастся.
Так же и тем, кто богов дерзает бесчестить блаженных,
Честь служенья кому они получили от предков [21].

298 И снова в другом оракуле бог говорит:

Всех моих слуг ото всякого зла...

И говорит, что за них он покарает таких людей. И хотя бог вещал много такого, из чего мы можем научиться, как должно

---

[18] Это место представляет собой как бы пародию на ветхозаветные пророчества. Оно говорит и о знакомстве Юлиана с этой литературой и о том, насколько она была ему чужда, непонятна и неприятна.

[19] Имеется в виду история Хриза и Агамемнона (Iliad. I).

[20] См. письмо 43.

[21] Этот же оракул приводится в письме 43.

почитать и уважать жрецов, более подробно мы скажем об этом
в другом месте. А сейчас, я думаю, в доказательство того, что я
ничего не выдумываю сам, достаточно привести речение бога и его
b повеление, выраженное его собственными словами. И если кто-нибудь
считает, что я — недостойный веры учитель в таких вопросах, пусть
он побоится бога и повинуется ему и особенно чтит жрецов богов.

А сейчас я попытаюсь описать, каким должен быть жрец,—не ради
c тебя (ибо, если бы я уже не знал и из свидетельства посвятившего
нас [22] и от великих богов, что ты хорошо исполняешь свою должность
и делаешь все от тебя зависящее, я не решился бы поручить тебе столь
важное дело), но чтобы ты, пользуясь этим, мог направлять других,
и не только в городах, но и в селах, с большей убедительностью и
авторитетом — ибо не только ты один сам так думаешь и делаешь, но
d твой помощник — я, считающийся по милости богов великим понти-
фиком, и хотя я и недостоин такой должности, я хочу быть ее дос-
тойным и всегда молюсь об этом богам. Ведь боги, ты прекрасно зна-
ешь, это, возвещают нам великие надежды на загробную жизнь, и им
нужно во всем верить. Им несвойственно лгать, и не только в таких
делах, но и в том, что касается этой жизни. А так как и в этой жизни
299 они в величии своей силы могут преодолевать и исправлять неправиль-
ное и неестественное, то в той жизни, где враждующие здесь силы
будут разделены и бессмертная душа отойдет в иной мир, а мертвое
тело останется на земле, разве они не будут тем более способны доста-
вить людям то, о чем они возвещали!? Итак, зная, что боги обещали
b жрецам великую награду, давайте сделаем так, чтобы они были от-
ветственны за все, что касается почитания богов, и своей жизнью
являли пример всех тех добродетелей, которые они должны пропо-
ведовать.

И первое, с чего нам нужно начать,— это благочестие. Мы должны
служить богам так, как если бы они были рядом и смотрели на нас,
c ибо, хотя они и невидимы нами, их взор — более сильный, чем лю-
бой свет,— может проникать даже в наши тайные помыслы. И это не
только мои слова, но слова бога, которые он говорил много раз. Но
мне, конечно, достаточно привести одно такое изречение и с его по-
мощью показать верность двух положений: что боги видят все и что
они радуются благочестивым людям:

Стрелы далеко разящие Феба проникнут повсюду —
d Даже и твердые скалы взор его быстрый пронзает,
И темно-синее море. Нет, от него не сокрыто
Множество звезд, в непрерывном и вечном вращенье бредущих
В небе вечернем, по мудрым законам судьбы неизбежной,
300 Ни те страдальцы, что в мрачном Тартаре навеки сокрыты,
В царстве подземном, в страшной обители вечного мрака,
Благочестивым же людям радуюсь я, как Олимпу [23].

Очевидно, что насколько всякая душа, и особенно душа человека,
ближе и родственнее богам, чем камень или скала, настолько проще
и легче может проникнуть в нее взор богов. Посмотри на человеколю-
b бие бога, говорящего, что он радуется образу мыслей благочестивых
людей, так же как чистоте Олимпа. Как же может быть, чтобы он не
увел наши души от мрака и Тартара, если только мы обращаемся
к нему с благочестием? Конечно, ему известно, кто заключен в Тар-

---

[22] Максим Эфесский. См. письмо 13.

[23] Последний стих есть у Гиерокла (H i e r o c l., In aureum carmen). Биде полагает также, что Юлиан пользовался дошедшей во фрагментах работой Порфирия «De philosophia ex oraculis haurienda».

c таре (ведь и эта область не вне власти богов), и он обещает благочес-
тивым не Тартар, а Олимп. И посему нам нужно крепко придержи-
ваться дел благочестия и обращаться к богам с благоговением, не го-
воря и не слушая ничего постыдного.

А жрецам нужно сохранять себя не только от нечестивых дел и
позорных поступков, но и от произнесения или слушания такого рода
речей. Итак, нам нужно изгнать все неприятные шутки, все постыд-
ные разговоры. И чтобы ты понял, что я хочу сказать, добавлю: пусть
d ни один посвященный в жрецы не читает ни Архилоха, ни Гиппо-
накта, ни какого-либо другого поэта, писавшего такого рода стихи.
Пусть он избегает и того, что есть в этом роде в древней комедии,—
так будет лучше. И вообще нам приличествует лишь философия ... и
из философов — лишь те, кто избрал богов в наставники своего обра-
зования: как Пифагор, Платон, Аристотель, последователи Хрисип-
301 па и Зенона. Ведь мы должны заниматься не всеми философами и все-
ми учениями, но лишь теми учениями тех философов, которые суть
наставления в благочестии и учат о богах, прежде всего — о том, что
боги существуют, затем — что их промыслу подвластны дела этого
мира и что они не делают ничего дурного ни людям, ни друг другу
ни из зависти, ни из доброжелательства, ни из вражды — ведь писав-
шие об этом наши поэты из-за этого самого навлекли на себя пре-
зрение, а иудейские пророки, прилагавшие усилия в изобретении по-
b добных историй, приводят в восхищение тех жалких людей, кто при-
соединился к галилеянам.

Читать написанное о действительно происшедших событиях нам не
возбраняется, но необходимо избегать всех тех выдумок, которые
распространялись у древних в виде рассказов,— и вообще всего в
этом роде. Ибо как не каждый путь подходит посвященному
c в жрецы — его путь должен быть устроен надлежащим образом, так
же ему подобает и не всякий род чтения. Ведь под влиянием слов в
душе возникает определенное настроение и оно понемногу возбуж-
дает желания, а затем внезапно зажигает страшное пламя,* и, по
моему мнению, нужно заранее не давать ему возникнуть. Нельзя
допустить чтение и сочинений Эпикура и Пиррона. Впрочем, боги
сами к нашему благу уничтожили их, так что большая часть книг
d погибла. Однако ничто не мешает мне упомянуть и о них, как о при-
мере того, какого рода чтения следует больше всего избегать жрецам,
а если нужно избегать такого чтения, то тем более — таких мыслей.
Ведь я не думаю, что прегрешение в словах и прегрешение в мыслях —
одно и то же, но прежде всего нужно исправить мысли, ибо пре-
грешения языка зависят от них.

Нужно заучивать гимны богам — ведь есть много прекрасных
гимнов, составленных как древними, так и современными авто-
302 рами,— никто не мешает стараться узнать те, что поют в храмах.
Большинство их дано по нашим моленьям самими богами, но неко-
торые созданы во славу богов и людьми, находящимися под влиянием
божественного вдохновения и обладающими душой, недоступной
ни для какого зла.

Все это необходимо ревностно соблюдать и почаще молиться бо-
b гам и на людях и наедине — три раза в день, а если это невозможно,
то, во всяком случае, утром и вечером. И не должно быть, чтобы по-
священный жрец провел день или ночь, не принеся жертвы. Но и день —
с восхода солнца, и ночь — с захода — должно начинать с прине-
сения жертвы богам — даже тогда, когда на нас и не возложены жре-
ческие обязанности. Ибо нам надлежит хранить те священные об-

ряды, которые установлены законом предков, и делать не больше и не меньше того, что предписано. Ведь природа богов — бессмертна, и чтобы мы больше могли умилостивить их, нам нужно подражать их природе.

c Если бы мы состояли из одних душ и нам ни в чем не мешало бы наше тело, было бы прекрасно установить для всех жрецов один образ жизни. Но так как жрецы не только жрецы, но и люди... И жрецу надлежит строго соблюдать во время исполнения своих обязанностей все правила, но ему же, как человеку, получившему жреческую должность, когда он не занят непосредственно служением в храме, надлежит сделать некоторые уступки.

d Я думаю, что он должен сохранять чистоту в течение дня и ночи и затем очиститься на следующую ночь теми очистительными обрядами, которые предписаны священными законами, и, совершив это, он должен войти в храм и оставаться там столько дней, сколько полагается по закону (у нас, в Риме,— 30, у других — иначе). И я думаю, что ему надлежит в течение всех этих дней оставаться в священном
303 месте, занимаясь философией, и не выходить ни домой, ни на площадь и не видеть магистрата, если только он сам не будет в святилищах, но заботиться обо всем, что касается служения богам, наблюдая за всем и все устраивая, а когда его срок истечет, он должен уступить свои обязанности другому. Когда же он снова обратится к обычной человеческой жизни, пусть ему будет дозволено войти в дом к другу и, когда его пригласят, посетить пир,— но по приглашению не любого человека, а только лучших. В это время не будет
b неприлично сходить иногда и на площадь и побеседовать с начальником или магистратом и, насколько это возможно, прийти на помощь тому, кто действительно в ней нуждается.

И я думаю, что жрецам, когда они находятся внутри храмов и исполняют обряды, надлежит пользоваться самыми великолепными одеждами, а когда они вне святилищ — обычной одеждой, без всякой пышности. Ибо не годится, чтобы мы неправильно пользовались для похвальбы и из пустого тщеславия тем, что дано нам для оказания почести богам. Поэтому на площади нам следует избегать пышных
c одежд и всего показного и вообще всякой похвальбы. В самом деле, ведь боги были восхищены великой скромностью Амфиарая: когда они предрешили гибель войска [24], он узнал об этом, но пошел в поход вместе с войском и тем самым обрек себя на неизбежную гибель; тогда боги полностью преобразовали природу Амфиарая и помес-
d тили его среди богов. Все, кто шел походом на Фивы, еще до победы начертили на своих щитах эмблемы и воздвигли трофеи в знак поражения кадмейцев, а он, ученик богов, пошел на войну с оружием без эмблемы, но с кротостью и скромностью, как засвидетельствовали даже враги. Посему я думаю, что и нам, жрецам...[25], чтобы завоевать расположение богов. Ведь мы немало грешим против них, щеголяя
304 перед народом в священных одеждах, как бы превращая их в общую собственность и давая глазеть на них как на что-то чудесное. Когда это случается, к нам подходят многие нечестивые и от этого символы богов оскверняются. Но какое мы проявляем беззаконие, какое презрение к богам, если, не живя жреческой жизнью, носим одежды
b жрецов! Однако подробно об этом будет сказано в другом месте, сейчас же я говорю тебе об этом лишь в самых общих чертах.

---

[24] См. A e s c h y l. Septem contra Thebas, 568—596; P i n d., Olymp. VI, 14.
[25] В лакуне, очевидно: «нужно носить скромные одежды».

Ни одному жрецу не дозволяется присутствовать ни на одном непристойном театральном представлении ... или устраивать его в своем собственном доме. Это совершенно не годится. В самом деле, если бы можно было вообще изгнать непристойность из театров, чтобы снова вернуть их Дионису уже очищенными, я бы со всей энергией постарался провести это в жизнь. Сейчас же, я полагаю, это
c невозможно, а если бы это вдруг и оказалось возможным, то провести это в жизнь было бы слишком сложно; поэтому я полностью воздерживаюсь от такого честолюбивого дела. Но я требую, чтобы жрецы воздерживались от непристойности театров и оставили бы ее толпе. Итак, пусть ни один жрец не входит в театр и не имеет другом ни одного актера или возницу, и пусть ни один танцор или мим не входят в его дом. Я дозволяю жрецам посещать лишь те священные иг-
d ры, где женщинам запрещено не только участвовать в состязании, но и быть зрителями. Что касается псовых охот, которые города устраивают в своих театрах, нужно ли говорить, что их должны избегать не только жрецы, но и дети жрецов?

Может быть, было бы хорошо сказать раньше, кого и каким образом нужно назначать жрецами. Но не будет неуместно, если именно этим я закончу свою речь. Я говорю, что во всех городах нужно
305 назначать самых лучших и прежде всего самых боголюбивых, а затем самых человеколюбивых, бедные они или богатые. И пусть в этом не делается никакого различия между известными и неизвестными. Ведь не годится препятствовать тому, кто по своей кротости жил скрытно только из-за того, что он не приобрел славы. Допустим даже, что он бедняк и человек из народа, но если в нем есть два качества — любовь к богу и любовь к людям, пусть он будет назначен
b жрецом. Доказательством любви к божеству служит то, что он привел всех своих домашних к вере богов, а доказательством любви к людям — то, что из своего скудного имущества он легко делится с нуждающимися и охотно раздает им, и старается делать добро стольким людям, скольким он в силах. А этому нам надлежит уделить особое внимание и использовать как лечение людей. По-моему, получилось так, что когда пренебрегали бедняками и не заботились о них, нечес-
c тивые галилеяне, заметив это, посвятили себя филантропии и, приобретая этим славу, придали силу худшему из своих дел. Ибо, как те, кто обманывает детей, привлекая их пирогом и два-три раза бросив им кусочек, уговаривают их идти за ними, а затем, когда они уже далеко от своих домашних, бросают их на корабль, а затем и продают, и то, что короткое время казалось сладким, делает горькой
d всю их будущую жизнь, так и галилеяне, начав с того, что называется у них агапе и гостеприимством и служением за столом [26] (ибо как много у них средств для этого, так много у них и названий),— привели многих к безбожию и сделали...

46. ФОТИНУ [1] (90)

Кроме того, неверный Христу император Юлиан, нападая на Диодора [2], так написал ересиарху Фотину:

[26] διὰ τῆς λεγομένης παρ' αὐτοῖς ἀγάπης καὶ ὑποδοχῆς καὶ διακονίας τραπεζῶν.

[1] Этот фрагмент письма сохранился лишь в латинской версии у писателя VI в. Факунда Гермианского. Фотин — известный ересиарх, епископ Сирмия, низложенный при Констанции в 351 г. (S o z o m e n., 4, 6). Он не примыкал ни к одной из враждующих групп теологов, но был создателем собственного оригинального христологического учения, изложение которого есть в «Панарии» Епифания Кипрского. Письмо написано, очевидно, в Антиохии, где Юлиан был между июлем 362 г. и мартом 363 г.

[2] Диодор, епископ тарсийский, известный церковный деятель, сторонник никейской веры, противник Фотина.

«Ты же, о Фотин, кажется, говоришь правдоподобное и близок к спасению и хорошо делаешь, думая, что тот, кого почитают богом, не может быть в женском чреве. Диодор же, назарейский маг, пытаясь всякими ухищрениями доказать этот абсурд, показал себя хитроумным софистом этой деревенской веры».

И немного спустя:

«Но если только боги и богини, и все Музы, и Фортуна окажут мне помощь, я покажу, что его взгляды несостоятельны и что он — извратитель законов и обычаев, и языческих [3] мистерий, и мистерий подземных богов, и что этот их новомодный галилейский „бог", коего они в своих баснях объявляют вечным, из-за позора своей смерти и своего погребения лишен божественности, которую ему приписал Диодор».

И как это обычно для заблуждающихся, уличенных в том, что убеждает их скорее искусство, чем истина [4], он говорит далее:

« ... и тот, во вред общественным интересам поплыв в Афины, неожиданно окунулся в мусические искусства и ухищрениями риторов изощрил свой ненавистный язык против небесных богов. Так и не познав мистерий язычников, он самым презренным образом, как говорят, пропитался заблуждением своих жалких и невежественных рыбаков-теологов. Из-за этого он уже давно подвергается наказанию самими богами. Ведь уже много лет его жизнь в опасности, и, заполучив болезнь груди, он дошел до самых страшных мучений. Все его тело пожрала болезнь; щеки его ввалились, а по всему телу — сплошные морщины. Но это не знак жизни философской, как он хочет, чтобы это казалось тем, кто обманут им, но знак справедливейшего божественного возмездия, настигнувшего его за его преступления. Получив по заслугам, он теперь доживает до конца свою тягостную и горькую жизнь, и лицо его поражено смертельной бледностью».

374 47. ЮЛИАН ЛИБАНИЮ, СОФИСТУ И КВЕСТОРУ [1] (96)

Так как ты забыл о своем обещании (сегодня уже третий день, а Приск-философ [2] сам так и не пришел, но прислал письмо, сообщая, что задерживается), то я тебе напомню о твоем долге и требую, чтобы ты его выполнил. Долг же твой, как ты знаешь сам, такого рода, что тебе очень легко его отдать, а мне очень приятно получить. Пришли же свою речь и подай святой совет [3], но ради Гермеса и Муз — быстрее: знай, что этими тремя днями ты меня губишь, если только
d правда то, что говорил сицилийский поэт [4]: «за день стареют горя-

[3] Факунд переводит, очевидно, слово «эллинский» латинским словом paganus.

[4] Место, трудное для перевода: Sicut autem solent errantes convicti fingere quod arte magis quam veritate vincantur, sequitur dicens.

[1] Либаний (314—395) — знаменитый софист, оставивший громадное литературное наследие, друг Юлиана, которому посвящен ряд его речей (12, 13, 14, 15, 17, 18, 24). Письмо, очевидно, написано в Антиохии, где были и Юлиан и Либаний. До нас дошел ответ Либания, приведенный Биде после письма Юлиана: Либаний Юлиану императору: «Если такой язык медлителен, то что же будет, если ты отточишь его? Но у тебя как будто где-то внутри [a] находятся столь сильные источники слов, что тебе не нужен приток извне. Мы же, если только не напояем себя каждый день, обречены на молчание. Ты стремишься получить мою речь одинокой и лишенной заступника (поэтому-то ты и говоришь, что прекрасный Приск медлит). Ну, хорошо, получи ее — ведь все равно всякое твое суждение о ней будет нам дорого».

[a] буквально — ἐν τῷ στόματι.

[2] О Приске — см. комментарий к 5-му письму.

[3] Очевидно, речь идет о 14-й речи Либания «В защиту Аристофана».

[4] Theoc., 12, 2.

щие страстным желанием». Если это так, а это безусловно так и есть, то ты, благороднейший, в три раза приблизил ко мне старость.

Я продиктовал это для тебя среди дел: писать сам я не способен, ибо рука у меня ленивее языка; хотя, должно быть, и язык мой от отсутствия упражнения стал медлительным и нечленораздельным. Будь здоров, брат мой желаннейший и любезнейший!

48. ЮЛИАН — ЛИБАНИЮ (97)

Ты воздал Аристофану[1] плату за благочестие к богам и за благоволение к тебе, отплатив ему и превратив то, что раньше было постыдно, в предмет славы, и не только сейчас, но и в будущем. Ведь по сравнению с написанными тобой речами ничто и лживые доносы Павла, и страшный приговор того судьи. Едва появившись, они стали ненавистны и исчезли вместе с теми, кто был их виновниками, а твои речи и сейчас высоко ценятся всеми истинными эллинами, и в будущем, если только я не ошибаюсь в своем суждении, будут ценимы. А из дальнейшего ты узнаешь, убедил ли меня, а вернее, переубедил ли относительно Аристофана. Я не могу допустить мысль, чтобы он был падок на удовольствия и богатства — но в чем же тогда мне нужно уступить истинному философу и правдолюбивейшему из риторов? А с твоей стороны, естественно, последовал вопрос, почему мы не изменяем его несчастных обстоятельств на лучшие и не снимаем с него причиненного несчастьем позора? «Сойдясь вдвоем» [2],

---

[1] Речь идет об Аристофане, незначительном чиновнике, история которого хорошо известна из 14-й речи Либания («В защиту Аристофана»). Он, будучи agens in rebus при египетском префекте Парнасии, был вместе с ним обвинен в гадании. Дело это расследовалось с большой жестокостью в Скифополе приближенным Констанция Павлом, прозванным «Катена» — «цепь» (Amm. Marc., XIX, 12, 10). Либаний просил Юлиана дать Аристофану какую-нибудь должность и оправдать его в глазах его соотечественников-коринфян, причем подчеркивал преданность Аристофана язычеству. Сохранился ответ Либания на это письмо:

Либаний Юлиану императору

Я воздал плату Аристофану, а ты —мне за мою любовь к тебе, горячую и сильную, и не сокрытую ни от богов, ни от людей. Так что сейчас я чуть не воспаряю ввысь, воодушевленный твоим письмом, которое внушило мне надежду и украсило мою речь[а]. Мне кажется малым и богатство Мидаса, и красота Нерея, и быстрота Крисона, и сила Полидаманта, и меч Пелея. Мне кажется, что и вкусив нектара, я не почувствовал бы большего наслаждения, чем то, которое испытываю сейчас, — когда царь, которого, наконец-то, после долгих поисков нашел Платон, похвалил мои мысли, был восхищен моей речью и, оказав честь обещанием дара, еще большую честь оказал тем, что пожелал рассмотреть вместе со мной, что должно быть даровано. Значит, хотя и тот, кто наблюдает восход небесной козы, не может получить всего[б], мне и безо всякого с моей стороны старания выпадает самый крупный успех! Если я попрошу чего-либо подобающего, царь охотно окажет милость, подражая небесной милости богов.

Твое письмо будет издано вместе с моей речью, чтобы показать всем эллинам, что не напрасно было сказано слово; и Аристофан будет гордиться моим писанием, а я — твоим посланием, а вернее, оба мы — и посланием, и тем, что будет даровано: ведь и то, и другое драгоценно для нас обоих.

Но нужно, чтобы ты узнал о страхе Аристофана и посмеялся. Один из тех, кто обычно приходит к тебе вечером, пришел к дверям, но его не пустили, сказав, что ты составляешь какую-то речь. Он известил нас и тотчас возник страх, что, решив опровергнуть речь, ты посрамишь учителя, а Аристофана подвергнешь каре Нила[в]. Потому мы сразу побежали к прекрасному Элпидию, а он, узнав, что мы боимся, посмеялся. После этого мы несколько успокоились, а спустя немного времени получили это прекрасное письмо.

[а] Как видно из дальнейшего текста, Либаний издал свою речь вместе с письмом Юлиана.

[б] Было поверье, что тот, кто наблюдает восход этого созвездия, увидит свои желания сбывшимися.

[в] См. письмо 36.

[2] Iliad. X, 224.

как говорится, мы с тобой посовещаемся. Ведь будет справедливо, если ты дашь совет не только о том, что нужно помочь мужу, искренне почитавшему богов, но и о том, каким образом сделать это. Ты, правда, намекнул на этот способ. Но, наверное, лучше об этом не писать, но поговорить лично. Будь здоров, брат мой, желаннейший и любимейший!

382 d Я прочел вчера твою речь, успев почти окончить ее до завтрака. Позавтракав же, не отрываясь, прочел и то, что оставалось. Счастлив ты, что можешь так говорить, а еще более счастлив, что можешь так думать! Какая речь! Каков ум! Какое понимание! Каков разбор вопроса! Каковы умозаключения! Каково расположение материала! Каковы зачины! Каков язык! Какая гармония! Какая композиция!

399 b

49. ЮЛИАН — ЛИБАНИЮ, СОФИСТУ И КВЕСТОРУ[1] (98)

Я дошел до Литарб (есть такое поселение в Халкиде) и случайно натолкнулся на одну дорогу с остатками зимнего лагеря антиохийцев. Часть этой дороги проходит, помнится, по болотистой низине, а часть — по горе, причем вся дорога очень труднопроходима. В низине там лежали камни, как бы специально сваленные как попало,
c без того искусства, с которым обычно те, кто строит большие дороги в других городах, накидывают вместо извести много земли и, как при сооружении стены, кладут камни плотными рядами. С трудом пройдя эту часть пути, я пришел к первой стоянке (было около девяти часов) и принял в своем доме большую часть членов вашего совета. О чем мы говорили друг с другом, тебе, наверное, уже рассказали; а если будет угодно богам, то услышишь об этом со временем и от нас [2].

d Из Литарб я отправился в Беррою, и Зевс, послав мне ясное предзнаменование, возвестил всяческую удачу. Пробыв там день, я осмотрел акрополь и принес Зевсу царскую жертву — белого быка; а с советом города я имел небольшую беседу о почитании богов. Все восхваляли мою речь, но поверили ей лишь очень немногие,— это те, кто и до моих слов казались мне людьми здравомыслящими, но та-
400 кими, кто, как высшей дерзости, боится отбросить стыд. Ведь выходит так, — о боги! — что люди краснеют при проявлении прекрасных чувств — силы души и благочестия, а гордятся самым постыдным — святотатством и изнеженностью духа и тела.

Затем меня приняли Батны — место, подобного которому я в вашей области, кроме Дафны, не видел. Теперь она, действительно, похожа на Батны, но немного раньше, когда еще целы были храм и статуя, я бы не побоялся сравнить Дафну с Оссой и Пелионом, и с вершинами Олимпа, и фессалийскими Темпеями или даже поставить ее выше всех, ибо это место посвящено и Зевсу Олимпийскому и Аполлону Пифийскому. Но о Дафне тобой написана речь, подобную которой не создал бы, при всем своем желании и старании, «ни один из живущих теперь людей» [3], да и из древних-то, я думаю, не очень мно-

---

[1] Письмо, как видно из текста, написано уже во время похода на персов и хронологически — последнее из датируемых писем Юлиана. Поход описан Либанием (XVIII), Аммианом (XXIII, 2 и до конца XXIV) и Зосимом (III, 12—28).

[2] Антиохийские куриалы просили Юлиана за свой город, оскорбивший его (см. Liban., XVI, 1).

[3] Iliad. I, 272. Перевод Н. И. Гнедича.

c гие. Что же я теперь пытаюсь писать о ней, когда ты уже написал такую блестящую ⟨монодию⟩ [4] на нее? И думать об этом нечего.

Итак, вернемся к Батнам. Хотя название это и варварское, самое место — эллинское, и это видно уже из того, что во всей округе ощущался запах ладана и везде мы видели приготовленных к жертве животных. Но это хотя и очень обрадовало меня, показалось чрез-
d мерным и чуждым истинному почитанию богов. Ведь почитающие богов должны избегать людской суеты и стремиться к тишине, чтобы, принося богам жертвы и делая все полагающееся по ритуалу, стремиться именно к этому, а не к чему-либо другому. Но, очевидно, к этому вскоре будет приложено подобающее старание. Как я увидел, Батны расположены на лесистой равнине, поросшей молодыми кипарисовыми рощами. (И нет в них ни одного старого или гнилого дерева, но все одинаково зеленеют своими кронами.) Царская резиден-
401 ция там не слишком роскошна (это — дом, построенный только из глины и дерева, без всяких украшений); сад же уступает Алкиноеву [5] и похож на сад Лаэрта [6], а в нем — маленькая рощица кипарисов и у стены там прямыми рядами посажено множество этих же деревьев, а в середине — грядки, на которых растут овощи и деревья,
b приносящие разного рода плоды. Что же я там делал? Вечером я принес там жертву, а рано утром — другую, как привык это делать надлежащим образом каждый день. А так как знаки были благоприятны, мы отправились в ⟨Иера⟩полис. Там навстречу нам вышли граждане, и меня принял у себя один друг, которого увидел я тогда в первый раз, а любил — издавна. Почему это так, по-моему, ты уже знаешь, но мне приятно сказать об этом лишний раз. Ведь и говорить
c и слушать об этом всегда для меня — нектар. Сопатр, воспитанник божественного Ямвлиха, — свойственник этого Сопатра [7] ... Мне представляется, что гнуснее всех преступлений — не любить всего, связанного с этими мужами. Но есть и более важная причина этого. Он много раз принимал у себя моего кузена и моего сводного по отцу брата, и те, естественно, часто побуждали его отойти от почитания богов, но он, что было очень трудно, не заразился их болезнью.

Многие солдаты, идущие со мной галилейскую .... [8].

Вот что я могу написать тебе о своих личных делах из Иераполиса. А что касается военных и политических дел, я думаю, тебе
d следовало бы понаблюдать за ними и позаботиться о них, присутствуя лично. Ты прекрасно знаешь, что всего этого слишком много для одного письма. А если стремиться к точности, то нелегко вместить так много в письме и втрое большем. Все же я вкратце расскажу тебе об этих делах. Я отправил послов к сарацинам, приглашая их
402 прийти, если они хотят. Это — во-первых. Во-вторых, я отправил охрану из людей самых бдительных, каких я только мог достать, чтобы никто тайно не перешел отсюда к врагам и не донес бы им, что

---

[4] Дафна — пригород Антиохии, где был громадный храм Аполлона, сожженный во время пребывания Юлиана в Антиохии. Юлиан говорит о 60-й речи Либания «Монодия на храм Аполлона в Дафне».

[5] См. Odys. VII, 113 слл.

[6] См. там же, XXIV, 245 слл.

[7] Ἰαμβλίχου τοῦ θειοτάτου τὸ θρέμμα Σώπατρος ἐγένετο τούτου κηδεστής. Текст дальше испорчен. Может быть, указательное местоимение τούτου «этого» употреблено потому, что хозяина Юлиана звали тоже Сопатром, «тот» Сопатр — свойственник «этого» Сопарта.

[8] Место пропущено переписчиком, возможно, потому, что содержало какой-то антихристианский выпад. Очевидно, здесь говорилось о том, что солдаты бросают христианство и переходят в язычество (см. письмо 19).

мы уже в пути. Там же я вершил военный суд, по моему мнению, весьма милостиво и справедливо. Я приготовил запасных лошадей и мулов и собрал все войско в одно целое. Речные суда наполнены хле-
b бом, вернее сухарями, и уксусом. Ты понимаешь, какого размера должно быть письмо, если рассказывать, каким образом каждое из этих дел сделано и что по поводу этого пришлось говорить. А что касается того, сколько писем и бумаг я подписал (все это следует за мной, как тень, и обступает меня со всех сторон),— то к чему мне стараться перечислять их здесь?

441 **50. ПИСЬМО ЮЛИАНА ОТСТУПНИКА ПОРФИРИЮ КАТОЛИКУ[1] (106)**

У Георгия была богатейшая и громадная библиотека трудов самых разных философов и многих историков. Немалое место в ней
d занимали многочисленные и разнообразные книги галилеян. Когда ты разыщешь всю библиотеку полностью, позаботься отослать ее в Антиохию. И имей в виду, что сам подвергнешься тяжкому наказанию, если не приложишь к розыску книг величайшего усердия. И если у тебя по тем или иным причинам возникнет о ком-либо подозрение, что это они унесли книги, и ты не сможешь убедить этих людей никакими доводами, никакими клятвами, и даже подвергая пыткам слуг, то силой заставь их принести все.

377 **51. ЮЛИАН ЕКДИКИЮ, ПРЕФЕКТУ ЕГИПТА[1]**

Одни — любят лошадей, другие птиц, третьи — диких зверей;
378 в меня же с детства вселилась сильнейшая страсть приобретать книги. И было бы странно, если бы я стал спокойно смотреть, как их захватили люди, которым не хватает золота, чтобы удовлетворить свою страсть к богатству, и которые надеятся и эти книги присвоить без труда. Итак, окажи мне личную услугу, постарайся найти все кни-
b ги Георгия. Ведь у него было много книг и по философии, и по риторике, и излагающих учение нечестивых галилеян. Я бы, конечно, хотел, чтобы последние погибли; но чтобы вместе с ними не погибли и ценные книги, пусть и их все будут тщательно разыскивать. Руководителем же этих поисков пусть у тебя будет нотарий Георгия. И да знает он, что если честно отнесется к этому, то в награду полу-
c чит свободу; а если он, наоборот, в чем-либо проявит недобросовестность, то пойдет на пытки. Я ведь знаю книги Георгия, если не все, то во всяком случае многие, — когда я был в Каппадокии[2], он дал мне кое-какие из них для переписки, но затем забрал обратно.

52. ЮЛИАН — ЕКДИКИЮ, ПРЕФЕКТУ ЕГИПТА[1] (108)

432 b Поговорка гласит: «Мне же рассказываешь мой собственный сон», а я, по-видимому, расскажу тебе то, что есть у тебя наяву. Говорят, что Нил, высоко поднявшись на многие локти, затопляет весь Еги-

---

[1] *О Порфирии нам ничего не известно.* Католик — финансовый чиновник. Ван Гронинген пишет: praefectus aerario Aegypti. Датировать письмо можно лишь приблизительно. Ясно, что оно написано после 24 декабря 361 г. (когда был убит Георгий — о нем см. письмо 29). Биде полагает, что оно написано около июля 362 г., когда Юлиан прибыл в Антиохию. Библиотека Георгия, с которой Юлиан познакомился во время своего пребывания в юности в каппадокийском замке Мацеллуме (см. следующее письмо), была нужна Юлиану, возможно, для составления трактата «Против галилеян». Очевидно, ее разграбили во время убийства Георгия.

[1] Написано приблизительно в то же время, как и предыдущее письмо.

[2] Речь идет о пребывании Юлиана в замке Мацеллуме.

[1] Как видно из текста, письмо датируется временем сразу после 20 сентября 362 г.

c пет; а если ты хочешь услышать число, то знай, что к 20 сентября
он поднялся на 15 локтей. И сообщает это начальник лагеря Феофил.
Итак, если ты этого не знаешь, то узнай от нас и обрадуйся.

442 53. ЮЛИАН ЕКДИКИЮ, ПРЕФЕКТУ ЕГИПТА[1] (109)

Если что и стоит нашего попеченья и забот, то это священное ис-
кусство музыки. Итак, выбери из александрийцев сотню юношей
благородного происхождения и распорядись снабжать каждого из
b них двумя артабами хлеба в месяц, а кроме того, маслом и вином,
одежду же им будут поставлять казначеи[2]. Пока же нужно отбирать
тех, кто обладает хорошим голосом. А если некоторые из них смогут
подняться до вершины этого искусства, то пусть знают, что и от нас
им уготована за их труд весьма большая награда. Но кроме нашей
награды они получат пользу, очистив божественной музыкой свои
c души, ибо нужно верить тем, кто в древности правильно учил об этом.
Это — об юношах. А что касается обучающихся теперь у музыканта
Диоскора, то последи, чтобы они ревностно перенимали его искус-
ство. Мы же готовы, в чем потребуется, оказать им помощь.

389 c 54. ЮЛИАН АЛЕКСАНДРИЙЦАМ (110)

Человеку, изгнанному весьма многочисленными эдиктами многих
императоров, надлежало ждать хотя бы одного еще царского эдикта
d и уже затем возвращаться к себе, а не полагаться на свои дерзость
и безумие и не глумиться над законами, как будто они вообще не
существуют. Ведь и теперь мы позволили галилеянам, изгнанным
покойным Констанцием, возвратиться на родину, но не в свои церкви.
И вдруг мы узнаем, что наглейший Афанасий[1], побуждаемый своей
обычной дерзостью, снова захватил так называемый у них епископ-
399 ский престол, и что благочестивому народу Александрии это крайне
неприятно. Посему мы повелеваем ему удалиться из города тотчас

---

[1] Датировка письма неясна. О развитии музыки в Александрии — см. Amm. Marc., XXII, 16, 17.

[2] οἱ τοῦ ταμείου προεστῶτες. Биде полагает, что это — греческая калька — praepositi thesaurorum, начальники местных отделений ведомств sacrae largitiones, где собирались золото, серебо и одежда (см. A. H. M. Jones, The Later Roman Empire, Oxf., 1964, стр. 428 сл.).

[1] Афанасий Александрийский — крупнейший церковный деятель IV в., глава сторонников никейской веры, автор многочисленных полемических и богословских трудов. Будучи изгнан с епископского престола Констанцием, к моменту воцарения Юлиана он скрывался (Socrat., II, 26; Sozomen., IV, 2; V, 6; Theodoret., II, 13). После воцарения Юлиана и убийства Георгия (см. письмо 29), в соучастии в котором обвиняли, кстати, сторонников Афанасия (Socrat., IV, 3), он воспользовался эдиктом Юлиана о возвращении изгнанных при Констанции церковников (см. письмо 25) и вернулся в Александрию в феврале 362 г. (Historia Acephala, 9). Афанасий сразу же занимает епископский престол и развивает в высшей степени активную деятельность по сплочению всех противников арианства, господствовавшего в тот момент в церкви. Венцом его трудов был знаменитый Александрийский собор (Socrat., III, 7; Sozomen., V, 12; Rufin., I,8). Как видно из 57 письма Юлиана, его особенно возмутило то, что Афанасий крестил нескольких языческих женщин. Согласно Сократу, непосредственным поводом к изданию этого указа Юлиана послужил донос от языческого населения Александрии (Socrat., III, 13). Из 56 и 57 писем видно, что Афанасий еще после опубликования эдикта оставался в Александрии, возможно, ожидая результата прошения александрийских христиан, ответом на которое является 56 письмо. Лишь после приказа Экдикию (57 письмо)Афанасий скрывается, обманув тех, кто был послан арестовать его (Socrat., III, 14; Rufin., I, 34; Sozomen., V, 15; Theodoret., III, 1).

как он получит письмо нашей кротости. Мы объявляем, что если он останется в пределах города, то его ждут наказания, значительно более тяжелые и суровые.

432 c

55. ЮЛИАН — АЛЕКСАНДРИЙЦАМ [1] (111)

d Даже если бы основателем вашего города был кто-либо из тех [2], кто, преступив свои собственные законы, избрав беззаконный образ жизни и вводя новые догматы и новые учения, подвергся справедливому наказанию, вы и тогда бы не имели основания добиваться возвращения Афанасия. Теперь же, хотя основатель вашего города —
433 Александр и правит вами божественный хранитель города — царь Серапис вместе со своей юной спутницей, царицей всего Египта Изидой ..., вы не взяли за образец здравые города, но больная часть горожан осмеливается присваивать имя всего города [3].

Клянусь богами, мне очень стыдно, мужи-александрийцы, когда кто-либо из общества александрийцев заявляет, что он галилеянин.
b Предки настоящих евреев в древности были в рабстве у египтян, а теперь вы, мужи-александрийцы, покорив египтян (ведь был же вашим основателем покорен Египет), сами, поправ священные заветы, добровольно обратились в рабство к тем, кто презрел учение предков. И не вспоминается вам, как блаженно вы жили в древности, когда весь Египет был в общении с богами и мы наслаждались всеми
c благами? Но скажите мне, те, кто сейчас у вас ввел это новое учение, что хорошего они принесли городу? Вашим основателем был благочестивый муж, Александр Македонский; клянусь богами, он не сравним ни с кем-либо из этих людей, ни с значительно превосходящими их евреями. Лучше их был и Птоломей, сын Лага, а если бы Александр вступил в борьбу с римлянами, то он и их привел бы в
d смятение. А как же поступили вслед за вашим основателем Птоломеи, взращивая ваш город, как родную дочь? Ведь они расширили его не с помощью слов Иисуса и не руководствуясь учением ненавистнейших галилеян создали для него то устройство, при котором он теперь процветает. Когда же мы, римляне, наконец, стали его владыками, прогнав плохо правивших Птоломеев, Август, прибыв в
434 ваш город и обращаясь к вашим гражданам, сказал: «Мужи-александрийцы, я прощаю городу всю вину из-за благоговения перед великим богом Сераписом и также ради самого народа и величия города. Третья же причина моего к вам благоволения — моя дружба с Арием» [4]: Арий этот был ваш согражданин, близкий друг цезаря Августа, муж-философ.

b Вот что, говоря вкратце, дали олимпийские боги именно вашему городу, а о многом я, чтобы избежать чрезмерной длины рассказа, умалчиваю. Но разве вы не знаете, что дается видимыми богами ежедневно не отдельным людям и не одному роду или одному городу, но вообще всему миру в целом? Или вы одни бесчувственны к исхо-

[1] См. письмо 110.

[2] Ван Гронинген читает не τῶν ἄλλων, как Биде, а τῶν Γαλιλαίων — кто-либо из галилеян.

[3] τὴν ὑγιαίνουσαν οὐ ζηλοῦντες πόλιν, ἀλλὰ τὸ νουσοῦν μέρος (ὁ) ἐπιφημίζειν ἑαυτῷ τολμᾷ τὸ τῆς πόλεως ὄνομα ὁ нет у Биде, но вставлено Ван Гронингеном. Место неясно. Биде переводит: «... вы не взяли за образец здоровую часть города...». Если принять перевод Биде и исправить его в соответствии с чтением Ван Гронингена, он будет звучать так: «... вы взяли за образец не здоровую часть города, но больную, которая осмеливается...».

[4] Арий Дидим Александрийский — философ, учитель Августа.

c дящим от Гелиоса лучам? Вы одни не знаете, что от него зима и лето? Вы одни не знаете, что им все животворится и движется? И вы не чувствуете, что Селена — от него и через него — созидательница всего и что она для города — источник многочисленных благ? И вы осмеливаетесь не поклоняться ни одному из этих богов, а Иисуса, которого не видели ни вы, ни ваши отцы, вы считаете Богом-словом!
d А того, кого испокон веков видит и на кого смотрит, и почитает и, почитая, проводит жизнь в благополучии весь человеческий род, я говорю про великого Гелиоса, про этот живой, наделенный умом и душой благодетельный образ умопостигаемого отца... Если вы поверите моим увещаниям, то постепенно сами себя приведете к истине. И вы не уклонитесь с прямого пути, если поверите тому, кто сам шел той дорогой до 20 лет, а этим путем идет, с помощью богов, вот уже 12-й год.

435 Если вы послушаетесь нас, ваших друзей [5], то доставите мне большую радость, а если желаете пребывать верными суеверию и «катехизису» обманщиков — то, по крайней мере, сохраняйте единомыслие и не тоскуйте по Афанасию. Ведь есть же весьма многие из его учеников, которые могут в достаточной степени ублажить ваш слух
b и удовлетворить его зудящее стремление к нечестивым речам. О, если бы в одном Афанасии сосредоточивался порок этого нечестивого учения! Но сейчас среди вас много подобных людей, так что в этом не будет никакой трудности. Ведь кого бы из этого множества вы ни взяли, никто в толковании писания не будет хуже того, кого вы желаете. Если же вы обратились ко мне с этим ходатайством, любя Афанасия за какое-то другое его искусство (ведь
c я уже давно знаю, что это человек, на все способный), то знайте, что именно из-за этого он и изгнан из города. Ведь противоестественно, чтобы склонный к интригам человек управлял народом. А если это и не человек, а жалкий человечишка, каким и является он, слишком много воображающий о том, что он рискует своей головой [6],—
d именно это и кладет начало беспорядкам. Итак, чтобы у вас не возникло ничего в этом роде, я раньше велел ему уйти только из города, а теперь приказываю вообще покинуть Египет.

Пусть это будет доведено до сведения моих граждан александрийцев!

376

56. ЮЛИАН ЕКДИКИЮ, ПРЕФЕКТУ ЕГИПТА [1] (112)

Хотя обо всем прочем ты нам и не пишешь, но написать о враге богов Афанасии ты был должен — тем более, что тебе уже давно прекрасно известно, что мы справедливо постановили о нем. Кля-
b нусь великим Сераписом, если до декабрьских календ враг богов Афанасий не покинет этого города, а еще лучше — вообще Египта, я накажу находящихся в твоем распоряжении служащих [2] штрафом в 100 фунтов золота. Ведь ты знаешь, что я осуждаю не скоро, но еще менее скоро я прощаю уже осужденного.

(И собственной рукой): Меня очень беспокоит такое пренебрежение к моим приказам. Клянусь богами, я ничего из сделанного

---

[5] Εἰ μὲν οὖν φίλοις ἡμῖν πείθεσθε — не ясно, имеет ли в виду Юлиан одного себя или вообще язычников.

[6] Место, трудное для перевода: οὗτος ὁ μέγα οἰόμενος περὶ τῆς κεφαλῆς κινδυνεύειν.

[1] См. письмо 110.

[2] Употреблено выражение τῇ ὑπακούσῃ σοι τάξει..., буквально: «находящийся в твоем распоряжении отряд». В Поздней империи государственные чиновники считались находящимися на военной службе.

тобой не увидел бы, вернее не услышал с большей радостью, как то,
c что нечестивец Афанасий, осмелившийся в мое царствование склонить к крещению знатных эллинских женщин, изгнан из пределов Египта. Да будет он изгнан!

435 d
57. ЮЛИАН БОСТРИЙЦАМ[1] (114)

Я думал, что предводители галилеян будут более благодарны мне,
436 чем тому, кто до меня управлял государством. Ведь при нем многим пришлось быть в изгнании, подвергаться преследованиям и арестам, а великое множество так называемых еретиков было даже уничтожено, например, в Самосатах, Кизике, Пафлагонии, Вифинии, Галатии и у многих других народов, где целые селения были стерты с
b лица земли. При мне же все совершенно изменилось — и изгнанным разрешено возвращение, и тем, у кого конфисковано имущество, предоставлена, по нашему закону, возможность получить обратно все, что им принадлежало. Они же дошли до такой степени бешенства и безумия, что, так как им уже нельзя больше тиранствовать и делать все, что раньше делали друг другу и творили по отношению к нам, почитающим богов, то теперь в своем озлоблении они хватаются за камни, осмеливаются возбуждать народ и подстрекать его к мятежам, не почитая богов и не повинуясь нашим эдик-
c там, как бы они ни были гуманны. Мы не позволяем никого из них против воли тащить к алтарям, но ясно им объявляем, что если кто-нибудь добровольно хочет принять участие в наших священных возлияниях и омовениях, должен сначала принести очистительную жертву и умолить отвращающих беды богов. Столь далеки мы, клянусь Зевсом, даже от мысли о том, чтобы кто-либо из нечестивцев
d участвовал вместе с нами в священных жертвоприношениях, прежде чем очистит душу мольбами к богам, а тело — положенными очистительными обрядами.

И понятно, почему толпа, обманутая так называемыми клириками, утратив безнаказанность, стала склонна к возмущениям:
437 ведь те, кто до настоящего времени тиранствовал, не довольствуются тем, что не несут наказания за совершенное ими зло, но мечтают о той власти, которой они обладали раньше, ибо сейчас им не разрешено творить суд, писать завещания[2], присваивать чужое добро и все забирать себе; и они используют любой повод для беспорядков и, по пословице, «подливают масло в огонь»[3], побуждая толпу к раздорам и прибавляя к ранее совершенному ими злу еще
b большее. И посему я решил объявить настоящим декретом всему народу и сделать общеизвестным следующее: пусть никто не восстает вместе с клириками и не поддается на их уговоры хвататься за камни

[1] Датировка дана в самом эдикте — 1 августа 362 г. Сразу после восшествия на престол Юлиан назначает президом Аравии ярого язычника ритора Бэлея (см. S e e c k, ук. соч., стр. 97), которому пишет Либаний, заступаясь за обвиняемого в антиязыческих актах в царствование Констанция чиновника-христианина Ориона. Очевидно, в результате мероприятий Юлиана и Бэлея в городе возникли беспорядки. В данном письме Юлиан явно пытается возложить всю вину на епископа Тита и настроить бострийцев против него. Письмо использовал как источник Созомен (V, 15). Тит Бострийский — известный епископ, автор частично дошедшей до нас книги «Против манихеев», жил и был епископом и после Юлиана (S o c r a t., III, 25).

[2] По закону Константина (Cod. Theodos., XVI, 2, 4) было разрешено завещать имущество церквям. Очевидно, Юлиан этот закон отменил.

[3] πῦρ ἐπὶ πῦρ ὀχετεύουσι.

и не повиноваться властям. Коли угодно — пусть посещают свои собрания и пусть возносят за себя молитвы, какие считают нужными. Но если они же в собственных интересах будут подстрекать других к мятежам,— пусть никто, если не хочет быть наказанным, не идет за ними.

c Объявить же это особо городу бострийцев меня побудило то, что епископ Тит и клирики в записках, которые они представили нам, обвиняют народ: как будто бы они убеждали народ не восставать, а народ сам стремился к беспорядкам. Я поместил дословно в свой
d эдикт то, что он осмелился написать в своих записках: «и хотя христиане числом не меньше эллинов, их сдерживает наше увещание никому нигде не нарушать порядка». Вот что сказано о вас епископом! Вы видите, как он говорит, что ваше спокойствие и порядок — не следствие вашей доброй воли, но что вы против своей воли, по
438 его словам, удерживаетесь только его увещаниями! Так выгоните по своей воле вашего обвинителя, а сами, всем народом, будьте в добром согласии друг с другом. И пусть никто никому не противодействует и не чинит обиды: ни заблуждающиеся — тем, кто правильно служит богам, как это надлежит по испокон веков переданным нам обрядам, ни служители богов пусть не предаются грабежам и не бесчинствуют в домах тех, кто заблуждается скорее по незна-
b нию, чем сознательно. Убеждать и поучать людей надлежит не кулаками, не оскорблениями и не физическим насилием, а разумными доводами. И я еще и еще раз убеждаю тех, кто стремится к истинному почитанию богов, не причинять обиды толпе галилеян, не нападать на них и не оскорблять их. Скорее жалости, чем злобы достойны те,
c кто заблуждается в делах величайшей важности,— ведь воистину величайшее из всех благ есть почитание богов, как наоборот, величайшее из всех зол — нечестие. Тем, кто отвернулся от богов к мертвецам и трупам, приходится терпеть такую кару... А мы разделяем и страдания тех, кто попал в какую-либо беду, и радость тех, кто избавлен и спасен богами.

Издано в Антиохии в августовские календы.

424 b

58. ЮЛИАН ЖИТЕЛЯМ ЭДЕССЫ[1] (115)

c Я всегда был так кроток и человеколюбив ко всем галилеянам, что никогда не допускал насилия по отношению к кому-нибудь из них, не позволял силой влечь их в храм или угрозами принуждать к чему-нибудь подобному. Но приверженцы арианской церкви, которым придало наглость богатство, напали на приверженцев учения Валентина и осмелились учинить в Эдессе такое, чего никогда не
d бывает в порядочном городе. А так как их поразительным законом им заповедано ⟨раздать свое имущество⟩, чтобы без труда войти в

[1] Дата письма неясна. Биде предполагает, что оно, как и предыдущее письмо к жителям Бостры, написано летом 362 г. в Антиохии. Мера, принятая Юлианом против эдесской церкви,— одна из серии мер, предпринятых им против отдельных церквей и христианских городов. По сообщению Созомена (V, 3,5), впрочем, малоправдоподобному, Юлиан отказывает в военной помощи христианскому городу Низибину, он лишает автономии Констанцию в Палестине (Sozomen., V, 3, 71), Кесарию Каппадокийскую (Sozomen., V, 4, 1; Liban., XVI, 14); широко известен конфликт Юлиана с антиохийскими христианами, в письмах он угрожает Пессинунту, упрекает александрийцев. Известно, что Юлиан, отправляясь в персидский поход, отказался пройти через Эдессу (Sozomen., VI, 1, 1; Theodoret., III, 26, 2). Очевидно, Эдесса была почти исключительно или исключительно христианским городом, ибо Юлиан угрожает репрессиями всем жителям Эдессы.

«царствие небесное», мы, присоединяясь в этом к усилиям их святых, повелеваем, чтобы все движимое имущество эдесской церкви было отобрано и отдано солдатам, а недвижимое имущество стало частью наших собственных владений, чтобы, став бедняками, они образумились и не лишились «царствия небесного», на которое они
425 еще надеются. Жителей Эдессы мы убеждаем воздерживаться от всяких мятежей и раздоров. А то как бы вы, возбудив против себя наше человеколюбие, не потерпели за учиняемые вами общественные беспорядки наказание мечом, огнем и изгнанием!

59. О ГРОБНИЦАХ И ПОХОРОНАХ[1] (136)

После долгих размышлений я почел своим долгом восстановить теперь, подтвердив законом, древний обычай. Ведь древние, установившие прекрасные законы, размышляя над этим, пришли к мысли, что есть громадное различие между смертью и жизнью, и решили, что и тому и другому должно быть свойственно свое. Ибо смерть — это вечный покой (тот «медный сон», о котором поют поэты)[2], а жизнь, наоборот, приносит много печального, но много и веселого, то неприятности, то самое хорошее. И приняв все это во внимание, они постановили, что выполнять обряды, связанные с умершими, нужно в одно время, а заботиться о делах повседневной жизни — в другое. Кроме того, они считали, что начало и конец всего — боги, и верили, что и при жизни мы подвластны богам, и после смерти — возвращаемся к ним. А что касается вопроса о том, одни ли и те же боги управляют и тем и другим миром или одни правят живущими, а другие — умершими, то о нем, очевидно, не стоит рассуждать при всех. Но если Гелиос, дающий день и ночь, своим приходом и уходом вызывающий ⟨зиму⟩ и лето, наиболее древний из богов, к кому восходит и от кого исходит все, поставил правителей над живущими и назначил владык над мертвыми, то и мы должны отдавать должное и тем и другим и подражать в нашей повседневной жизни порядку, установленному богами во всем бытие.

Итак, смерть — это покой, а покой свойствен ночи. Посему, я полагаю, надлежит именно ночью заботиться о погребении умерших, в то время как совершать что-либо подобное днем по многим причинам

---

[1] В кодексе Феодосия (IX, 17, 5) и частично в кодексе Юстиниана (IX, 19, 5) сохранился следующий текст закона, изданного Юлианом: «*Император Юлиан Август к народу.* Бесчинство по отношению к могилам умерших и посвященным им участкам земли продолжается несмотря на то, что наши предки всегда считали близким к кощунству даже взять оттуда камень или потревожить землю, или вырвать дерн. Но некоторые даже уносят из погребений украшения для своих триклиниев и портиков. Прежде всего, мы побуждаем их не впадать в грех и не осквернять святость могил и прямо запрещаем такие поступки в страхе перед наказанием и местью Ман. Во-вторых, по нашим сведениям, тела умерших людей проносят при большом стечении народа и громадном количестве присутствующих, что, как зловещее знамение, оскверняет взоры людей. В самом деле, разве хорошее предзнаменование — начинать день с похорон? А как после этого идти в храмы к богам? Таким образом, так как и скорбь при похоронах любит тайну, и для умерших совершенно безразлично, выносят их днем или ночью, надлежит освободить всех людей от этого зрелища, чтобы скорбь на похоронах казалась действительно скорбью, а не помпезным трауром. *Дано в канун февральских ид, в Антиохии, во время четвертого консульства Юлиана и первого Саллюстия*» (12 февраля 363 года). Вероятно, этот латинский текст — сокращение написанного самим Юлианом греческого текста, дошедшего лишь частично, очевидно,— вторая половина. Мотивы закона—чисто религиозные — неоплатоническая практика очищений и вера в знамения, чуждые христианским представлениям.

[2] Iliad., XI, 241.

запрещается. Каждый по своему делу ходит по городу, и все полно идущими в суды, на рынок или с рынка, сидящими за своей работой, заходящими в храмы, чтобы в своих добрых надеждах заручиться поддержкой богов. И вот тут, бог знает, какие люди, положив на носилки труп, проталкиваются среди занятых всем этим. Это ни в коем случае недопустимо. Ведь те, кто встречается с похоронами, часто бывают преисполнены тягостного чувства; одни считают это дурным предзнаменованием, а другим — тем, кто идет в храмы, нельзя приближаться к святыне, прежде чем они не очистятся от осквернения. Ибо после подобного зрелища не годится приближаться к богам, так как они, творцы жизни, всех более чужды тлению. Но это еще не самое плохое. А что же? Священные места и храмы богов открыты, и часто кто-нибудь внутри приносит жертву, совершает возлияния и молится, и в этот момент мимо самого храма проносят труп и зловещие звуки плача доносятся даже до алтарей. Разве вы не знаете, что как дневные и ночные дела прежде всего должны быть отделены друг от друга, так, естественно, и (похороны) [3]... должны совершаться не днем, а быть сохранены для ночи? Ибо не годится избегать при трауре ношения белых одежд, а хоронить умерших — среди бела дня. Лучше уж первое, если только это не оскорбительно ни для кого из богов, а второе никак не может не быть нечестием ко всем богам. Ибо похороны тем самым и несправедливо посвящаются олимпийцам, и несправедливо же отнимаются у богов подземного мира (или каким другим именем предпочитают именоваться правители и господа душ). И я знаю, что наиболее сведущие и понимающие в священных обрядах считают, что обряды подземным богам следует совершать ночью или, во всяком случае, после 10 часов дня. Если же это лучшее время для поклонения подземным богам, то мы, конечно, не назначим лучшего времени и для обрядов, связанных с мертвецами.

Этого достаточно для тех, кто повинуется охотно, и узнав, какие неправильные поступки они совершали, пусть они изменятся к лучшему. А если кому-либо нужны и угрозы наказанием, да знает он, что потерпит самое суровое наказание, если осмелится до 10 часов дня хоронить и проносить по городу кого-либо из умерших. Но пусть это совершается от захода солнца и до его восхода, а светлый день да будет посвящен светлым же делам и олимпийским богам.

60. ЮЛИАН ЛЕОНТИЮ [1] (152)

389 b Летописец-фуриец сказал, что люди должны верить ушам меньше, чем глазам [2]. Я же, если бы и десять раз тебя видел, не верил бы глазам так, как сейчас верю своим ушам, узнав от человека, который никогда не солжет, что ты, как настоящий мужчина, сражаясь, говоря словами Гомера, «руками и ногами» [3], сам себя превзошел. Итак, разрешая тебе пользоваться оружием, мы посылаем тебе полное вооружение, которое в настоящее время носит пехота (оно легче оружия кавалерии), и зачисляем тебя в отряд телохранителей [4] (куда принимаются лишь те, кто уже служил в армии и принимал участие в сражении).

---

[3] Текст испорчен. Слово «похороны» вставлено по смыслу.

[1] Ни адресат, ни дата письма, ни событие, о котором идет речь,—неизвестны.

[2] Herod., I, 8.

[3] Odys. VIII, 148.

[4] τῷ τῶν οἰκείων συντάγματι — так называемые domestici.

429 61. ПЛУТАРХУ[1] (153)

Мое телесное здоровье во всех отношениях удовлетворительно, и мое душевное состояние не менее хорошо. Я думаю, не может быть лучшего вступления к письму, посланному от друга к другу. Но что же за вступлением? Конечно, просьба. Но какая просьба? Ответных писем. И пусть они будут написаны с таким же расположением и так же возвещают нам о тебе благоприятные новости.

62. К НЕИЗВЕСТНОМУ[1] (155)

Кто не знает, что сказали эфиопы о самой питательной нашей пище? Ведь, получив наш хлеб, они, если только верить фурийскому летописцу[2], заявили, что поражаются, как мы живем, питаясь навозом. Есть же народы — пожиратели рыбы и мяса, которым, как сообщают авторы описаний вселенной, и во сне не снилось, что можно есть пищу, какую едим мы. И если кто-нибудь станет искать у нас что-либо похожее на их пищу, он не найдет ничего лучше, чем плоды болиголова или аконита, или чемерицы.

[1] Датировка письма совершенно не ясна. Возможно, как это полагает Биде, Плутарх — одно лицо с афинским философом Плутархом, сыном Нестория, умершим глубоким стариком в 431/2 г.; см. Marinus, Proclus, 12.

[1] В своем лексиконе на слово «Геродот» «Свида» пишет: «О Геродоте говорит Отступник в письме...» и дальше дается эта цитата. Ни адресат, ни дата, ни содержание письма неизвестны.

[2] См. Herod., III, 22.